
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

Н. Я. Мерперт

ДРЕВНЕЙШИЕ
СКОТОВОДЫ
ВОЛЖСКО-
УРАЛЬСКОГО
МЕЖДУРЕЧЬЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1974

В книге обобщен материал по исследованию древнейшей группы степных скотоводческих племен, сложившихся в начале III ты. до н. э. на территории Поволжья и Южного Приуралья. Автор анализирует данные о «древнейших племенах», дает их периодизацию, выделяет ступени развития древнейших степных скотоводов. Особое внимание уделяется общим вопросам сложения подвижного скотоводства в Каспийско-Черноморских степях и его роли в древнейшей истории Европы. Книга содержит карты, систематические и синхронитические таблицы.

ВВЕДЕНИЕ

Переход от присваивающей, охотничье-рыболовческой экономики к производящему хозяйству, формирование, развитие и распространение основных форм последнего — земледелия и скотоводства — явились важнейшим этапом в истории человечества и в значительной мере определили весь дальнейший ее ход. Процессы эти знаменовали начало нового периода древнейшей истории, принципиально отличного от сотен тысячелетий предшествующего развития. Они вызвали подлинный перелом как в области производства, так и во всех сферах жизни древнего общества. Более 80 лет назад, обобщая периодизацию Л. Моргана, Ф. Энгельс именно эти процессы положил в основу своей знаменитой схемы, определив два основных периода истории первобытного общества — дикость и варварство. «...Дикость — период преимущественно присвоения готовых продуктов природы; произведения, созданные человеком, служат главным образом вспомогательными орудиями такого присвоения. Варварство — период введения скотоводства и земледелия, период усвоения методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности»¹.

Огромное накопление археологических материалов за последующие десятилетия, в особенности после второй мировой войны, полностью подтвердило справедливость этой периодизации и заставило ряд крупных западных исследователей обратить самое серьезное внимание на ее принцип. Вир Гордон Чайлд особо подчеркнул историческое значение перехода от присваивающей экономики к производящей. Он дал этому переходу наименование «неолитической революции»². Роберт Брейдвуд разделил древнейшую историю на эпоху присвоения пищи и эпоху производства пищи, выделив в последней ряд этапов³. Фактически он воспринял принцип и ряд конкретных положений периодизации Ф. Энгельса, применив их к огромным новым археологическим матери-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 33.

² V. G. Childe. Man Makes Himself. London, 1939; *он же*. New light on the most Ancient East. London, 1954 (русск. перевод: Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956); см. также: S. Cole. The Neolithic Revolution. London, 1965.

³ R. Braidwood. The Near East and foundations for civilization. Oregon, 1952; *он же*. Evolution after Darwin, II. Chicago, 1960; R. Braidwood, B. Howe. Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960; R. J. Braidwood. Prehistoric Man. Chicago, 1967, стр. 92 сл.

алам. В. М. Массон справедливо считает этот факт «...одним из ярких проявлений того, что подлинно научное развитие исторической науки возможно лишь на основе исторического материализма — этого краеугольного камня марксизма-ленинизма»⁴.

Община собирателей, охотников и рыбаков даже при условии оптимального естественного окружения твердо лимитирована в своей численности и возможностях природными ресурсами. Она может совершенствоваться в использовании этих ресурсов. Но умножить их, добиться качественного их изменения, привести их в соответствие с потребностями численно возрастающих коллективов она не может. Этим объясняется весьма медленный темп роста численности населения в эпоху присваивающего хозяйства. Человек мог жить лишь в областях естественного распространения необходимых ему животных и растений. Искусственно воздействовать на них, вызывая распространение их на новых территориях и «акклиматизацию» в новых, первоначально необычных условиях, он не мог. Это, естественно, заметно ограничивало и возможности расселения самого человека. Примитивность и однообразие форм хозяйства при необходимости повседневно участия значительной части коллектива в добычании («присвоении») пищи обуславливали ограниченность не только возможностей, но и потребностей человека. А с этим связаны медленный темп технического и культурного развития, замкнутость коллективов, случайный характер связей. Узость производственной базы, полная зависимость от естественных условий и их превратностей резко лимитировали развитие общества в целом, во всех его проявлениях.

И во всех проявлениях развития общества наступили резкие изменения с переходом к производящему хозяйству. Мы вправе говорить о революционном характере этого процесса, вправе согласиться с В. Г. Чайлдом, определившим его как «первую революцию, которая трансформировала человеческую экономику, дала человеку контроль над его собственным запасом пищи»⁵. Человек стал не только добывать, но и производить пищу, непрерывно совершенствуя это производство и расширяя его масштаб. В этих принципиально новых условиях неизмеримо возросли возможности человека и сфера его деятельности, одно за другим исчезали отмеченные выше ограничения предшествующего периода.

Резко изменился темп роста народонаселения. Весьма показательны здесь направление некоторых демографических исследований и их ориентировочные заключения. С наибольшей определенностью они суммированы американским биологом Эдуардом Дивеем⁶. Этот исследователь с должной осторожностью подчеркнул условность демографических заключений для древнейших, предшествующих началу производящего хозяйства периодов человеческой истории («От палеолитического времени не сохранились свидетельства для обоснования таких подсчетов»). Здесь

⁴ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 82.

⁵ V. G. Childe. Man Makes Himself, стр. 67.

⁶ E. S. Deevey. The Human Population. «Scientific American», September, 1960, стр. 1 сл.

необходим допуск, и Э. Дивей предполагает для нижнего палеолита среднюю цифру населения в полмиллиона человек, для верхнего — до трех миллионов человек. Для определения численности населения ойкумены мезолитической эпохи Дивей использовал некоторые подсчеты, произведенные Р. Брейдвудом и Ч. Ридом и касающиеся современных охотничьих племен, а также сохранившиеся данные о плотности населения восточных территорий Северной Америки в период, непосредственно предшествующий появлению здесь европейцев. Эти материалы позволили ему ориентировочно, но уже с определенными фактическими основаниями предложить для мезолитической эпохи цифру возможной численности населения несколько более пяти миллионов человек. «Население нигде не было многочисленным,— отмечает Дивей,— но по всей ойкумене оно достигало довольно значительной общей цифры в 5 000 000, в среднем 0,04 человека на 1 кв. км»⁷. Данные Р. Брейдвуда и Ч. Рида использованы и при подсчетах населения в период первоначального распространения производящего хозяйства. Эти данные более определены. Во время активных полевых исследований указанных ученых в Месопотамии были выяснены границы «культурированных» территорий, число поселков на каждой из них, число домов в поселках и комнат в домах, определены соответствующие им обрабатываемые участки. Полученные таким образом цифры численности и плотности населения были проверены путем сравнения с современными аналогами на тех же территориях. Привлекая данные других областей ойкумены — вплоть до Нового Света — и учитывая, что в рассматриваемый период лишь очень немногие из них были охвачены распространением производящего хозяйства, Дивей предложил общую цифру населения этого времени в 86 500 000 человек, т. е. почти в 16 раз больше, чем в мезолите. Плотность населения раннеземледельческих центров определена им, как 1 человек на 1 кв. км. На остальных территориях плотность населения осталась прежней — 0,04 человека на 1 кв. км⁸.

Эти данные, и прежде всего цифры, носят, повторяю, ориентировочный характер. Но они должны быть приняты во внимание. И, главное, можно не сомневаться в правильности самого направления исследования, в правильном определении закономерностей темпа роста народонаселения до формирования производящего хозяйства и после начала его распространения. Весьма показателен и хорошо обоснован скачок в численности и плотности населения территорий, охватываемых этим распространением⁹. Так было в период формирования производящего хозяйства в первоначальных его центрах. Так было и позднее, когда новые его формы распространялись на новых территориях. Как будет показано ниже, достаточно четко эти закономерности отражены и в степной полосе, где спонтанный характер распространения производящей экономики вызвал особенно резкий скачок в степени заселенности.

⁷ Там же, стр. 3, 4.

⁸ Там же, табл. на стр. 4.

⁹ Там же, логарифмическая кривая населения на стр. 6.

Резкий рост численности и плотности населения явился одним из значительных результатов перехода к производящему хозяйству. Столь же значительными были и другие явления, обусловленные этим процессом. Искусственное распространение культивируемых растений и одомашненных животных на новых, отличных от естественной «прародины» их предков территориях позволило на иных принципах расширять границы ойкумены. Потребности нового хозяйства, непрестанно возраставшие с его распространением и совершенствованием, заметно расширили сферу человеческой деятельности, обусловили появление новых ее направлений, резко активизировали технический прогресс, сделали жизненно необходимыми регулярные связи, а в ряде случаев и взаимодействие между коллективами, ликвидировав их тысячелетиями сохранявшуюся замкнутость. Познание более широкого круга явлений природы, попытки объяснить и отразить их обусловили новый этап в развитии мышления и различных областей культуры — прежде всего изобразительного искусства¹⁰ (последнее в немалой степени зависело и от новых возможностей распределения времени: условия производящей экономики уже не требовали повседневного и круглогодичного участия большинства коллектива в добычании пищи). Прямым следствием формирования производящего хозяйства явилось появление регулярного прибавочного продукта, а следовательно, и возможность его концентрации, что повело к далеко идущим социальным последствиям, знаменовавшим первые ступени длительного процесса разложения первобытнообщинного строя. Наконец, нарушение замкнутости первобытных коллективов и формирование крупных и прочных объединений явилось важнейшим этапом в этнической истории человечества.

Совершенно естественно, что проблематика, связанная с переходом к производящему хозяйству и ранними этапами развития последнего, находится ныне в центре внимания ряда исследователей древнейшей истории. При этом все исследователи этой проблемы¹¹, естественно, обращают основное внимание на материалы раннеземледельческих обществ, глубоко обоснованно выделяя основные периоды их развития, вскрывая содержание каждого из этих периодов и определяя роль их в социально-экономической истории человечества. Это совершенно закономерно, поскольку, признавая комплексный характер древнейшего производящего хозяйства, следует в то же время подчеркнуть ведущую роль земледелия в отмеченных выше крупнейших экономических

¹⁰ Блестящими примерами искусства древнейших земледельцев являются недавние открытия замечательных фресок Чатал-Гуйюка, скульптура Хаджилара (Анатолия) и Телль эс-Саввана (Месопотамия) (см.: *J. Mellaart. Earliest civilizations of the Near East. London, 1965; Dr. Faisal El-Wailly, Behnam Abu Es-Sooif. Excavations at Tell es-Sawwan. «Sumer», vol. XXI, N 1—2, 1965, стр. 17—32; J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967; он же. Excavations at Haçilar. Edinburgh, 1970).*

¹¹ *V. G. Childe. Man Makes Himself; он же. New light...; S. Cole. Указ. соч.; R. J. Braidwood. Prehistoric Man; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток; он же. Поселение Джейтун. МИА, № 180, 1971. Самый переход к производящему хозяйству нередко именуется не «неолитической», а «земледельческой революцией» (В. М. Бахта. К вопросу о структуре первобытного производства. ВИ, 1960, № 7).*

и культурных сдвигах. Именно земледелие обусловило переход к прочной оседлости, появление и совершенствование новых отраслей производства, связанных с потребностями подготовки посевных площадей, уборки, транспортировки и обработки урожая, ирригации, домостроительства и пр., возникновение нового, специфически раннеземледельческого искусства и т. д. Все эти явления определенным образом отражены археологическими свидетельствами. Последние представляют собой достаточно полный и благодарный материал для исследования, особенно с момента возникновения долговременных, «многослойных» раннеземледельческих поселений, остатки которых отражают последовательные этапы длительных периодов развития.

Скотоводство в древнейших центрах производящего хозяйства развивалось наряду с земледелием и в тесной связи с ним. В комплексном хозяйстве этого периода оно играло весьма значительную роль. Более того, специфика природного окружения даже в пределах единой зоны с самого начала «неолитической революции» предопределяла формирование, с одной стороны, групп с преимущественным развитием земледелия, с другой — групп с преимущественным развитием скотоводства¹². Но резкой дифференциации еще не было. Осваивались прилегающие к раннеземледельческим областям участки степей и горные пастбища. И те и другие группы находились в постоянном тесном взаимодействии, составляя по сути дела единую хозяйственную систему. В этом аспекте весьма показательно сравнение поселений древнейшего периода производящего хозяйства Джармо (Иракский Курдистан) и Тепе-Сараба (Иранский Курдистан). Первое поселение стационарное, многослойное, типичное для древнейших земледельцев. Второе — временный скотоводческий лагерь высоко в горах¹³. А материальная культура — кремень, керамика, пластика — едина на обоих поселениях. Никаких следов культурной дифференциации нет. Говорить о специфической культуре скотоводческих групп этого периода пока нет оснований. Да и вообще скотоводство оставляет значительно меньше свидетельств в материальной культуре, чем земледелие, и возможности использования этих свидетельств в общеисторических построениях (особенно для древнейшего периода) минимальны.

И лишь позднее, когда обусловленный «неолитической революцией» рост народонаселения вызвал необходимость освоения значительных областей, а навыки производящей экономики распространились далеко от первоначальных центров, положение заметно изменилось. Потребовалась выработка иных форм производящего хозяйства, соответствующих специфике осваиваемых областей. Появились новые формы самого земледелия: «полукочевое» (по В. Г. Чайлду), подсечно-огневое и пр. Но на ряде обширных территорий возможности любой доступной на

¹² K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. «Science», 12 March, 1965, vol. 147, N 3663.

¹³ R. Braidwood. Seeking the World's First Farmers in Persian Kurdistan: A Full-Scale Investigation of Prehistoric Sites near Karmanshah. «Illustrated London News», October 22, 1960; J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran. Luristan. «Acta Archaeologica», vol. XXXIV, 1964, стр. 112.

том уровне технического развития формы земледелия были крайне ограниченными, тогда как перед скотоводством открывались значительные перспективы быстрого развития и выработки новых форм. И такие формы вырабатывались местным населением этих территорий. Различные группы его, соприкасаясь с древними центрами производящего хозяйства или подвергаясь их влияниям, приспособляли достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, основной и ведущей отраслью хозяйства которых являлось скотоводство в подвижных его формах, исключающих одновременное ведение земледельческого хозяйства. Дифференциация, лишь слабо намечавшаяся ранее, приняла четкие формы и получила определенное отражение в ряде сфер жизни и культуры. Выделились обширные зоны с преимущественным развитием скотоводства. Исторический процесс в них отмечен своими специфическими закономерностями. Экстенсивное в основе своей, подвижное скотоводство весьма продуктивно в первые периоды развития, оно быстрее и легче земледелия дает прибавочный продукт. Охотничье-рыболовческое население, воспринявшее скотоводство и придавшее ему подвижные формы, достаточно быстро почувствовало эффективность нового хозяйства. «За самкой дикого буйвола,— писал Ф. Энгельс,— нужно было охотиться, прирученная же — она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко»¹⁴. Коллективы подвижных скотоводов быстро росли. Соответственно росли и их стада, что требовало постоянного расширения «производственных площадей» — пастбищ. Расширение это шло значительно быстрее и в больших масштабах, чем у земледельцев. Иной характер и темп приняли и перемещения скотоводческих групп. Сегментации, постепенному и «прочному» характеру распространения древних земледельцев (что весьма убедительно показано В. М. Массоном¹⁵) противостоят единовременные, иногда весьма далекие «броски» скотоводов по открытым пространствам в поисках новых пастбищ, водных ресурсов, источников сырья и областей соприкосновения с земледельцами. Такие «броски» достигали значительного масштаба, поскольку борьба за пастбища требовала создания больших и мощных объединений, которые быстро возникали, распространялись и столь же быстро распадались. Выделение и особенности развития скотоводческих групп обусловили и формирование их культурного своеобразия, причем как технические достижения, так и элементы материальной и духовной культуры распространялись в зонах преимущественного развития скотоводства с особой быстротой, что определялось как прямыми спонтанными «бросками» их носителей, так и особой оперативностью связей между подвижными группами в условиях открытых пространств. При этом в степных областях создавались огромные культурные общности. Сохранявшийся в древнейших центрах производящего хозяйства, несмотря на специфику отдельных племенных групп, баланс между земледелием и скотоводством был нару-

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 159.

¹⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 395.

шен. Взаимодействие, конечно, продолжалось, но теперь это было уже в ряде случаев взаимодействие специфических и даже противостоящих групп, и далеко не всегда оно носило мирный характер.

Значение отмеченных явлений для всего процесса древнейшей истории весьма велико. Они знаменовали новый этап в распространении производящего хозяйства, новую форму «неолитической революции». Ф. Энгельс особо подчеркнул выделение пастушеских племен из «...остальной массы варваров...»¹⁶.

В этом аспекте особый интерес приобретает древнейшая история Каспийско-Черноморских степей, где формирование специфически скотоводческих групп, их развитие, взаимодействие с земледельцами и роль в историческом процессе проявились в весьма значительном масштабе и с определенной четкостью.

Степная полоса, на тысячи километров протянувшаяся вдоль северных берегов Каспийского и Черного морей, охватившая значительные территории Поднестровья, Поднепровья, Подонья, Предкавказья и Поволжья, уходящая далеко на восток, в пределы Средней Азии, и на запад, в Подунавье и на Балканы, начиная с глубокой древности играла огромную роль в истории Восточной Европы. Она связывала самые отдаленные области, глубоко различные как по климатическим и ландшафтным особенностям, так и по характеру и уровню развития их населения. Степная полоса непосредственно соприкасалась со всеми тремя раннеземледельческими очагами, возникшими на территории СССР в ходе распространения «неолитической революции» — с югом Средней Азии, Кавказом и Северо-Западным Причерноморьем. Она создавала возможность для определенного «фокусирования» их культурных воздействий. В таком же отношении находилась она и к древнейшим очагам металлургии и металлообработки, возникшим несколько позднее в Южном Приуралье, на Кавказе, в Дунайско-Балканском районе.

Условия ковыльных и полынных степей, переходящих в Прикаспии в полупустыню, резко ограничивали возможности земледелия, которое могло практиковаться лишь на ограниченных участках речных пойм да у кромки лесов. Что же касается скотоводства, то необходимая для его развития кормовая база была здесь практически беспредельной, причем наиболее «качественные» участки находились в открытых степных просторах, вдали от рек: там большая насыщенность солью придает кормам особую ценность.

Однако использование этих возможностей требовало широкого освоения степей. В предшествующий период были заселены лишь поймы пересекающих степи рек и то крайне неравномерно. Основные территории степей — их внутренние открытые участки — не были практически заселены совсем. Широкое их освоение могло начаться лишь с возникновением подвижных форм скотоводства, когда появилась потребность в таком освоении и возможность осуществления его. С этого времени степные пространства из фактора разделяющего превратились в фактор

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 160.

связывающий. Они способствовали значительным перемещениям больших групп, сложным процессам смешения и ассимиляции, а также широкому и быстрому распространению экономических и культурных достижений человечества. И само заселение значительных участков степей носило спонтанный характер, отмеченный выше как одна из особенностей распространения скотоводческих групп.

Одним из наиболее специфических и значительных явлений древнейшей истории степной полосы явилось создание больших культурных общностей: распространение близких культурных явлений и установление определенного культурного единства на огромных территориях. По своим размерам последние во много раз превосходят обычные территории археологических культур других зон, даже таких значительных, как, например, культура колоколовидных кубков Западной и Центральной Европы. Формирование таких гигантских общностей было определено рядом различных факторов.

Конечно, значительную роль играло здесь последовательное развитие местного населения и все большая активизация многосторонних связей между различными его группами. Развитие в близких естественных и исторических условиях при равенстве хозяйственного и общественного уровня приводило к конвергентному возникновению близких явлений в культуре населения различных областей. Связи, особенно активизировавшиеся с распространением подвижных форм скотоводства, а несколько позднее — с началом эры металлов, еще более усилили эту близость, привели к постепенному сближению культур, имевших различные корни и возникших в различных областях.

В специфических условиях степной полосы конвергентное развитие и сближение первоначально различных культур явились весьма важным условием, своего рода необходимым фоном формирования гигантских культурных общностей. Наиболее же активным началом последнего процесса было распространение на огромных территориях культур, имевших общее происхождение и первоначально общую — более узкую — территорию. Такое распространение могло быть обусловлено как передвижением самих человеческих групп (что неоднократно засвидетельствовано на протяжении всей истории степной полосы), так и диффузией и активным обменом, возможности которых особенно велики в условиях открытых пространств и подвижного скотоводческого хозяйства.

Сложное взаимодействие этих факторов обусловило определенную культурную нивелировку и создание больших культурных общностей. Каждая такая общность охватывала ряд племенных групп и ряд соответствующих им археологических культур. Наряду с признаками, объединявшими эти культуры, — и прежде всего ритуальным единством, отраженным единообразием погребальных обрядов, — следует учитывать их своеобразие, сохранившееся и развивающееся внутри общности. Это своеобразие в значительной мере определило различные формы дальнейшего культурного развития отдельных племенных групп, входивших в состав общности, обусловило постепенно нарастающую культурную дифференциацию внутри последней.

Поэтому сами культурные общности степной полосы должны рассматриваться как сложные и многокомпонентные образования, объединившие на определенном этапе — и прежде всего в силу исторических причин — ряд локальных групп, судьбы которых в дальнейшем были отнюдь не идентичны. Подобные общности по содержанию своему не могут считаться археологическими культурами. Правильнее именовать их культурно-историческими областями.

При ретроспективном рассмотрении древнейшей истории степной полосы Восточной Европы начиная с раннего железного века можно указать три наиболее значительные культурно-исторические области: скифскую, срубную и древнеямную. Исторически с двумя последними тесно связана культура (а вернее культуры) катакомбных племен. Однако вслед за рядом других исследователей, прежде всего первооткрывателем древнеямной, катакомбной и срубной культур В. А. Городцовым¹⁷, я считаю ядро этих племен пришлым и генетически не связанным с населением отмеченных культурно-исторических областей. Что же касается последних, то вопросы их генезиса, развития и генетической преемственности крайне важны для решения основных проблем этнической и культурной истории Восточной Европы.

Наиболее древней в степной полосе является древнеямная культурно-историческая область, охватившая в период своего расцвета огромную территорию от Южного Приуралья на востоке до Днестра на западе. Формирование этой области знаменовало первую ступень широкого освоения степей и распространения в них производящих видов хозяйства, прежде всего подвижного скотоводства. История ее была длительной и сложной. Начавшись в позднем неолите, она охватила весь переходный энеолитический период и продолжалась на ранних ступенях бронзового века. На протяжении этой длительной эпохи внутри области неоднократно происходили значительные изменения, периоды культурной нивелировки сменялись периодами дифференциации, роль конкретных племенных групп в общем процессе развития области изменялась, а на позднем этапе исторические судьбы их заметно разошлись.

Для всего дальнейшего процесса развития значительных территорий Восточной Европы древнеямная культурно-историческая область является важнейшей подосновой, в которой следует искать корни ряда основных явлений последующих периодов. Все эти явления базировались в основном на развивающейся производящей экономике и на специфических закономерностях этого развития в степной полосе. Начало же этой экономики связано в степях с древнеямными племенами, причем последние не только освоили ее сами, но и сыграли значительную

¹⁷ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. «Труды АС», т. 1. М., 1905; *он же*. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. «Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1914 г.». М., 1916; *он же*. Классификация погребений Одесского кургана. «Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1915 г.». М., 1916; *он же*. Путеводитель по Российскому Историческому музею. М., 1923; *он же*. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, изд. 1, т. VII.

роль в деле распространения производящей экономики на обширных смежных со степью территориях (в лесостепной и лесной зонах). Определенные группы древнеямной культурно-исторической области явились важными, а часто и основными компонентами в процессе формирования ряда культурных и этнических общностей последующих ступеней восточноевропейского бронзового века. Поэтому без учета материалов древнеямной культурно-исторической области изучение бронзового и даже начала железного века указанных территорий в определенной мере лишается своего фундамента.

Необходимо подчеркнуть, что динамика исторического процесса в степной полосе, темп и сложность его обуславливают особые трудности изучения этой территории. Огромные пространства, частые перемещения и смешения племен значительно затрудняют определение границ культурных областей и конкретных археологических культур, оставленных этими племенами. Исключительная редкость многослойных поселений, встреченных лишь в порядке исключения в единичных пунктах огромной области, делает весьма сложной проблему относительной и абсолютной хронологии. Вплоть до недавнего времени материалы древнеямной культурно-исторической области ограничивались крайне бедными погребальными комплексами. Для большинства же ее районов это положение сохраняется и по сей день.

С этим в значительной мере связана и степень изученности древнеямной культурно-исторической области. Материалы ее уже несколько десятилетий привлекают к себе внимание археологов и лингвистов, они неизменно фигурируют в общих работах при рассмотрении основных проблем культурной и этнической истории Европы. Особую популярность приобрели они у исследователей индоевропейской проблемы¹⁸. При этом предлагаются самые различные, зачастую взаимоисключающие заключения относительно хронологии, происхождения, путей развития и исторической роли племен, оставивших эти материалы. Такие разночтения обусловлены прежде всего отсутствием разработанной должным образом источниковедческой базы. До сего времени лишь древнеямные памятники Нижнего Поднепровья подверглись специальному обстоятельному исследованию¹⁹. Материалы других районов гигантской культурно-исторической области освещались лишь в раскопочных отчетах или привлекались при рассмотрении смежных проблем. Всей области в целом посвящены лишь краткие характеристики в общих ра-

¹⁸ P. Bosh-Gimpera. Les Indo-Européens. «Problèmes Archéologiques». Paris, 1961 (библ.); M. Gimbutas. Culture Change in Europe at the Start of the Second Millenium B. C. A Contribution to the Indo-European Problem. «Selected Papers of the Fifth Internat. Congress of Anthropolog. and Ethnolog. Sciences», 1957; она же. European Prehistory: Neolithic to the Iron Age. «Biennial Review of Anthropology», 1963; она же. Proto-Indo-European Culture: the Kurgan Culture during the Fifth, Fourth and Third Millennia B. C. «Indo-European and Indo-Europeans». University of Pennsylvania Press., 1970; Н. Я. Мерперт. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. КСИА, вып. 83, 1961; он же. Этногенез в бронзовом веке. «История СССР», т. I. М., 1966, стр. 149—160.

¹⁹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962.

ботах и единичные специальные статьи, также ограничивающиеся суммарной характеристикой и лишь намечающие пути детального исследования²⁰.

Между тем, как уже отмечалось выше, древнеямная культурно-историческая область объединяла ряд локальных вариантов, каждый из которых отмечен безусловным своеобразием и требует особого исследования, прежде всего — особого источниковедческого анализа. Лишь сопоставление таких исследований позволит сделать достаточно обоснованные заключения по основным вопросам истории конкретных группировок древнеямных племен.

Впервые вопрос о выделении подобных вариантов был поставлен автором настоящей работы в 1958 г.²¹ В дальнейшем он неоднократно пересматривался²², в результате чего была сделана попытка обосновать выделение девяти основных вариантов древнеямной культурно-исторической области²³. Варианты эти следующие: I — Волжско-Уральский; II — Предкавказский; III — Донской; IV — Северско-Донецкий; V — Приазовский; VI — Крымский; VII — Нижне-Днепровский; VIII — Северо-Западный; IX — Юго-Западный.

Каждый вариант охватывает значительную территорию и в свою очередь делится на ряд локальных групп. Пространственное распространение вариантов представлено на рис. 1. Настоящая монография посвящена исследованию материалов первого из указанных вариантов — Волжско-Уральского — одного из самых больших и исторически значительных. Территориально этот вариант охватывает междуречье Волги и Урала.

²⁰ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы европейской части СССР. «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961, стр. 161—175; *он же*. Скотоводы степной полосы в эпоху энеолита. «История СССР», т. 1, стр. 96—105.

²¹ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958.

²² Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы европейской части СССР.

²³ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. М., 1968.

ТЕРРИТОРИЯ И ХАРАКТЕР ПАМЯТНИКОВ

Заволжье и всей территории Волжско-Уральского междуречья принадлежала особо значительная роль в истории степной полосы Евразии. Территория эта являлась подлинным связующим звеном между двумя континентами. Открытые степные пространства связывали ее с Северным Причерноморьем и кавказским культурным очагом, древнейшей земледельческой ойкуменой Средней Азии и бескрайними, уходящими в пределы Центральной Азии просторами Южной Сибири. Она находилась как бы в центре великого и древнего пути многосторонних культурных связей, активных контактов и влияний и, наконец, грандиозных переселений больших человеческих групп. Изучение монгольского нашествия и истории кочевников раннего средневековья, болгарской и венгерской проблем и гуннского вторжения требует особого внимания к археологическим памятникам Волжско-Уральского междуречья. А в ряде случаев с этой территорией связаны не только передвижения и контакты, но и сложные процессы формирования больших племенных групп и культурных общностей, сыгравших в дальнейшем значительную роль в древней истории Каспийско-Черноморских степей. Ярчайшим примером являются савроматы, формирование которых на рассматриваемой территории убедительно доказано К. Ф. Смирновым¹.

Но и задолго до начала раннего железного века Волжско-Уральское междуречье являлось территорией формирования и контактирования крупных племенных групп. Именно с этой территорией связано сложение срубной культуры, которая явилась в дальнейшем основой гигантской культурно-исторической области, раскинувшейся от р. Урала до Северо-Западного Причерноморья². Здесь, в лесостепных районах, открыты прямые свидетельства контакта срубных групп с андроновскими и абашевскими³. Южнее — по открытым степным пространствам — андроновские скотоводы уже на раннем этапе своей истории

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVIII, 1947; она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955; Н. Я. Мерперт. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957; он же. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958.

³ К. В. Сальников. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии. «Археология и этнография Башкирии», вып. II. Уфа, 1964, 67 сл.; он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

проникали из Приуралья до волжских берегов и далее на запад⁴. И здесь же был основной исходный плацдарм для продвижения срубных племен на восток, обусловившего контакт их с племенами степной периферии Средней Азии и формирование тазабагыбской культуры, столь поразительно сходной в ряде своих элементов со срубной⁵.

Уже в эпоху бронзы Волга превратилась в важнейший путь, связующий различные и разделенные тысячами километров земли, ландшафтные зоны, культурные области, этнические группы. Возможность широких связей, богатейшие степные пастбища, мягкие пойменные почвы и благоприятные условия для подсечно-огневого земледелия превратили Волгу в гигантский магнит, притягивавший к ее берегам многочисленные племена как с запада, так и с востока. И в Нижнем Поволжье, расположенном в основном в степной, а на крайнем юге в полупустынной зоне⁶, распространилось прежде всего скотоводческое население. Именно скотоводство лежало в основе экономики срубных и андроновских групп и определило их быстрый рост и активную экспансию. Да и в дальнейшем все значительные племенные образования Волжско-Уральского междуречья, все крупные расселения и перемещения их обуславливались прежде всего приоритетом скотоводства в экономике и особенностями развития его в степной полосе.

Но срубные и андроновские племена не были древнейшими скотоводами этой территории. Начало скотоводства уходит здесь в еще большую древность и является весьма своеобразным по форме и значительным по последствиям проявлением «неолитической революции». Оно обусловило резкий рост возможностей человека во взаимодействии его с природой, освоение новых территорий, подлинный скачок в численности населения.

В мезолите и раннем неолите глубинные районы степи были практически необитаемы. Немногочисленное население рассматриваемой территории редкими и небольшими группами располагалось на берегах рек, где рыбные богатства и фауна небольших пойменных лесов создавали определенные возможности для присваивающего хозяйства. Памятниками этого населения являются остатки редких временных поселков — так называемые дюнные стоянки, ограниченные как по размерам, так и по мощности и насыщенности культурного слоя, в подавляющем большинстве случаев нерегулярного и перемешанного. Да и эти немногочисленные памятники далеко не во всех случаях могут быть связаны со столь ранними периодами.

Положение заметно изменилось в конце неолита. Число памятников этого и непосредственно следующих за ним периодов резко возросло. Изменилась и территория их распространения. Появились древнейшие

⁴ О. А. Кривоцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 37, 52; Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории..., стр. 103—104; П. Д. Либеров. Древняя история населения Подонья. Автореф. дисс. М., 1971, стр. 21.

⁵ М. А. Итина. О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. СА, 1967, № 2.

⁶ «Нижнее Поволжье. Физико-географическое описание». М.— Л., 1948.

степные курганы, и многочисленные группы их не только вытянулись вдоль пойм Волги и ее притоков, но и вклинились глубоко в степные пространства. Редкие разрозненные памятники уступили место регулярному распределению их на значительных территориях. Заметно выросли и сама ойкумена и степень ее заселенности, что могло быть обусловлено лишь появлением производящего хозяйства, а в конкретных условиях рассматриваемой территории — развитием скотоводства. По сути дела начался новый этап заселения Нижнего Поволжья и Волжско-Уральского междуречья. Лишь начиная с указанных периодов это заселение приняло регулярный характер. Лишь с этого времени археологические материалы дают возможность проследить связную и последовательную историю больших племенных и культурных общностей Волжско-Уральского междуречья, развивавшихся и сменявших одна другую более трех тысячелетий, на протяжении энеолитического периода, бронзового и раннего железного веков. Сама возможность формирования таких общностей в условиях степной полосы появилась, повторяю, лишь с распространением производящего хозяйства.

Древнейшей же из этих общностей явилась древнеямная. Она начала формироваться на грани позднего неолита и энеолита и явилась основой всего дальнейшего развития населения и культуры бронзового (а в определенном аспекте и раннего железного) века рассматриваемой территории. Археологически она представлена памятниками волжско-уральского варианта древнеямной культурно-исторической области.

1. Волжско-Уральское междуречье и его исследование

Первые сведения о раскопках курганов бронзового века в Заволжье относятся еще к первой половине XIX в.⁷ Но целенаправленное изучение древнейших памятников началось здесь сравнительно поздно. В сводке А. А. Спицына 1899 г. были указаны лишь правобережные памятники, главным образом раскопанные самим автором на Иловле⁸. На правом же берегу В. Ф. Ореховым было открыто древнеямное погребение на срубном Ивановском поселении близ Хвалынского⁹. В левобережье исследование подобных памятников началось в послереволюционные годы, и одними из первых здесь следует назвать раскопки В. В. Гольмстен древнеямных курганов в северных пределах степного Заволжья — в районе Самарской Луки (1923 и 1926 гг.) и обследо-

⁷ Н. А. Zwick. Die Gräber in den Caucasischen Don- und Wolgasteppe. «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands». Bd. V. Leipzig, 1836, стр. 273—296; А. А. Формозов. Первые научные раскопки в Нижнем Поволжье. СА, 1971, № 1, стр. 191—193.

⁸ А. А. Спицын. Курганы с окрашенными костяками. ЗРАО, т. XI. СПб., 1899.

⁹ В. Ф. Орехов. Две раскопки на церковной земле села Ивановки Хвалынского уезда Саратовской губернии. «Труды СУАК», вып. 33, 1916, стр. 39—59. В левобережье может быть указан курган, раскопанный в 1911 г. Щегловым, Кротковым и Охлябинным у Покровска. Но древнейшее погребение его, по заключению П. Д. Рау, «принадлежало полтавкинской ступени» (С. А. Щеглов. Курганы с окрашенными костяками в Новоузенском уезде Самарской губернии. «Труды СУАК», вып. XXX, 1913).

вание ею же ряда культурных слоев этого района (начиная с 1920 г.)¹⁰. Эти исследования впервые установили наличие древнеямных памятников в Заволжье и определили северную границу их распространения, не измененную последующими работами.

В 20-е же годы началось исследование средней части Нижнего Заволжья — в пределах современных Волгоградской и Саратовской областей, но в основном на широте Саратова — от Энгельса до Уральска. Успешно проведенные здесь П. С. Рыковым и П. Д. Рау раскопки небольших курганных групп положили начало изучению собственно степного Заволжья и заметно пополнили ряд общих представлений о бронзовом веке степной полосы. Этими раскопками было вскрыто и несколько древнеямных погребений. П. С. Рыков первоначально объединил их вместе с более поздними погребениями полтавкинского типа в раннюю стадию «А» особой хвалынской культуры, совмещающей признаки древнеямной и катакомбной культур с преобладанием первых в обряде, а вторых в инвентаре. Таких погребений П. С. Рыков выделил 12. Названную стадию он отнес к 1600—1400 гг. до н. э. «на основании того, что древнейшие черты катакомбной и ямной культур здесь отсутствуют»¹¹. Вместе с тем П. С. Рыков подчеркивает, что «...если мы обратим внимание на 2 таблицу, где помещено 12 погребений, имеющих некоторые характерные особенности, то увидим прежде всего... черты, свойственные не «катакомбной», а именно «ямной» культуре. Я имею в виду характерную ориентировку покойников, сходную с ориентировкой «ямной», а не «катакомбной»... далее такие данные, как положение покойников на спине, присутствие в большом количестве краски, являются весьма знаменательными»¹².

П. Д. Рау, впервые выделивший полтавкинскую ступень (Poltavker Stufe) в развитии культур бронзового века Заволжья, отнес к ней ряд погребений стадии «А» и разделил всю группу, объединенную в эту стадию П. С. Рыковым. Тем самым был устранен ряд заметных противоречий схемы П. С. Рыкова в целом. Погребения с поздними, сходными с катакомбными элементами инвентаря заняли свое закономерное место переходной группы, особенность которой заключалась «...не в коренном отличии основных форм, а в определенном направлении развития и модификации ранее существовавших южнорусских форм»¹³. Эту группу П. Д. Рау правильно считал одновременной «...катакомбной ступени Донецкого района»¹⁴. «Сюда,— определенно

¹⁰ В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. «Бюллетень общества археологии, этнографии, истории и естествознания при Самарском государственном университете», 1925; она же. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, т. IV, 1928, стр. 132 сл.; Архив ЛОИА АН СССР. Отчеты В. В. Гольмстен (за 1921 г.— д. 105; за 1926 г.— д. 210).

¹¹ П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. «Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете», т. II, 1927, стр. 81.

¹² Там же; см. также: П. Рыков. Die chvalynsker Kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga. ESA, I. Helsinki, 1927; «Очерки по истории Нижнего Поволжья». Саратов, 1936.

¹³ P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928, стр. 16.

¹⁴ Там же.

указывал он,— большей частью относится то, что Рыков выделил в ступень «А» хвалынской культуры»¹⁵. В то же время П. Д. Рау столь же определенно указал и на существование в Заволжье собственно древнеямных памятников, предшествовавших полтавкинским. К их числу он относит прежде всего курганы из упоминавшихся выше раскопок В. В. Гольмстен в р-не Самарской Луки, рядом с ними ставит погребения Е 25:18, Е 13 и Е 4:1 из Старой Полтавки, близ Энгельса, «некоторые лишенные инвентаря погребения из раскопок Рыкова» и погребение из Balzer'a в том же районе¹⁶. И если П. С. Рыков непомерно омолодил свою стадию «А», то П. Д. Рау все погребения, предшествующие полтавкинским и объединенные им в ямную ступень (Schachtgräberstufe), рассматривал как неолитическую группу¹⁷. Сама тенденция к расширению хронологических рамок древнейших подкурганых погребений и к выделению более четких и дробных хронологических ступеней, отраженных ими, у П. Д. Рау совершенно правильна. Но материал в его время был еще слишком ограничен. Он не позволял разделить древнеямные погребения на хронологические группы. А попытка отнести «древнеямную ступень» в целом к «поздному каменному веку», а в полтавкинской видеть начало эпохи металла в Поволжье приводила к излишнему схематизму и утере конкретности исследования.

Однако еще раз отмечу, что отделение древнеямных погребений от полтавкинских и соответствующее расчленение рыковской стадии «А» глубоко справедливо и являются безусловной заслугой П. Д. Рау.

В 1937—1941 гг. раскопки древнеямных курганов были возобновлены в том же районе И. В. Сеницыным, с именем которого в дальнейшем связаны как многолетние плодотворные полевые исследования, так и ценные опыты обобщения материалов памятников бронзового века Нижнего Поволжья. В эти годы им был вскрыт ряд курганов у г. Энгельса и с. Бородаевки (бывш. Боаро), в которых не менее 10 погребений должны быть отнесены к числу древнеямных¹⁸.

Однако, несмотря на всю важность отмеченных открытий, число древнеямных памятников Заволжья оставалось в довоенные годы незначительным, а общие границы их распространения определены не были. Положение стало заметно меняться в начале 50-х годов в связи с работами в зоне затопления Волгоградской ГЭС. Обследования значительных сплошных территорий привели к открытию многочисленных курганых групп, массовые раскопки которых были проведены И. В. Сеницыным, К. Ф. Смирновым, В. П. Шиловым, Н. Я. Мерпертом¹⁹. В ре-

¹⁵ *P. Rau*. Op. cit., стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 22.

¹⁷ Там же, стр. 21.

¹⁸ *И. В. Сеницын*. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947; *он же*. Памятники родового общества степей Заволжья. «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 66, 1958, стр. 283 сл.

¹⁹ *И. В. Сеницын*. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959; *он же*. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). МИА, № 78, 1960; *К. Ф. Смирнов*. Курганы у сел Иловатка и Политодельское Сталинградской области. МИА, № 60, 1959; *он же*. Быковские курганы.

зультате этих раскопок (1951—1957 гг.) число древнеямных погребений, известных в Нижнем Поволжье, возросло во много раз. Были отмечены значительные скопления их по всему левобережью от широты Волгограда до южных пределов Саратовской области, где исследованная территория сомкнулась с районом указанных выше открытий П. С. Рыкова, П. Д. Рау и И. В. Сеницына. В дальнейшем В. П. Шилов наряду с плодотворными работами в правобережье Волгоградского Поволжья продолжил исследования древнеямных погребений и в левобережных районах на широте Волгограда²⁰, а разведками В. Д. Белецкого древнеямные памятники были открыты далеко на восток от Волги — в глубинных районах астраханских степей²¹, что достойно особого внимания. Почти одновременно с работами В. П. Шилова древнеямные некрополи были обнаружены в глубинных районах открытой степи и в правобережье — в пределах Волгоградской области и Калмыцкой АССР. Эти открытия не только расширили границы древнеямной ойкумены в Нижнем Поволжье, но и внесли своего рода качественные изменения в общие представления о ней, доказав, что она не ограничивалась речными долинами, а охватывала уже значительные степные участки в междуречьях.

В восточной части рассматриваемой территории — в Оренбургских степях и долине р. Урала — вплоть до 50-х годов древнеямные памятники известны не были. Лишь единичные случайные находки круглодонных сосудов²² позволяли предполагать возможность распространения их здесь. Ныне это распространение, безусловно, доказано плодотворными исследованиями К. Ф. Смирнова и Э. А. Федоровой-Давыдовой, проводившимися начиная с 1956 г. в Оренбургской области, главным образом в долине р. Илека²³. На реке Бузулук у совхоза им. Свердлова в Тоцком районе той же области древнеямное погребение открыто в 1968 г. С. А. Поповым. Согласно предварительному сообщению автора раскопок, в этом погребении найден костяк, лежащий на спине с подогнутыми ногами головой на восток, окрашенный охрой и имевший костяное кольцо на мизинце левой руки.

МИА, № 78, 1960; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959; Н. Я. Мерперт и К. Ф. Смирнов. Археологические работы в зоне строительства Сталинградского ГЭС. КСИА, вып. 84, 1961; И. В. Сеницын. Древние памятники Саратовского Заволжья. «Археологический сборник». Саратов, 1966; Н. Я. Мерперт. Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники бронзового века юга европейской части СССР». Киев, 1968.

²⁰ В. П. Шилов. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1850.

²¹ В. Д. Белецкий. Отчет об археологических разведках Нижневолжской экспедиции 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2536.

²² Отмечу здесь находки Нефедова в 70-х годах прошлого века (коллекция Государственного Эрмитажа, № 318/1, № 318/2).

²³ К. Ф. Смирнов. Древнеямная культура в Оренбургских степях. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 56—59; Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962; она же. Приуральская группа памятников ямной культуры. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971.

Рядом с ним найдена нижняя челюсть барана²⁴. Второе подобное погребение открыто тем же исследователем напротив бывшего поселка Гептяри в 1 км от совхоза им. Свердлова. Еще восточнее древнейшие погребения были открыты К. В. Сальниковым в районе Магнитогорска²⁵, а М. Х. Садыковой — на р. Ашкаде, в Старолибашевском районе Башкирии²⁶.

Таким образом, древнейшие памятники Волжско-Уральского варианта охватывают весьма значительную территорию от Самарской Луки на севере до Астраханских степей на юге, от Волги на западе до левых притоков р. Белой и Магнитогорска на востоке. Основная часть этой территории при суммарной характеристике может быть отнесена к степной зоне. Но все же в пределах ее могут быть отмечены некоторые ландшафтные и растительно-почвенные изменения. Долины самой Волги на западе и Урале на востоке характеризуются обычными, прежде всего аллювиально-луговыми, почвами пойменных или надпойменных террас. Среднее Заволжье, район Самарской Луки и область к югу — вплоть до Б. Иргиза и границы Нижнего Заволжья — занято типичными среднегумусными (обыкновенными) черноземами. Рельеф здесь глубоко расчленен оврагами и балками. Небольшие участки леса (главным образом лиственного) чередуются с обширными пространствами северной разновидности луговой степи. Южнее широкой полосой — вплоть до Еруслана и верховьев Узеней — простираются типичные сильно подзолистые почвы и подзолы с отдельными участками солончаков. Далее — до низовьев Узеней — эти почвы сочетаются со значительными участками, занятыми комплексами бурых пустынно-степных солонцовых почв, солонцов и бурых луговых почв, а также засоленных почв. Еще южнее средне- и легкосуглинистые, преимущественно пылеватые почвы перемежаются со светло-каштановыми, остаточносолонцеватыми, а также супесчаными, прилегающими к Ахтубе, далее же, вплоть до Нижнего Урала и Каспийского побережья, простираются незакрепленные (барханные) и полужакрепленные (бугристые и кучевые) пески с отдельными участками закрепленных песков, а у самого моря — солончаков²⁷.

Определенные различия могут быть намечены и в растительности рассматриваемой территории. Северная ее часть входит в зону лесостепи, где участки степи чередуются с лиственными лесами, главным образом дубравами, а также сосновыми борами. Такова территория современной Куйбышевской области. В древности же леса распространялись и южнее. «В современных климатических условиях лес может селиться на прилегающих участках степи и таким образом «наступать»

²⁴ С. А. Попов. Работы в Оренбургской степи. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969, стр. 144.

²⁵ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», вып. I. Уфа, 1962. Автор раскопок отнес эти погребения к числу полтавкинских, что не представляется мне убедительным (см. также: К. В. Сальников. Очерки древней истории...).

²⁶ М. Х. Садыкова. Отчет о раскопках в 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2441.

²⁷ «Нижнее Поволжье. Физико-географический очерк».

на прилегающие безлесные пространства. Однако в Нижнем Поволжье мы наблюдаем противоположное явление: по мере расширения занятых земледелием пространств лес отступает и теряет свои позиции. Об этом свидетельствует распространение оподзоленных лесных почв и деградированных черноземов на распаханых землях, где леса и кустарники были сведены человеком»²⁸.

В Саратовской области, несколько севернее Хвалынского, начинается степная зона. Она разделяется на две подзоны: северную — разнотравно-типчачково-ковыльных умеренно влажных степей на черноземах и южную — сухих типчачково-ковальных степей, сухих степей на южных черноземах и темно-каштановых почвах. Для северной характерно обильное разнотравье, для южной — преобладание дерновинных узколистных злаков засухоустойчивого типа. В южной подзоне значительные участки заняты солончачковыми и солонцовыми разновидностями почв, не пригодными для земледелия. Южная подзона начинается несколько южнее Саратова и в Волгоградском Поволжье сменяется зоной полупустыни, распространенной вплоть до северной части Прикаспийской низменности. Для последней характерна комплексность растительного покрова, выраженная в сочетании участков степной и пустынной растительности. Первая представлена ксерофитными засухоустойчивыми травами, вторая — пустынными полукустарничками. Древесная растительность имеет в полупустыне ничтожное распространение. Во все периоды — начиная с появления производящей экономики вплоть до современности — господствующей отраслью сельского хозяйства здесь было животноводство²⁹.

Наконец, южная часть Прикаспийской низменности входит уже в пустынную зону с сильно разреженным растительным покровом и значительными участками солонцов, солончаков и песчаных почв. Огромные площади разбитых песков Заволжья некоторые исследователи связывают с экстенсивным скотоводством, когда значительная часть растений, прежде всего многолетников, уничтожается скотом.

Оренбургская область занята волнистой равниной с участками лиственных лесов на севере и северо-западе и сосновыми борами по Бузулуку, в остальной же своей части — степью³⁰. Судя по залежам осоко-ростникового торфа на Илеке, степной ландшафт был основным здесь достаточно давно. В северной части области, как и в районе Самарской Луки, распространены среднегумусные черноземы, сменяемые южными малогумусными черноземами; еще южнее распространены темно-каштановые почвы с минимальным содержанием гумуса. Здесь встречаются солонцы и солончаки. Климат в южных районах становится все более сухим, а ковыльно-типчачковая степь со злаковой и разнотравной растительностью в южной части Урало-Тобольского плато сменяется полупустыней.

Необходимо отметить наличие на рассматриваемой территории мед-

²⁸ «Нижнее Поволжье...», стр. 60.

²⁹ Там же, стр. 79.

³⁰ Р. Н. Мильков. Очерки физической географии Чкаловской области. Чкалов, 1951; А. С. Ветров, Н. В. Попов. География Оренбургской области. Оренбург, 1964.

ных месторождений. И если в Поволжье они ограничиваются небольшими россыпями, сосредоточенными главным образом выше Самарской Луки — за пределами степной зоны, то в Оренбургской области известны уже значительные и неглубокие залежи высококачественной медной руды в районах Медногорска (Блябинское, Яманкасинское месторождения), Гая, Урало-Тобольского плато (Джусинское месторождение).

Среди типичной степной фауны волжско-уральских степей еще во второй половине XVIII в. акад. П.-С. Паллас отмечал наличие наряду с сайгаками диких лошадей — тарланов.

В целом же при ряде общих черт с Поволжьем Оренбургские степи имеют и некоторые отличия (пересеченный рельеф), сближающие их со степями азиатской части СССР.

Мы видим, таким образом, что территория древнеямных племен рассматриваемого варианта при общей доминанте ковыльно-типчакковой степи отнюдь не была единообразной. На севере она вклинивается в лесостепную зону, на юге — в астраханском левобережье — в полупустыню. Наряду с речными долинами она включает уже и удаленные от рек открытые степные участки. Условия жизни в различных районах этой территории были неидентичными. И те культурная общность и ритуальное единство, которые установились здесь с появлением древнеямных памятников, не могут быть объяснены лишь конвергентным развитием в равных природно-хозяйственных условиях. Об абсолютном равенстве этих условий говорить нельзя. Речь здесь может идти лишь о расселении по очерченной территории групп, родственных культурно, а скорее всего и этнически.

2. Древнеямные памятники Волжско-Уральского междуречья

Основным видом древнеямных памятников рассматриваемой территории по сие время остаются курганы. Они являются одним из характернейших признаков древнеямных племен в целом и как бы символизируют их появление: более древние курганы неизвестны вообще, а в Волжско-Уральском междуречье неизвестны и более древние погребальные памятники. У нас нет сведений о наличии здесь бескурганной традиции, подобной традиции более западных неолитических племен, оставивших могильники мариупольского типа. Сколько-нибудь заметной смены традиций здесь не было, и история погребального обряда и погребальных сооружений начинается в этом районе с курганов и индивидуальных захоронений при скорченном положении погребенных.

Погребальные памятники дали основной материал для изучения древнеямных племен Заволжья и их культуры. Материалы поселений известны гораздо меньше, и вопрос о них до сих пор в значительной мере остается открытым, что нельзя объяснить невниманием к этой категории памятников. Выше уже указывалось, что еще в начале 20-х

годов В. В. Гольмстен начала тщательное обследование культурных слоев в северных пределах степного Заволжья. Позднее — начиная с 1929 г. — исследования таких слоев неоднократно производились П. С. Рыковым, П. Д. Рау, И. В. Сеницыным и Т. М. Минаевой в Нижнем Поволжье — от правобережья низовьев Волги до Узеней на востоке и широты Саратова на севере. Ныне известно несколько десятков культурных слоев с материалами энеолита и бронзового века. Но слои эти глубоко специфичны и возможность использования их материалов как исторического источника ограничена. Они, как правило, расположены на дюнах и именуются дюнными поселениями. Культурный слой — тонкий и слабо насыщенный — за единичными исключениями разрушен выветриванием и движением дюн. Стратиграфической характеристики такие местонахождения не имеют и вполне вероятны временные отличия между отдельными группами находок на них. Позднее, при рассмотрении вопроса о происхождении древнейшей культуры Волжско-Уральского варианта, мне придется еще вернуться к этим памятникам. Сейчас же остановлюсь лишь на некоторых из них, позволяющих говорить об определенной связи «дюнных поселений» с древнейшими курганами.

Уже в первые годы исследований в бывшей Самарской губернии В. В. Гольмстен указывала на находки микролитов на дюнах р. Самарки в пределах Бугурусланского уезда; найдены они были в сопровождении ранней неолитической керамики, из которой наиболее характерны «сосуды яйцевидной формы с заостренным дном и чешуйчатым орнаментом по верхнему краю»³¹. Подобные находки микролитов совместно с керамикой позволили А. П. Круглову и Г. В. Подгаецкому допустить здесь смешение разнокультурных остатков³². Однако по меньшей мере в одном случае — на дюне Захар-Калма (Марычевка)³³, где произведены небольшие раскопки, — можно с уверенностью говорить об одновременности фрагментов круглодонных сосудов и микролитов. «Залегали они в плотном гумусном слое, безусловно, *in situ*, вместе с керамикой древнейшего лепного типа в виде остродонных яйцеобразных сосудов с орнаментированным зубцом краем, а также в виде обломков сосудов, сплошь орнаментированных, с уплощенным дном. Характер керамики дает право относить эти микролиты к началу палеометаллической эпохи и рассматривать их как пережиток давно бытовавших форм, известных нам из отдельных находок более раннего времени»³⁴.

Этот факт достаточно убедительный, не оставивший сомнения также у А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого³⁵. Следует, правда, отметить, что материал с дюны Захар-Калма невелик и интерпретируется раз-

³¹ В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии, стр. 2.

³² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, стр. 135.

³³ Архив ЛОИА АН СССР, д. № 105, 1921 г.; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 130.

³⁴ В. П. Гольмстен. Археологические памятники..., стр. 130.

³⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество..., стр. 135, 137.

лично: В. В. Гольмстен, А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий считали найденную здесь керамику древнеямной, О. А. Кривцова-Гракова и Т. Б. Попова — полтавкинской. Я полагаю, что в этой небольшой коллекции представлена керамика обеих групп и что правильно указанные О. А. Кривцовой-Граковой полтавкинские элементы (прежде всего уплощенные днища)³⁶ сочетаются здесь с фрагментами достаточно типичных древнеямных сосудов. Поэтому и здесь можно говорить о разновременных материалах, относящихся, правда, к двум последовательным и хронологически близким периодам, стратиграфически в данных условиях не различимым. Заранее отмечу, что все фрагменты древнеямных сосудов из этого культурного слоя представляют сравнительно поздние формы. Это позволяет предполагать здесь наличие остатков нескольких временных стоянок, разделенных короткими промежутками. Окончательное же решение этого вопроса на основании имеющегося небольшого материала невозможно: необходимы дополнительные раскопки большего масштаба.

Совместное нахождение микролитов с керамикой древнеямного типа неоднократно отмечалось и в Нижнем Поволжье. Прежде всего следует указать на культурный слой у хутора Крахмал на р. Торгуне, где небольшими раскопками П. Д. Рау был вскрыт ненарушенный слой с совместным залеганием этих находок³⁷. На дюнах, в менее четких стратиграфических условиях, этот факт зафиксирован неоднократно³⁸. С предельной же четкостью он был подтвержден раскопками И. В. Сеницына и В. П. Шилова, когда определенные формы микролитов были найдены не только в культурных слоях совместно с древнейшей керамикой, но и в самих древнеямных погребениях. Наиболее показательным здесь погребение 17 кургана 9 группы Бережкова II, где кремневые скребки и сегментовидные микролиты сопровождали типичное древнеямное погребение³⁹, причем относящееся в данном кургане, как будет показано ниже, к сравнительно поздней стратиграфической группе. И. В. Сеницын считает, что подобными находками окончательно решен вопрос о соотношении погребений древнеямного типа с дюнными культурными слоями, содержащими микролиты и обломки круглодонных сосудов. А это в свою очередь ликвидирует значительный пробел в изучении хронологической последовательности культур энеолита и раннего бронзового века в Поволжье и подтверждает заключение А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого о пережиточном бытовании «... орудий микролитического облика в период, характеризующийся так называемыми ямными погребениями»⁴⁰. Отмеченные факты совместных находок, указывают эти авторы, наряду с отсутствием в Нижнем Поволжье ярко выраженных неолитических памятников позволяют при-

³⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 22—23.

³⁷ Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижне-Волжского общества краеведения», вып. 36, ч. I. Саратов, 1929, стр. 18—27.

³⁸ Там же, стр. 27; И. В. Сеницын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. «Известия Нижне-Волжского института краеведения», т. IV. Саратов, 1932.

³⁹ И. В. Сеницын. Древние памятники..., стр. 14—18.

⁴⁰ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество..., стр. 136.

соединиться к выводу И. В. Сеницына о том, «что культура ранних микролитов в Нижне-Волжском крае является непосредственно переходным этапом к палеометаллической эпохе»⁴¹.

К этому, однако, надо добавить, что в данном случае следует иметь в виду лишь наиболее поздние комплексы дюнных поселений, комплексы типа Захар-Калмы и Крахмала. Выделение таких комплексов далеко не всегда возможно в силу отмеченного выше смешанного характера культурных слоев. В целом же «дюнные поселения с микролитическим инвентарем», безусловно, разновременны и отражают весьма длительный период. В ряде случаев это подтверждается составом керамики, среди которой представлены фрагменты резко различных сосудов: и весьма архаичных, украшенных ямочными и ногтевыми вдавлениями, и типичных срубных горшков развитого бронзового века⁴². В других случаях керамики нет совсем. Что касается самих микролитов, то весьма значительная амплитуда их хронологического колебания (особенно в степной полосе) достаточно четко показана исследованием стратифицированных памятников в различных районах огромной территории распространения этих характерных изделий⁴³. И далеко не все дюнные поселения с микролитическим инвентарем могут быть синхронизированы, а тем более связаны с древнеямными племенами, для которых все же находки микролитов остаются явлением экстраординарным и ограничиваются немногими формами (скребки, сегменты)⁴⁴. Ряд поселений, дающих разнообразный и стойкий комплекс микролитических орудий (трапеции со «струганой спинкой», простые трапеции, треугольники, сегменты), относился к более раннему периоду и принадлежал «небольшим группам древних насельников — охотников-рыболовов»⁴⁵, предшествовавшим формированию скотоводческих древнеямных племен.

Что касается последних, то они восприняли некоторые традиции древнего охотничье-рыболовческого населения, что, как мы увидим ниже, касается не только микролитического инвентаря. Можно предполагать и сохранение древних мест поселений на берегах рек: на них появляются фрагменты типичных древнеямных сосудов. Таким образом, и здесь продолжают ранние традиции местного населения. Поселки носят тот же временный, возможно, сезонный характер. Они далеки от долговременных стационарных поселений Нижнего Поднепровья. Культурный слой их, как уже подчеркивалось, беден, в подавляющем большинстве случаев перемешан и не может служить ос-

⁴¹ И. В. Сеницын. Кремневые орудия..., стр. 91.

⁴² И. В. Сеницын. Археологические памятники Северо-Западного Прикаспия. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3, 1960, стр. 133—152, рис. 24.

⁴³ А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 84.

⁴⁴ В древнеямных погребениях других районов микролитов нет, как нет их и в поселениях Подонья и Поднепровья. В Нижнем Поволжье погребения с ними единичны и свидетельствуют, повторяя, о пережиточности отдельных форм — прежде всего сегментов.

⁴⁵ И. В. Сеницын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97.

нованием ни для периодизации волжско-уральских древнеямных памятников, ни для решения общих вопросов, связанных с ними. Возможно, конечно, что в ходе дальнейших исследований это положение изменится и будут открыты более значительные и лучше сохранившиеся культурные слои. Но мне представляется закономерным отсутствие стационарных древнеямных поселений в этом районе, значительно удаленном от очагов раннеземледельческих культур и соответственно от очагов оседлого быта. Небольшие размеры поселений и временный их характер вполне соответствуют развивавшимся у древнеямных племен подвижным формам скотоводства и процессу освоения степей. Последний же можно считать одним из основных и определяющих явлений истории древнеямных племен.

Основным для рассматриваемого варианта остается, повторяю, материал погребальных памятников. Многочисленные курганные группы, разделенные сравнительно небольшими интервалами, располагаются на второй и третьей надпойменных террасах, а также глубоко в степи в пределах очерченной территории. Курганы исчисляются тысячами. Раскопана, естественно, лишь незначительная часть их. Кроме того, необходимо учитывать следующее обстоятельство. Многие курганы «функционализовали» тысячелетиями. В них впускали погребения и в развитом бронзовом веке, и в раннем железном веке, и в средневековье, разрушая при этом более ранние. Древнеямные погребения составляли, как правило, древнейший стратиграфический горизонт и могли быть нарушены всеми последующими. Они подвергались поэтому наибольшему разрушению, подобно нижним слоям многослойных поселений. Нередко в центре кургана оказывалась большая сарматская могила, не оставившая и следа от основного погребения. И все же в Волжско-Уральском варианте ныне известно свыше 200 сохранившихся древнеямных погребений⁴⁶. По числу их этот вариант уступает только Нижне-Днепровскому.

Территориальное распределение исследованных до сего времени древнеямных памятников Волжско-Уральского варианта представлено на рис. 2.

Районирование известных памятников, выделение конкретных групп их затруднено неравномерностью исследования территории. Поэтому такое деление пока будет носить сугубо условный характер.

От широты Волгограда до широты Саратова на протяжении более 300 км тянется цепь курганных групп, расположенных со сравнительно небольшими перерывами на открытых, не разделенных сколько-нибудь серьезными преградами пространствах левобережья. О густоте расположения их может дать представление карта одного из районов, обследованного В. П. Шиловым⁴⁷. Древнеямные погребения открыты здесь в следующих пунктах (с юга на север): Верхне-Погромное, Калиновка, хутор Степана Разина, Быково (I и II), По-

⁴⁶ Еще раз подчеркну, что в силу указанных обстоятельств это число не только не отражает насыщенности указанной территории древнейшими памятниками, но и не соответствует подлинному количеству их даже в исследованных курганах.

⁴⁷ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, рис. 1.

литотдельское, Ямки, Бережновка (I и II), Лесной Кордон, Ровное, Скатовка, Бородаевка, Старая Полтавка, Энгельс (рис. 2). Все эти находки объединены в один Нижне-Волжский район. О конкретных особенностях отдельных групп, включенных в него, можно будет судить лишь после систематизации материала. Однако природные условия района позволяют полагать заранее, что населявшие его человеческие коллективы, начавшие освоение степи и тяготевшие в то же время к волжскому побережью, находились в тесном общении друг с другом.

С этим же районом связаны и самые южные находки — в Астраханской степи, у Досанга и Исекея. Однако они заметно удалены от других групп памятников и будут рассмотрены особо.

Вторым может быть выделен Средне-Волжский район, объединяющий древнейшие памятники района Самарской Луки. Памятники эти пока очень немногочисленны, но весьма важны для определения северной границы рассматриваемого варианта. Здесь могут быть отмечены находки в Березняковском могильнике, у Микулина, Аверьяновки, а также упомянутый уже культурный слой дюны Захар-Калма.

Третьим выделяется Приуральский район. Основу его составляют древнейшие памятники, исследованные в долине Илека, у хутора Барышникова, в Увакском могильнике, Герасимовке I и II.

Кроме того, с ним связываются отдельные погребения, открытые в Башкирии и в районе Магнитогорска.

В последующих главах отдельно рассмотрены памятники каждого района.

КУРГАНЫ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО РАЙОНА

По числу исследованных древнеямных памятников и их научной значимости Нижне-Волжский район является основным для всего рассматриваемого варианта. Здесь открыто около 150 погребений. В ряде случаев курганы содержали по нескольку древнеямных погребений, между которыми может быть намечено определенное стратиграфическое соотношение. Такие стратифицированные курганы особенно важны. Следует учитывать, что в силу ритуальных особенностей древнеямных племен оставленные ими погребения в большинстве своем безынвентарны. В Нижне-Волжском районе инвентарь найден лишь в 30% погребений. Он, как правило, весьма беден и представлен очень ограниченным числом категорий изделий. При таком положении данные стратиграфии с выяснением особенностей погребального обряда на различных этапах развития являются основным источником при решении таких вопросов, как относительная хронология, локальные особенности конкретных групп, наконец, общая эволюция памятников древнеямных племен Заволжья.

Понятие погребального обряда включает в данном случае совокупность трех элементов: положения погребенного, ориентировки, наличия и распределения охры¹. Сравнение таких совокупностей, выясненных для значительного числа погребений в различных стратиграфических горизонтах, позволит наметить последовательные изменения погребального обряда, а также сосуществование различных его вариантов и особенности их в конкретных группах. При этом, как я полагаю, нельзя ограничиваться случаями прямой стратиграфии. Они, как правило, немногочисленны. Данные их, безусловно, важны, но они носят все же определенный элемент случайности (в отличие от прямой стратиграфии культурных слоев). Я имею в виду возможность взаимного нарушения в отдельных случаях погребений различных вариантов, сосуществовавших на протяжении определенного периода, а не сменявших друг друга. Нельзя ограничиваться и простым делением всех погребений на основные и впускные: курганные группы создавались отнюдь не одновременно, и соответственно основные погребения различных курганов могли принадлежать различным хронологическим

¹ Должен, конечно, учитываться и характер погребальных сооружений, но в данном случае он не дает сколько-нибудь закономерной эволюции.

группам. В то же время погребения одной группы могли быть основными в одних и впускными в других курганах.

При учете этих обстоятельств представляется необходимым рассмотрение всех случаев взаимовстречаемости и стратиграфическое распределение всех известных древнейших погребений рассматриваемого района. Такое распределение позволит говорить не об отдельных случаях, а об определенных элементах общей закономерности, подтвержденной массовым материалом. Выделение последовательных обрядовых групп может быть признано закономерным лишь в том случае, если погребения ранних групп будут либо основными, либо впускными при основных той же (или еще более ранней) группы. Впускными при основных погребениях более поздней обрядовой группы они быть не могут: в таком случае мы получили бы свидетельство не последовательности, а сосуществования. Естественно, наибольший интерес представляют в этом аспекте курганы, «функционировавшие» предельно длительный срок и содержащие древнейшие погребения максимального числа периодов — от древнейшего до позднего. Но такие курганы единичны. Для выполнения же указанной задачи я считаю необходимым прежде всего рассмотрение всех стратифицированных курганов, т. е. курганов, содержащих несколько разновременных древнейших погребений. Эти курганы должны дать основу классификации. В дальнейшем с ними должны быть сопоставлены данные курганов с единичными погребениями, причем здесь, естественно, вся схема должна быть приведена в соответствие с результатами общего анализа инвентаря.

1. Стратифицированные курганы

Ниже будут рассмотрены стратифицированные курганы Нижне-Волжского района. Необходимость интерпретации ряда наиболее сложных и показательных случаев не позволяет ограничиться сведением соответствующих данных в таблицу. Поэтому такая таблица предварена изложением стратиграфических данных каждого кургана.

Верхне-Погромное, курган 19². Курган насыпан в два приема. Первая, древнейшая, насыпь сооружена из коричневого суглинка над основным погребением 12, совершенным в большой центральной яме. Последнее полностью разрушено позднейшими погребениями, а яма его деформирована. Однако сохранились четыре впускных древнейших погребения, над которыми была сооружена вторая насыпь — из светлого суглинка. Эти погребения (8—11) составляют второй стратиграфический горизонт кургана и, безусловно, отделены от основного определенным периодом. Все они совершены в прямоугольных ямах на одной глубине, все костяки лежат скорченно на спине и частично окрашены. Один из них ориентирован на восток (11). Его сопровож-

² В. П. Шилов. Отчет о работах Астраханской экспедиции за 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 1850.

дает остродонный горшок с яйцевидным туловом и низким прямым горлом, украшенным горизонтальными рядами вдавлений короткого штампа, поверх которых в той же технике нанесены свисающие углы. Два погребения ориентированы на северо-восток (8 и 9). При одном из них (9) найден сосуд, по форме близкий предыдущему и украшенный по верхней части тулова параллельными горизонтальными отгисками веревочки. Четвертый костяк был ориентирован на ЮВВ (10). Все погребения принадлежали детям. Стратиграфически они составляют единый горизонт, чему соответствуют идентичность обряда и инвентаря.

Калиновский могильник, курган 55³. Основное погребение 15 совершено в материковой яме, перекрытой бревенчатым накатником и каменной наброской. Костяк разрушен впускным полтавкинским погребением 13. Остатки его густо окрашены. Судя по пропорциям и ориентировке ямы, погребенный лежал скорченно головой на восток. Впускное погребение 6 также разрушено впускным полтавкинским погребением 7. Но сохранившаяся верхняя половина костяка позволяет установить, что он лежал на спине (скорченно?) головой на юго-восток. Ориентировка тут та же, что и в погребении 10 предшествующего кургана, и в обоих случаях погребения относятся ко второму стратиграфическому горизонту.

Хутор Степана Разина, курган 1⁴. Основное погребение 20 совершено в большой квадратной яме, к которой с южной стороны вел своеобразный дромос с шестью ступенями. Костяк взрослого мужчины лежал скорченно на спине с несколько согнутыми в локтях руками головой на ССВ. Кости окрашены охрой. При костяке найдены мелкие пастовые кольчатые бусы (рис. 10, 10) и фрагмент медного квадратного в сечении шильца. Второе такое же шильце найдено в насыпи могилы. При костяке найдена кость овцы.

Два детских погребения — 17 и 19 — впусканы в курган, но, несомненно, хронологически близки основному. Никаких изменений насыпи они не вызвали. В обоих костяки лежали в той же позе, что и в основном, были окрашены и ориентированы на север. Хронологическая близость доказывается и инвентарем. В погребении 19 найдены такие же пастовые бусы (рис. 10, 7). Кроме того, в нем найден весьма оригинальный полированный проушной молот-клевец (рис. 10, 6), прямые аналогии которому мне неизвестны. При костяке найдена кость овцы. В погребении 17 найдены такое же, как и в основном, бронзовое шило, а также костяные пронизки с круговой и спиральной нарезкой, широко распространенные как в древнеямыных, так и в катакомбных погребениях и являющиеся для первых характерным поздним признаком (рис. 10, 3—5). Интересной особенностью этого погребения явилась своеобразная пропитанная охрой деревянная подушка под головой покойного. При костяке найдена кость овцы.

³ В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, № 60, 1959, стр. 402—404.

⁴ Н. Я. Мерперт. Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники бронзового века юга европейской части СССР». Киев, 1968, стр. 91 сл.

К этому же горизонту относится погребение 16 с окрашенным и резко скорченным костяком, позволяющим полагать, что покойник был погребен в сидячем положении и был прислонен к северной стенке.

В кургане четко представлена единая и хронологически, безусловно, поздняя группа древнеямных погребений⁵. Вместе с тем эта группа стратиграфически предшествует полтавкинским погребениям 9, 11, 12, составляющим второй стратиграфический горизонт данного кургана. Последние имеют традиционную ориентировку на восток — СВВ.

Хутор Степана Разина, курган 3⁶. Основное погребение 6 в материковой яме, перекрытой накатником. Костяк разрушен впускным древнеямным погребением. Судя по его остаткам, он лежал скорченно на спине головой на восток и был густо окрашен. При нем найдена кость овцы.

Нарушившее его впускное погребение 5 также совершено в материковой яме. Костяк лежал в той же позе, но был ориентирован головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях. Костяк окрашен, причем скопления охры отмечены у черепа и ступней. Самый факт почти полного разрушения первого погребения вторым свидетельствует о заметном хронологическом различии между ними. Вместе с тем погребение 5 предшествует погребению 3 полтавкинського типа.

Хутор Степана Разина, курган 4⁷. Основное погребение 10 совершено в материковой яме, перекрытой накатником, и полностью аналогично впускному погребению предшествующего кургана. И здесь погребенный лежал скорченно на спине головой на северо-восток с согнутыми в локтях руками и скоплениями охры у головы и ног. Кроме того, здесь отмечена подсыпка угля. При погребенном найдены створка речной раковины, точильный камень, медное шило и верхняя часть медного ножа с плоским черешком и раскованным расширением у наворачия. Шило аналогично найденным в кургане 1, нож же подобен полтавкинским, в том числе найденному в погребении 6 рассматриваемого кургана.

Впускное погребение 9 абсолютно аналогично основному, но безынвентарно.

Быково I, курган 4⁸. Основное погребение 10 в материковой яме трапециевидной формы. Костяк лежал скорченно на спине головой на восток и был посыпан охрой. Впускное погребение 11 также совершено в материковой яме; костяк лежал в том же положении, но был ориентирован на северо-восток и не имел окраски (рис. 3, 7).

Оба эти погребения перекрыты полтавкинским погребением 3.

Быково II, курган 1⁹. Основное погребение 18 в материковой яме. Костяк лежал скорченно на спине головой на ВСВ и был частично разрушен раннеполтавкинским (по определению К. Ф. Смирнова)

⁵ Сразу же отмечу, что в кургане 14 Бережновки II погребения этого типа являются впускными при основном с восточной ориентировкой.

⁶ Н. Я. Мерперт. Раскопки в Нижнем Поволжье, стр. 97.

⁷ Там же.

⁸ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 181—184.

⁹ Там же, стр. 225—226.

погребением 19, костяк которого лежал в том же положении. Второе впускное погребение 16 также отнесено автором раскопок к числу полтавкинских. В нем открыты два костяка, лежавших скорченно на спине головой на восток. Оба впускных погребения сопровождалась яйцевидными сосудами с узким намечающимся плоским дном (начало перехода к плоскодонности) и также лишь намеченной шейкой (рис. 9, 1—2). Они являются прямым развитием обычно волжской древнеямной формы¹⁰. Обряд также абсолютно аналогичен древнеямному. Полагаю, что эти погребения относятся к числу тех, которые, по определению И. В. Синецина, «по ритуалу и инвентарю являются ярким примером погребений переходного характера — от позднеямных к раннесрубным»¹¹.

Быково II, курган 2¹². Основное погребение 3 в материковой прямоугольной яме. Костяк малолетнего ребенка лежал вытянуто на спине головой на СВВ. На костях и под ними — много охры и мела. При костяке найден сосуд с яйцевидным туловом, острым дном и высоким раструбовидным горлом¹³. Глина со значительной примесью толченой раковины. Поверхность заглажена палочкой или узкой лопаточкой. Строго параллельные вертикальные борозды на горле носят орнаментальный характер. По шейке нанесен ряд круглых ямок, по верхней части тулова — 12 параллельных борозд, обрамленных внизу елочкой из коротких отгисков, нанесенных ребром лопаточки (рис. 5, 2). Сосуд, безусловно, архаичен. И по форме и по орнаментации своей он близок сосудам наиболее ранних древнеямных погребений Подонья и Предкавказья. Элементы же его орнаментации находят близкие аналогии также в неолитических памятниках Подонья и более западных областей, прежде всего в днепро-донецкой культуре (я имею в виду линейный бороздчатый орнамент, вертикальный по горлу, горизонтальный по тулову)¹⁴.

Впускное погребение 1 было открыто в слое погребенной почвы. Детский костяк лежал головой на восток. Сохранился он очень плохо и поза его не установлена. При нем найден сосуд с яйцевидным туловом, четкими плечиками, прямым низким горлом и несколько отогнутым венчиком¹⁵. Сосуд орнаментирован по венчику зигзагом, нанесенным зубчатым штампом, по горлу и верхней части тулова — горизонтальными линиями и свисающими углами, нанесенными отгисками веревочки. Кроме того, сосуд близкой формы, орнаментированный отгисками трехзубого штампа по срезу венчика и круглыми ямками по горлу, найден над погребением, среди остатков тризны в виде угольков, мелких обломков костей животных и черепков сосудов¹⁶ (рис. 9, 3).

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, рис. 21, 17, 18.

¹¹ И. В. Синецин. Древние памятники Саратовского Заволжья. «Археологический сборник». Саратов, 1966, стр. 6.

¹² К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 227—228.

¹³ Там же, рис. 22, 3.

¹⁴ Д. Я. Телегин. Днепро-донецкая культура, Київ, 1968, рис. 44, 45.

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, рис. 22, 1.

¹⁶ Там же, стр. 227, рис. 22, 2.

Последние два сосуда заметно отличаются от первого. В этом отношении курган весьма показателен, он достаточно контрастно представляет два типа сосудов: ранний и поздний, что соответствует и стратиграфическому соотношению погребений.

Быково II, курган 3. Стратиграфическое соотношение двух древнеямыных погребений — 7 и 8 — не ясно. Оба находились в центральной части, в материковых ямах. Погребение 7 несколько глубже и ближе к центру, что позволяет предположительно считать его более ранним. Костяк в нем лежал скорченно на левом боку головой на восток и был окрашен (особенно череп и ступни) (рис. 4, б). Во втором погребении (8) костяк лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Принадлежал он ребенку и сопровождался сосудом¹⁷ и по форме, и по орнаментации весьма близким сосуду из тризны погребения I предшествующего кургана.

Первое погребение экстраординарно. Оснований считать его поздним нет. Скорее всего это случайное единичное отклонение от господствующего обряда.

Политотдельское, курган 2¹⁸. Основное погребение 4 совершено в перекрытой накатником прямоугольной материковой яме. Костяк ребенка лежал скорченно на спине головой на северо-восток с согнутыми в локтях руками. Отмечены слабая посыпка охрой (стопы) и мелом (у груди). Погребение сопровождалось круглодонным яйцевидным сосудом, украшенным штампованным елочным орнаментом, без выделенной шейки (рис. 6, 5)¹⁹.

Погребение перекрыто погребением 5, впущенным позднее в ту же яму. Костяк лежал скорченно на спине головой на ЮВВ, также с подсыпкой охры и мела. При нем найден круглодонный полусферический сосуд, подобный предыдущему, но менее вытянутый и без орнамента²⁰ (рис. 9, 4). Кроме того, основное погребение нарушено впускным полтавкинским погребением 6.

Политотдельское, курган 4²¹. Основное погребение 26 совершено в материковой яме. Костяк лежал скорченно на спине с согнутыми в локтях руками головой на восток с незначительным отклонением к югу. Костяк и дно посыпаны мелом, а ступни ног — охрой.

Над основным погребением была сооружена небольшая насыпь, окруженная рвом. В насыпь было впущено погребение 15, перекрывшее основное и частично нарушившее его яму. Костяк лежал скорченно на спине (?) головой на восток. Череп был посыпан охрой.

Выкид из основного погребения прорезан погребением 13 с двумя костяками, лежащими скорченно (?) головами на ЮВВ и посыпанными мелом. Они сопровождалась витой пронизкой из узкой медной полоски²², медным колечком, украшавшим, очевидно, кожаный го-

¹⁷ Там же, рис. 22, 16.

¹⁸ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Волгоградской области. МИА, № 60, 1959, стр. 230—234.

¹⁹ Там же, рис. 12, 3.

²⁰ Там же, рис. 12, 4.

²¹ Там же, стр. 238—250.

²² Там же, рис. 15, 7.

ловной убор²³, и медным ножиком асимметричной формы с острым черешком²⁴. Возможно, что этим погребением прорезан и первоначальный ров, сооружение же второго рва связано с ним или с погребением 27, в котором костяк лежал в овальной яме скорченно на спине головой на северо-восток. Два последних погребения К. Ф. Смирнов относит к «позднеямному или полтавкинскому времени»²⁵.

Политотдельское, курган 19²⁶. Основное погребение 30 — в прямоугольной материковой яме. Костяк лежал скорченно на спине головой на восток. Отмечены меловая посыпка и отдельные куски красной краски. Погребение сопровождалось четырехгранным медным шилом с упором²⁷.

Впускное погребение 6 — в поле первоначальной насыпи. Костяк лежал скорченно на спине головой на северо-восток с согнутыми в локтях руками и был частично окрашен. Его сопровождал круглодонный горшок с намеченной низкой шейкой и веревочным орнаментом в виде заштрихованных свисающих углов²⁸.

Вторым впускным погребением 29 было нарушено основное. Костяк лежал в перекрытой тростниковым перекрытием овальной яме, скорченно на спине головой на северо-восток. По обряду оба впускных погребения абсолютно аналогичны.

Четыре впускных погребения — 3, 6, 17, 28 — отнесены автором раскопок к числу полтавкинских. Из них два совершены в насыпи (3 и 17) и стратиграфически следуют за описанными древнеямными. При погребении 17 найдены два сосуда (рис. 9, 6—7).

Иловатка, курган 2²⁹. Основное погребение 20 в центральной материковой яме, перекрытой бревенчатым накатником. Костяк лежал скорченно на спине головой на северо-восток и был окрашен. Краска была и на дне, особенно под ступнями. Кроме нее в яме отмечены угольки.

Три детских впускных древнеямных погребения найдены в северной поле кургана, у самого ее края. В погребении 12 детский костяк лежал скорченно на спине с согнутыми руками головой на восток. В области таза отмечена кучка золы. В погребении 1 два детских костяка лежали скорченно на спине с согнутыми в локтях руками по принципу антитезы: один головой на северо-восток, другой — на юго-запад. Отмечены следы краски на костях ног и целые куски ее, в том числе один отточенный в виде яичка. В погребении 2 детский костяк лежал скорченно на спине головой на северо-восток. Ступни были окрашены. В области груди найдены шесть цилиндрических пронизок, согнутых из тонких медных пластинок³⁰. Кроме того, при погребенном

²³ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 241

²⁴ Там же, рис. 15, 3.

²⁵ Там же, стр. 248.

²⁶ Там же, стр. 275—287.

²⁷ Там же, рис. 30, 4.

²⁸ Там же, рис. 28, 11.

²⁹ Там же, стр. 213—218.

³⁰ Там же, рис. 3, 12.

найлены два круглодонных яйцевидных сосуда без орнамента, различающиеся только высотой, оба без выделенной шейки³¹.

Иловатка, курган 3³². Основное погребение 1 в материковой яме; детский костяк лежал скорченно на спине с согнутыми в локтях руками головой на северо-восток. Кости окрашены охрой, кусок которой лежал у черепа. Погребенный сопровождался яйцевидным горшком с несколько утолщенным дном и четким перегибом к короткой шейке³³. Сосуд орнаментирован по шейке и плечикам двумя горизонтальными рядами оттисков мелкозубчатого штампа.

Во впускном погребении 3 костяк человека (без черепа) лежал скорченно на спине головой на восток и был окрашен.

Бережновка I, курган 5. Основное погребение 22 открыто в материковой яме, перекрытой бревенчатым накатником. Костяк лежал на спине головой на восток и был резко скорчен: «... кости ног были прижаты к животу и помещались на ребрах и правом локте, пятки касались тазовых костей»³⁴. Руки также резко согнуты в локтях, правая кисть у плеча, левая — на груди (рис. 3, 3). Костяк и дно могилы засыпаны охрой. При костяке найден сосуд с яйцевидным вытянутым туловом, круглым дном и растробовидным горлом (рис. 5, 1). Сосуд целиком покрыт орнаментом. По шейке его концом палочки прочерчена волнообразная горизонтальная линия. Три такие же линии проходят на равных расстояниях по тулову, разграничивая три орнаментальные зоны. Зоны эти заполнены ногтевыми вдавлениями. От последней зоны к дну спускаются две вертикальные полосы, по четыре линии ногтевого орнамента в каждой. Линии перекрещиваются на дне сосуда³⁵. Сосуд весьма архаичен и находит аналогии как среди неолитической керамики Приуралья (Андреевское озеро), так и в неолитических памятниках Подонья (стоянки Цимлянского района, Ракушечный Яр).

Первым впускным в курган было погребение 20, также совершенное в материковой яме с широтной ориентировкой. Густо окрашенный костяк разрушен, судя по размерам ямы и отдельным костям, он лежал скорченно головой на восток³⁶. Во втором впускном погребении 25 костяк лежал резко скорченно на правом боку и был окрашен³⁷.

Бережновка I, курган 10. Основное погребение 5 совершено в материковой яме и полностью разрушено позднейшими могилами. Судя по размерам и ориентировке ямы, костяк лежал скорченно головой на восток. Во впускном погребении 4 костяк лежал так же, на черепе и костях ног отмечены следы краски. Он сопровождался круглодонным полусферическим сосудом с прямым срезом устья, без выделен-

³¹ Там же, рис. 3, 13, 14.

³² Там же, стр. 218—220.

³³ Там же, рис. 6, 11.

³⁴ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959, стр. 72, рис. 14, 3.

³⁵ Там же, стр. 72, рис. 17, 8.

³⁶ Там же, стр. 70.

³⁷ Там же, стр. 72.

ной шейки. По краю венчика он украшен насечкой, по верхней части тулова — свисающими треугольниками, заполненными горизонтальной штриховкой. Орнамент нанесен отпечатками веревочки³⁸ (рис. 6, 1).

Бережновка I, курган 32³⁹. Основное погребение 4 совершено в овальной яме и подобно впускному погребению предшествующего кургана. Костяк лежал в той же позе, с тем же распределением краски и таким же по форме сосудом, украшенным в верхней части горизонтальной елочкой, нанесенной чеканом⁴⁰. Погребение нарушено полтавкинской могилой 5. Однако до нее в курган впущено древнейшее погребение 2. Костяк ребенка лежал головой на восток или северо-восток. Поза его не определена. При нем найден горшок с яйцевидным туловом, резко выделенной низкой шейкой и отогнутым венчиком. По плечикам круглым штампом нанесен ряд круглых ямок, ниже прочерчены свисающие треугольники, заполненные горизонтальными желобчатыми линиями⁴¹.

Бережновка II, курган 9⁴². Это — один из наиболее сложных и стратиграфически интересных погребальных памятников древнейших племен Заволжья. В нем открыто 14 древнейших погребений. «В расположении погребений, — отмечает автор раскопок, — в отдельных случаях прослеживается четкая их стратиграфия, что позволяет установить хронологическую последовательность захоронений»⁴³.

Основное погребение 21 было совершено в центре кургана в большой прямоугольной яме, перекрытой деревянным накатником. Костяк лежал скорченно на спине головой на восток и был, как и дно могилы, посыпан охрой.

Аналогичны ему по обряду и, очевидно, близки по времени погребения 2, 16 (рис. 3, 1) и 19. Все они сохраняют восточную ориентировку и отличаются обилием охры. Вместе с основным они составляют стратиграфически древнейшую группу погребений этого кургана. Инвентарь найден лишь в погребении 16. Он состоит из 40 бусин из створок раковин-перловиц (*unio*) и 117 пронизок из трубчатых костей овцы, украшенных нарезными насечками⁴⁴ (рис. 5, 4—5).

Далее следуют погребения 9 (рис. 3, 8) и 10. От первой группы их отличает лишь северо-восточная ориентировка. Остальные признаки, в том числе и обилие охры, сохраняются. Они скорее всего одновременны. На это указывают расположенные рядом и весьма близкие по размерам и глубине ямы, а также идентичный инвентарь: в обоих найдены одинаковые трубочки из птичьих костей, которые И. В. Сеницын рассматривает как одноствольные флейты⁴⁵. Кроме

³⁸ И. В. Сеницын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 75—76.

³⁹ Там же, рис. 17, 11.

⁴⁰ Там же, стр. 92, рис. 17, 14.

⁴¹ Там же, стр. 91, рис. 17, 13.

⁴² И. В. Сеницын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, стр. 11—19.

⁴³ Там же, стр. 13.

⁴⁴ Там же, рис. 4, 6, 7.

⁴⁵ Там же, стр. 17, рис. 4, 8.

того, в погребении 9 найдены концевой скребок на кварцитовой пластинке, нож на кремневой пластинке⁴⁶ (рис. 8, 1) и две височные подвески из медной проволоки с заходящими друг на друга концами⁴⁷.

Возможно, к этой же группе относилось разрушенное погребение 20, яма которого находилась в центре и имела ту же ориентировку, а остатки костяков были густо окрашены.

Погребение 10, как и погребение 16 предшествующей группы, было нарушено погребением 11⁴⁸, густо окрашенный костяк которого лежал скорченно на спине головой на восток. По обряду это погребение аналогично предшествующим, но самый факт двойного нарушения позволяет говорить об определенном периоде, отделяющем его от древнейших: опыт исследования многочисленных степных курганов свидетельствует о том, что взаимные нарушения близких по времени погребений встречаются лишь как единичные и крайне редкие исключения.

В то же время погребение 11 является наиболее поздним в серии погребений с восточной ориентацией и как бы замыкает ее, позволяя предполагать, повторяю, весьма длительное развитие этой серии.

Само же оно в свою очередь нарушено погребением 12⁴⁹ (рис. 4, 5), принадлежащим уже следующей, заметно отличной группе. Два костяка этого погребения лежали скорченно на спине, завалившись на правый бок, головами на юго-запад. Краски заметно меньше: она сосредоточена под черепами и около плечей погребенных.

Этим же погребением нарушены еще два — 13 и 8, первое полностью, второе частично. В последнем окрашенный костяк лежал скорченно на спине головой на запад. Погребение 8 — одно из древнейших в группе с западной (или юго-западной) ориентировкой. Аналогично ему погребение 17 (рис. 4, 2), сопровождавшееся округлым кремневым скребком, двумя концевыми скребками и сегментовидным микролитическим вкладышем⁵⁰. Последние находки архаичны и не позволяют выводить это погребение за пределы III тысячелетия до н. э., несмотря на принадлежность его позднему стратиграфическому горизонту данного кургана.

Очевидно, и группа с юго-западной ориентировкой отражает длительный хронологический период. Об этом свидетельствуют отмеченные выше случаи нарушения внутри ее. К этой же группе должны быть отнесены погребения 5 (рис. 4, 4) и 18, при которых найдены одинаковые оригинальные височные подвески из известняка в виде сплошных и разомкнутоконечных колец⁵¹ (рис. 10, 2). Кроме того, в погребении 5 найдены кремневые скребки и ретушированные пластинки миндалевидной формы (рис. 10, 1).

⁴⁶ Там же, рис. 4, 1.

⁴⁷ Там же, рис. 4, 2.

⁴⁸ Там же, рис. 2.

⁴⁹ Там же, рис. 2.

⁵⁰ Там же, рис. 3, 1.

⁵¹ Там же, рис. 4, 3, 5.

Инвентарь последних погребений заставляет вспомнить, что в состав одного из полтавкинских комплексов входит каменное кольцо⁵². Однако в данном кургане все древнейшие погребения, в том числе и наиболее поздние, стратиграфически предшествуют полтавкинским. Два последних — 3 и 4 — впущены в курган на самой его юго-восточной периферии.

В целом этот курган дает две группы древнейших погребений: более раннюю, с ориентировкой на ВСВ, более позднюю, с ориентировкой на ЗЮЗ. Данные прямой стратиграфии (т. е. нарушения или перекрытия одной могилы другими) позволяют установить соотношение не только между группами, но и между погребениями внутри них, а также свидетельствуют о длительности существования групп.

Бережновка II, курган 12⁵³. Основное погребение 4 разрушено. Судя по пропорциям и ориентировке ямы, костяк лежал скорченно на спине головой на восток. При погребенном найдены фрагменты большого и толстостенного сосуда, украшенного по плечам отпечатками веревки.

Впускное погребение 5 также разрушено, оно находилось рядом с основным и было совершено на той же глубине, что позволяет предполагать их хронологическую близость. Здесь также найдены фрагменты сосуда, поверхность которого сглажена зубчатым штампом, а на плечах нанесен орнамент в виде вдавленных треугольного штампа, расположенных горизонтальными рядами.

Во впускном погребении 1 костяк ребенка лежал скорченно на спине головой на юго-восток, был слабо окрашен и сопровождался круглодонным полусферическим сосудом с прямым срезом устья, без выделенной шейки⁵⁴.

В эту же насыпь было впущено полтавкинское погребение 2 в подбое, следующее, по мнению автора раскопок, за древнейшими.

Бережновка II, курган 14⁵⁵. Основное погребение 27 разрушено. Судя по его остаткам и пропорциям ямы, оно содержало окрашенный костяк, скорченный на спине, головой на восток. Три впускных погребения, отнесенных И. В. Синицыным к числу древнейших, были совершены в насыпи. Во всех костяки лежали скорченно на спине и были ориентированы на север (10, 11) или северо-восток (13). Все были слабо окрашены. Древнейшая принадлежность погребения 14 к костяком, скорченным на левом боку, головой на восток, сомнительна.

Бережновка II, курган 80⁵⁶. При раскопках этого кургана выявлены последовательные этапы создания насыпи. Первая насыпь, сравнительно небольшая (диаметр до 20 м), была окружена вром, углубленным в материк на 0,60—0,70 м. Этой насыпью перекрыты четыре древнейших погребения — 5, 14, 15 и 6 (рис. 4, 3). Все они совершены в материковых ямах. Кроме того, два древнейших погребения (1 и 2)

⁵² Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. «Археологический сборник. Государственный Эрмитаж», вып. 5. Л., 1962, рис. 4, 18.

⁵³ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 20.

⁵⁴ Там же, рис. 3, 3.

⁵⁵ Там же, стр. 22—30.

⁵⁶ Там же, стр. 79—83.

были впущены в первоначальную насыпь. Катакомбная же могила 16 прорезала насыпь у южной ее полы, так что выкид из нее перекрыл полу и первый ровик. После него был совершен еще ряд впускных погребений и сооружены второй, а затем и третий — внешние рвы.

Основное погребение 15 было совершено в центре, в материковой яме, перекрытой поперечным накатником из толстых бревен. Костяк лежал скорченно на спине головой на восток. Кости и дно могилы густо покрыты краской.

Первым впускным в этом кургане И. В. Синицын называет погребение 14, хотя в отличие от основного оно не обладает архаичными чертами. Расположение в материковой яме в центре свидетельствует лишь о принадлежности погребения к «периоду первоначальной насыпи». По размерам и глубине ямы оно заметно отличается от основного. Костяк разрушен. Судя по ориентировке ямы, можно предположить восточную его ориентировку. Но ее имели все шесть древнеямных погребений этого кургана. Найденный же в погребении 14 сосуд с уплощенным дном и шнуровой орнаментацией⁵⁷ отнюдь не архаичен и близок уже полтавкинским формам.

Хронологически погребение 14 можно сближать с погребением 6, также совершенным в материковой яме. Костяк его лежал в том же положении, был окрашен и сопровождался сосудом, по форме весьма близким предыдущему, но с другим орнаментом (рис. 9, 8). «Стенки горшка сверху до дна орнаментированы горизонтально расположенными желобчатыми линиями, между которыми имеются ребристые выступы, сплошь покрытые короткими вдавлениями, сделанными чеканом»⁵⁸. Близкая система зональной орнаментации была распространена и на полтавкинских сосудах, хотя зоны обычно разделены там шнуровыми линиями. Рельефный же орнамент вообще не свойствен древнеямной керамике, особенно на раннем этапе.

Стратиграфически с погребением 6 сближается и погребение 5, совершенное на той же глубине в яме, по размерам тождественной предыдущей. Костяк в нем также был окрашен и лежал головой на восток, но был не скорчен, а вытянут на спине. Его сопровождал круглодонный полусферический сосуд с прямым срезом устья без выделенной шейки⁵⁹ (рис. 9, 5).

Следующую стратиграфическую группу составляют погребения 1 и 2, впущенные в первоначальную насыпь и содержащие окрашенные костяки, скорченные на спине головой на восток. Это характерное положение покойника сохраняется в данном кургане во всех древнеямных погребениях — от основного до наиболее поздних, заключающих древнеямную серию. Иное положение (на левом боку головой на северо-восток) зафиксировано лишь в катакомбном погребении 16, относящемся, как уже указывалось, к следующему стратиграфическому горизонту.

⁵⁷ Там же, рис. 29, 12.

⁵⁸ Там же, рис. 29, 9.

⁵⁹ Там же, рис. 29, 8.

Лесной Кордон, курган 1⁶⁰. Основное погребение 19 совершено в перекрытой бревенчатым накатником материковой яме. Костяк, обильно покрытый, как и дно могилы, красной охрой, лежал скорченно на спине головой на восток. Яма перекрыта срубным погребением 18.

Автором раскопок отнесены к числу древнеямных два впускных погребения 15 и 17, совершенные на уровне древнего горизонта. Однако прямых доказательств такой принадлежности нет. В первом костяк лежал скорченно на левом боку головой на восток. Такое положение для древнеямных погребений бережновской группы отнюдь не характерно. Во втором случае положение обычно — на спине, скорченно, головой на восток. Но это погребение сопровождалось плоскостонным сосудом, украшенным веревочными горизонтальными линиями⁶¹. Сосуд типичен уже для полтавкинской керамики. Этот курган лишь подтверждает более позднее положение подобных погребений по отношению к типичным древнеямным, представленным погребением 19.

Скатовка, курган 13⁶². Основное погребение 1 было совершено в большой почти квадратной яме, имевшей широтную ориентировку и перекрытой бревенчатым накатником. Костяк полностью разрушен ямой впускного погребения 2. Костяк в последнем лежал скорченно на спине, головой на восток, с согнутыми руками. На ступнях его отмечены следы охры.

Ровное, курган 3⁶³. Основное погребение 11 было совершено в очень большой (3,40 × 2,70) прямоугольной яме, ориентированной с севера на юг, перекрытой бревнами и имевшей по два уступа вдоль северной и южной стенок. Густо окрашенный костяк лежал скорченно на спине, головой на восток, на циновке из прутьев (рис. 1, 2). Кроме того, на южном уступе на подстилке из травы лежал в том же положении костяк ребенка, также густо засыпанный краской. При нем найдено около 100 бусин, изготовленных из раковины-перловицы (*unio*) (рис. 5, 3)⁶⁴.

Впускное погребение 2 найдено в насыпи. Костяк ребенка лежал скорченно на спине головой на восток и был частично окрашен. При нем найден полусферический горшок с несколько округленным дном и слабо намеченной шейкой⁶⁵ — как бы переходная форма между уже упоминавшимися выше древнеямными волжскими сосудами и полтавкинской керамикой.

Впускное погребение 6 также найдено в насыпи и подобно предыдущему.

В кургане встречены также четыре полтавкинских погребения — три в насыпи (1, 3, 5), четвертое — в материковой яме, нарушившей основное погребение (10).

⁶⁰ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 119—124.

⁶¹ Там же, рис. 46, 12.

⁶² И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 170.

⁶³ И. В. Синицын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 28—33.

⁶⁴ Там же, рис. 6, б. Такие же бусы найдены в Бережновке II, 9/16. В этом и во всех последующих случаях в числителе указан номер кургана, в знаменателе — номер погребения.

⁶⁵ Там же, рис. 3, 3а.

Ровное, курган 4⁶⁶. Основное погребение 25 совершено в перекрытой поперечным накатником яме. В ней лежала лишь часть расчлененного костяка, однако положение было обычным (на спине, с восточной ориентировкой)⁶⁷. Кости и дно густо посыпаны охрой.

Выброс из ямы этого погребения был прорезан впускным погребением 24, костяк которого лежал в той же обычной позе (скорченно на спине головой на восток) и сопровождался круглодонным яйцевидным горшком без выделенной шейки. Вся поверхность его покрыта горизонтальными рядами косых коротких нарезок, нанесенных ребром лопаточки или концом палочки⁶⁸ (рис. 6, 4). Близко к этому погребению и следующее — 22, также совершенное в материковой яме на той же глубине (0,40 — 0,65 м в материке). Костяк его лежал в той же позе и был частично окрашен. Последнее древнейшее погребение 23 было полностью аналогично двум предыдущим, но совершенно было в насыпи. Следует отметить, что три впускных погребения располагались на одной линии с юго-запада на северо-восток, что может рассматриваться, как подтверждение их хронологической близости⁶⁹.

Ровное, курган 8. Основное погребение 5 совершено в перекрытой мощным поперечным бревенчатым накатником яме. Костяк лежал скорченно на спине со слегка согнутыми руками головой на северо-восток. Он сопровождался тремя каменными шарообразными предметами (диаметр 5—6 см), двумя песчаниковыми плитками и пестом, а также тремя сосудами (рис. 6, 6—7). Первый — круглодонный, яйцевидный, без выделенной шейки, украшенный горизонтальными рядами коротких вдавлений чекана⁷⁰. Второй — также круглодонный без орнамента, третий же — яйцевидный, но со слабо намеченной шейкой и узким уплощенным дном⁷¹. Он орнаментирован по плечикам чеканной елочкой и нанесенными раковинной лунками⁷².

Погребенный лежал на циновке и был частично посыпан охрой.

Впускное погребение 6 также было совершено в материке. Костяк ребенка лежал на подстилке скорченно на спине, головой на восток и был слабо окрашен.

Бородаевка, курган 4⁷³. Основное погребение 5 совершено в перекрытой накатником материковой яме. Костяк ребенка лежал скорченно на спине головой на восток. Кости окрашены охрой. При костяке найден круглодонный полусферический сосуд без выделенной шейки. Верхняя часть его украшена параллельными горизонтальными рядами отпечатков веревочки⁷⁴.

⁶⁶ Там же, стр. 34—45.

⁶⁷ Там же, рис. 14, 2, 3.

⁶⁸ Там же, рис. 14, 1.

⁶⁹ Там же, рис. 8.

⁷⁰ Там же, рис. 16, 4. Подобен горшку из погребения 4/24.

⁷¹ Там же, рис. 16, 6. По форме близок сосуду из впускных погребений Бережновка II, 80/14 и 80/6.

⁷² И. В. Сеницын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 116—119.

⁷³ Там же, рис. 79.

⁷⁴ Там же, стр. 124—125.

Впускное погребение 4 полностью аналогично основному. В нем найден сосуд той же формы, но украшенный не веревочным, а мелким чеканным орнаментом. Еще одно древнеямное погребение (2) было впущено в насыпь кургана. Костяк истлел, на месте его найдены фрагменты сосуда, точильный камень и нож из кости крупного животного.

Бородаевка, курган 8⁷⁵. В центральной части этого кургана открыты два погребения в материковых ямах. Стратиграфическое соотношение между ними не ясно. Судя по глубине и оформлению ямы, основным погребением с большей долей вероятности можно считать погребение 2, перекрытое двойным накатником (продольным и поперечным). В яме лежал костяк женщины скорченно на левом боку, головой на восток. Череп и ступни были окрашены. Погребение 3 было перекрыто одинарным накатником. Густо окрашенный костяк женщины лежал скорченно на спине, головой на север. Остатки еще одного окрашенного костяка были отмечены в насыпи кургана (1).

Бородаевка, курган 9⁷⁶. Основное погребение 7 в перекрытой накатником материковой яме. Погребенный лежал скорченно на спине, головой на ССВ. Череп и ступни окрашены. Погребение идентично погребению 3 предыдущего кургана, погребениям кургана 1 у хутора Степана Разина и др., которые, как уже указывалось, составляют относительно позднюю группу. И весьма показательно, что впускными в кургане 9 явились погребения 6 и 4, отнесенные автором раскопок к числу раннесрубных (полтавкинских). В первом из них костяк лежал скорченно на спине головой на СВВ. Череп и ноги окрашены. В погребении найден сосуд переходного от древнеямных к полтавкинским типа⁷⁷. Во втором костяк лежал так же, но ориентирован был на юго-восток. Краски не было. При погребенном найдены медный нож с коротким треугольным лезвием и плоским черешком с расширяющимся навершием, шило, костяные пронизки с нарезкой и каменное широкое кольцо⁷⁸. Я полагаю, что оба погребения могут быть отнесены к числу переходных и связаны с финальным древнеямным этапом. Напомню в этой связи, что такие же нож и шило найдены в древнеямном погребении у хутора Ст. Разина, 4/10, костяные пронизки — там же, в погребении 1/17, а каменное кольцо хоть и не имеет прямых аналогий, но может быть сопоставлено с каменными височными привесками из погребения у Бережновки II, 9/5.

Во всяком случае данные этого кургана еще раз подтверждают поздний характер погребений с ориентировкой на ССВ и север. И в этой связи особый интерес представляет наблюдение И. В. Синицына над стратиграфическим соотношением основного погребения 7 и впускного 6. Последнее было совершено, когда накатник над первым погребением успел уже перегнить, но земля в яме не получила еще окончательной осадки. Разница между погребениями исчисляется на этом основании приблизительно в сто лет⁷⁹.

⁷⁵ И. В. Синицын. Археологические раскопки..., стр. 124—125.

⁷⁶ Там же, стр. 132.

⁷⁷ Там же, рис. 89.

⁷⁸ Там же, рис. 87.

⁷⁹ Там же, стр. 125.

2. Обрядовые группы и их соотношение

Перейду к анализу данных 29 рассмотренных стратифицированных курганов. Для этого сведем их в таблицу, расположив курганы по горизонтали, а типы и номера погребений по вертикали, следуя, насколько это возможно, их стратиграфической последовательности (основные погребения отмечены кольцами). Каждая вертикальная графа будет, таким образом, представлять стратиграфическую колонку определенного кургана. Таблица должна отразить закономерности взаимовстречаемости и последовательности различных типов погребений. В стратиграфические группы, выявленные по данным рассмотренных курганов, включены соответствующие им по типам погребения и из нестратифицированных курганов. Таким образом, таблица включает все учтенные мной погребения Нижне-Волжского района. В правой части таблицы схематически представлены особенности погребального обряда каждой группы (рис. 11).

Систематизированные в таблице результаты стратификации древнеямных курганов Нижне-Волжского района позволяют с должной наглядностью выявить определенные группы погребений и установить соотношение между ними. Однако далеко не во всех случаях последовательным стратиграфическим группам соответствуют достаточно четкие изменения погребального обряда, который, как свидетельствует таблица (а ниже будут приведены и дополнительные свидетельства), сохраняет в рассматриваемом районе поразительный консерватизм на протяжении длительного периода. Для выделения хронологических групп в подобных случаях необходимо особое внимание к деталям обряда и к данным инвентаря. Всего по обрядовым признакам могут быть выделены следующие группы погребений.

1. Погребения с костяками, скорченными на спине, головой на восток. Их 54 — 29 основных и 25 впускных (т. е. 46% всех определяемых погребений).

2. Погребения с костяками, вытянутыми на спине головой на восток. Их 8 — 6 основных и 2 впускных (7%).

3. Погребения с костяками, скорченными на спине головой на северо-восток. Их 31 — 18 основных и 13 впускных (25%).

4. Погребения с костяками, скорченными на спине головой на север. Их 8 — 11 основное и 7 впускных (7%).

5. Погребения с костяками, скорченными на спине головой на юго-восток. Их 6, все впускные (5,2%).

6. Погребения с костяками, скорченными на спине головой на запад или юго-запад. Их 7 — 1 основное, 6 впускных (6%).

Кроме того, известны отдельные погребения с костяками, скорченными на левом боку головой на восток. Их 3 — 1 основное, 2 впускных⁸⁰ (2,8%). Они экстраординарны и особой группы не составляют.

⁸⁰ Основное погребение с костяком на левом боку может считаться случайным отклонением от обычного обряда, поскольку оно выпадает из закономерного развития последнего в данном районе. Поэтому в дальнейшем оно будет присоединено к основной группе погребений с костями, скорченными на спине головой на восток (Бы-

Каково же распределение этих групп по стратиграфическим горизонтам? ⁸¹

Прежде всего выделяется нижний горизонт, состоящий из погребений первой обрядовой группы. С ними встречены впускные погребения, представляющие все прочие обрядовые группы. Но и сами погребения первой группы не однородны по своему стратиграфическому положению: некоторые из них являлись впускными при основных погребениях третьей (Ровненский могильник, 8/6; Иловатка, 2/12, 3/3) и, возможно, второй группы (Быково II, 2/1). Они уже не могут быть отнесены к нижнему стратиграфическому горизонту. Некоторые отличия наблюдаются в положении погребенных. Наконец, весьма заметна разница в инвентаре различных погребений этой группы. Все это заставляет расчленить группу на две подгруппы.

К нижнему стратиграфическому горизонту должны быть отнесены 13 основных и 5 впускных погребений первой группы (рис. 11), идентичных по деталям обряда и характеру окраски. Они составляют первую подгруппу. Все они совершены в прямоугольных или квадратных ямах, перекрытых бревенчатыми накатниками. Костяки лежат на спине головой на восток, с согнутыми в коленях ногами и, за отдельными исключениями (Бережновка I, 5/22), с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 3, 1—3). Все они обильно посыпаны охрой, а иногда и мелом. Краска ровно распределяется по телу погребенного и дну могилы. Из 18 погребений 15 безынвентарны. Лишь трижды встречен весьма скудный инвентарь: один сосуд (Бережновка II, 5/22), бусы из раковины-перловицы (Ровное II, 3/11, Бережновка, II, 9/16), костяные пронизки с нарезкой (Бережновка II, 9/16). Безусловный архаизм бережновского сосуда был уже подчеркнут мной выше. На хронологическом определении находок я остановлюсь несколько ниже, сейчас же подчеркну фактическую безынвентарность выделенной архаичной группы (инвентарь лишь в 17% погребений).

39 погребений со скорченными на спине головой на восток костяками должны быть отнесены ко второй подгруппе и ко второму стратиграфическому горизонту. Основанием для этого является впускное положение ряда таких погребений при основных погребениях первого горизонта (а как уже указывалось, и при более поздних) в сочетании с некоторыми особенностями обряда и инвентаря. Основных погребений здесь 16, впускных — 23. Они совершены в прямоугольных или овальных ямах, часто перекрытых накатниками, а иногда — и в насыпи кургана (Ровное, 3/2, 6). Костяки, как и в архаичных погребениях, лежат скорченно на спине головой на восток (рис. 3, 4—8). Но руки их уже не столь строго вытянуты вдоль туловища; в ряде случаев они согнуты в локтях, так что кисти находились на тазу или на груди (Скатовка, 13/2; Политотдельское, 4/26; Ровное, 7/30, 10/4 и др.). Та-

ково II, 3/7). Впускные же погребения с костяками на боку (Бережновка II, 14/14; Калиновка, 10/2), безусловно, поздние.

⁸¹ Под стратиграфическими горизонтами я имею в виду группы погребений, последовательность которых нашла стратиграфическое отражение в курганах.

кое положение рук дало повод К. Ф. Смирнову предполагать связывание кистей⁸², что представляется мне весьма вероятным. Окраска и меловая подсыпка сохраняются, но они значительно менее обильны, кроме того, краска концентрируется теперь прежде всего у черепа и конечностей. Инвентарь отмечен в 14 погребениях, что составляет уже 30% общего их числа. Он становится значительно разнообразнее. И прежде всего следует отметить резкое увеличение числа сосудов в погребениях. Они зафиксированы в 12 случаях⁸³, причем в одном из погребений найдены одновременно три сосуда (Скатовка, 5/3). Погребения перестают быть бескерамическими. Кроме того, появляются металлические изделия, в архаичных погребениях неизвестные. Здесь они представлены медными ножами, пластиной (Скатовка, 5/3), шильями (Скатовка, 18/2; Политотдельское, 19/30). Кроме того, в погребениях этой группы найдены изделия из кости («флейта пана», кабаньих клык) и орудия из камня (пест, точильный камень, зернотерка, проушной полированный молот) (Скатовка, 5/3; Быково II, 26/9).

Пять погребений второй подгруппы включаются в третий стратиграфический горизонт (Бережновка II, 80/1, 2, 6; Ровное, 3/2, 6). Четыре из них открыты в насыпи, все были впускными и совершены позже не только основных погребений нижнего горизонта, но и более ранних впускных погребений второго горизонта. Окраска слабая и лишь у черепа и ступней. При этих погребениях найдены три сосуда, которые отличаются от сосудов погребений второго горизонта несомненными поздними признаками, прежде всего плоскодонностью⁸⁴.

Таким образом, погребения первой обрядовой группы распределяются по трем стратиграфическим горизонтам, что свидетельствует о прочности представленной ей традиции и длительности ее сохранения. Сколь велика была эта длительность, я попытаюсь показать ниже на основании данных инвентаря. Но предварительно следует остановиться на других обрядовых группах, входивших в различные стратиграфические горизонты наряду с рассмотренной. После выяснения всех обрядовых вариантов, сосуществующих в каждом горизонте, последние смогут рассматриваться как хронологические группы и можно будет перейти к вопросу о их датировке.

Перейду ко второй обрядовой группе, которая, как представлено на рис. 11, занимает, во всяком случае частично, весьма раннее стратиграфическое положение.

В восьми случаях под курганами встречены погребения с вытянутыми костяками (рис. 3, 9). Они являлись как основными, так и впускными, были окрашены, имели обычную восточную ориентировку и по инвентарю ничем не выделялись из массы скорченных погребений. Поэтому вполне закономерно отнесение их к числу древнейших. Но

⁸² К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 307.

⁸³ Скатовка, 5/3; 12/2; Бережновка I, 10/4; Бережновка I, 32/4; Бережновка II, 12/4; Ровное, 3/2; 4/24; Верхне-Погромное, 19/11; Быково II, 2/1; Бородаевка, 4/4; 4/5; Политотдельское, 19/7.

⁸⁴ И. В. Силицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, рис. 29, 9, 12; он же. Древние памятники Саратовского Заволжья, рис. 3, 3.

не менее закономерен вопрос о том, составляют ли они особую группу и прежде всего группу хронологическую?

К. Ф. Смирнов обратил на этот вопрос должное внимание и дважды возвращался к нему⁸⁵. Он высказал предположение, что это наиболее архаичный пласт древнеямных погребений Поволжья, сохранявших еще неолитические традиции и являвшихся своего рода переходным звеном между докурганными неолитическими могильниками и классическими древнеямными курганами. Такое предположение вполне логично, во-первых, ввиду безусловного архаизма некоторых вытянутых погребений, во-вторых, в свете заметных изменений погребального обряда неолитических и энеолитических культур более западных областей.

Но распространялось ли последнее положение на Заволжье? Все ли вытянутые погребения, известные здесь, архаичны? И составляют ли они единую стратиграфическую группу?

Полагаю, что произведенная выше стратификация курганов может дать определенный ответ на этот вопрос.

Можно согласиться с К. Ф. Смирновым относительно архаизма погребения 7 кургана 12 могильника Быково I. Погребение это основное и единственное древнеямное в данном кургане. Костяк взрослого мужчины лежал вытянуто на спине головой на восток и был густо посыпан охрой⁸⁶. Под ним отмечена подсыпка из мела. Правая нога погребенного согнута в колене, поэтому отнесение его к числу вытянутых условно: с тем же основанием его можно считать слабо скорченным подобно погребению 9 кургана I у Иловатки. Архаизм погребения засвидетельствован находками. При самом костяке найден скребок из кварцита «неолитического облика»⁸⁷. В насыпи же и главным образом на уровне древнего горизонта найден ряд черепков крупных толстостенных сосудов, которые автор раскопок считает остатками тризны и связывает с погребением 7. «Среди них,— пишет К. Ф. Смирнов,— встречались обломки воронкообразного венчика, орнаментированного по обрезу поперечной насечкой, с внутренней стороны — рядом косых углублений, сделанных ребром палочки, а с внешней стороны в нижней части венчика — глубокими круглыми ямками. Все черепки в проломе черного цвета, с большой примесью ракушки, имеют коричневато-серую поверхность с темными пятнами; внутри и снаружи покрыты сплошь широкими бороздами от сглаживания щепой и крупнозубчатым штампом. Многие стенки орнаментированы параллельными рядами глубоких борозд. На некоторых крупных черепках эти борозды расположены параболически, причем орнаментальные зоны обрамлены короткими косыми насечками. Некоторые черепки покрыты снаружи параллельными рядами лунообразных углублений, сделанных, вероятно, концом трубочки»⁸⁸.

Безусловно архаично и упоминавшееся уже погребение 3 стратифицированного кургана 2 могильника Быково II. В нем костяк был вы-

⁸⁵ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 307; *он же*. Быковские курганы, стр. 235.

⁸⁶ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 205.

⁸⁷ Там же, стр. 235.

⁸⁸ Там же, стр. 205, рис. 13, *За, б*.

тянут на спине головой на СВВ и также имел охровую и меловую посыпки. Но принадлежал он младенцу, а детские костяки часто сохраняют вытянутое положение даже в совместных погребениях со скорченными костяками взрослых. Сосуд этого погребения с его воронкообразным венчиком и орнаментацией ямками и бороздами весьма оригинален. К. Ф. Смирнов рассматривает его совместно с керамикой предшествующего погребения (12/7), считает их хронологически близкими и сопоставляет с сосудом бережновского погребения 5/22. «Не только по своей форме,— пишет он,— но и по стилю орнаментации бережновский горшок похож на описанные быковские сосуды. Также близка им керамика, собранная И. В. Синецким с древнего поселения у хутора Репина на правом берегу Дона»⁸⁹.

В целом такое сопоставление правильно. Но его можно несколько уточнить. С бережновским сосудом с большим основанием сопоставляется керамика погребения Быково I, 12/7. Общим характерным мотивом здесь являются орнаментальные зоны, ограниченные волнистыми бороздами и обрамленные короткими насечками или ногтевыми вдавлениями. Сходства с керамикой из хутора Репина эти сосуды не имеют. Сосуд же из погребения Быково II, 2/3 несколько отличен от них. Система орнаментации его иная. Определенные элементы ее (вертикальные желобки на горле), как и форма сосуда, сближают его с некоторыми образцами керамики из ранней группы древнейших погребений Подонья (хутор Попов, 31/4, 7)⁹⁰, сохранившими еще реминисценции неолитической орнаментации. Что касается сопоставления с сосудами из хутора Репина, то сближающими элементами являются здесь высокое горло, круглые ямки и линейная орнаментация. Но все три этих элемента имеют весьма значительную амплитуду хронологического колебания⁹¹. Техника же орнаментации различна: желобчатые линии, характерные для ранних сосудов, в том числе и быковских, в хуторе Репина сменяются шнуровыми отпечатками. Можно говорить здесь о некоторых общих чертах, но не о прямом сопоставлении. В целом культурный слой у хутора Репина представляется памятником, хронологически близким, но все же несколько уступающим по древности рассмотренному быковскому погребению. Что касается сосуда из последнего, то прямой аналог ему известен в Предкавказье. Абсолютно такой же и по форме и по орнаментации сосуд был найден в кургане 7 у станицы Кубанской при погребении со скорченным костяком⁹².

⁸⁹ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 235.

⁹⁰ А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хутора Попова в 1950—1951 гг. МИА. № 62, 1958, рис. 27, В — 6.

⁹¹ Высокое горло, как и весьма архаичный внешний облик в целом, сохраняется у сосуда из полтавского погребения Политотдельское, 12/15 (см.: К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 267, рис. 22, 17). Ямочная орнаментация по шейке встречается и на сосудах из явно поздних погребений. Примером может служить сосуд, найденный над впускным погребением 1 того же кургана 2 у Быкова II (К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 227, рис. 22, 2).

⁹² Раскопки Н. И. Веселовского 1892 г. ОАК за 1892 г. СПб., 1904, стр. 91; ГИМ. инв. № 48478.

Однако двумя указанными комплексами из быковских могильников исчерпывается по сути дела список безусловно архаичных погребений с вытянутыми костяками. Сколько-нибудь заметной группы, а тем более особого стратиграфического горизонта они не составляют. Немногочисленные прочие вытянутые погребения либо не имеют достаточно четких хронологических показателей, либо относятся к сравнительно поздним группам. Нет и достаточно четких случаев стратиграфического приоритета вытянутых погребений перед скорченными на спине, за исключением того же кургана 2 у Быкова II, где, однако, положение впускного погребения точно не установлено. В погребении 10 кургана 4 у Быкова I костяк был не вытянут, а слабо скорчен, да и основным это погребение признано лишь по следам краски на костях⁹³. Случай же обратного порядка зафиксирован достаточно четко: в кургане 80 у Бережновки II погребение с вытянутым костяком (5) было впускным и следовало за основным (15) и более ранним впускным (14) со скорченными на спине костяками⁹⁴.

Вытянутое погребение 10 в кургане 3 у Бережновки I было единственным древнеямным погребением в этом кургане и можно лишь установить, что оно предшествовало полтавкинским 6, 8 и 9. То же следует сказать и о погребении 3 кургана 17 у Быкова I: Единственным древнеямным было и погребение 9 в кургане 1 у Иловатки. Костяк его был не вытянут, а достаточно заметно скорчен⁹⁵. К тому же находка медного шила вряд ли говорит в пользу особого архаизма этого погребения.

Недостаточно ясна стратиграфическая ситуация древнеямных погребений 7 и 8 кургана 3 у Быкова II. Последовательность их совершения установить не удалось. Можно лишь отметить, что погребение 7 было глубже вшито в материк⁹⁶. Оно может считаться в известной мере экстраординарным: костяк лежал в нем скорченно на левом боку. В погребении 8 костяк был вытянут на спине. Сопровождавший же его сосуд и по форме и по орнаменту (ямки, зубчатый штамп) является весьма близким аналогом сосуду, найденному над впускным погребением 1 кургана 2 той же группы. Последнее же никак не может быть причислено к архаичным.

Все вышеизложенное не позволяет выделять вытянутые погребения в особую, наиболее архаичную для Поволжья группу древнеямных погребений. Нет оснований и связывать ее с реминисценциями неолитических традиций. Традиция вытянутых неолитических погребений в Нижнем Заволжье в отличие от Приазовья, бассейна Северского Донца и Поднепровья неизвестна. И характерно, что на Северском Донце вытянутые погребения действительно составляют компактную и архаичную по своему стратиграфическому положению группу⁹⁷. В Заволжье такой

⁹³ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 183.

⁹⁴ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 79—83.

⁹⁵ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., рис. 4.

⁹⁶ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 230.

⁹⁷ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. М., 1968, стр. 26.

компактной древнейшей группы нет, доянные же погребения пока неизвестны совсем. История погребального обряда начинается на этой территории со скорченных подкурганых погребений. Они, как мы видели, действительно составляют компактную архаичную группу, причем обряд этот остается господствующим и на дальнейших этапах. Вытянутые же погребения разновременны и являются единичными исключениями, встреченными на различных этапах. С таким же положением мы встречаемся и в некоторых других вариантах древнейшей культурно-исторической области — Предкавказском, Приазовском, Нижне-Днепровском, Юго-Западном.

Общий процент вытянутых погребений в Заволжье незначителен (менее 7%). И главное, повторяю, они распределяются по различным ступеням стратиграфической лестницы, примешиваясь к погребениям основного типа, в том числе и к наиболее архаичным. Являются ли эти исключения случайными или же они связаны с развитием особой группы — пока решать преждевременно. Для этого необходимо значительное увеличение соответствующих материалов.

Третью обрядовую группу составляют 32 погребения с костяками, скорченными на спине головой на северо-восток. В 18 случаях погребения ее были основными, в пяти — впускными при основных того же типа, в шести — впускными при основных погребениях первой подгруппы первой обрядовой группы, в двух — впускными при основных погребениях второй подгруппы (Политотдельское, 19/29; Бородаевка, 32/2). Однако последние в свою очередь трижды являлись впускными при основных погребениях третьей группы (Ровное, 8/6; Иловатка, 2/12; 3/3), что свидетельствует об их сосуществовании и позволяет видеть во второй подгруппе и третьей группе основные компоненты второго стратиграфического горизонта. Судя по ориентировке, к нему же может быть отнесено погребение из Иловатки 1/9 со слабо скорченным (по К. Ф. Смирнову вытянутым) костяком. В целом третья обрядовая группа компактна и в большинстве своем относится ко второму стратиграфическому горизонту. Лишь отдельные погребения⁹⁸ по стратиграфическому положению и инвентарю представляются более поздними и свидетельствуют о том, что эта группа, подобно первой, существовала весьма долго.

По оформлению могильных ям третья группа не отличается от второй подгруппы. И здесь встречены окраска охрой и меловая подсыпка, причем, как и во второй группе, главным образом у головы и ног. Инвентарь был найден в 15 погребениях, что составляет около 50% общего их числа. По своему составу и типам находок он неотличим от инвентаря второй подгруппы. Это касается прежде всего сосудов, встреченных в девяти погребениях и представленных теми же типами. В шести погребениях найдены металлические изделия: ножи (Быково I, 14/7, хутор Ст. Разина, 4/10; Энгельс, 2/1), шилья (Иловатка, 1/9, хутор Ст. Разина, 4/10), бусы (Иловатка, 2/2), подвеска (Бережновка II,

⁹⁸ Например, Бородаевка, 9/6, 7; Энгельс, 2/1; 4/11, 12; хутор Ст. Разина, 4/9, 10; Бережновка II, 3/5; Политотдельское, 19/29.

9/9). Кроме того, в погребениях этой группы найдены отдельные изделия из камня: кремневый нож, кварцитовый скребок (Бережновка II, 9/9), пест, растиральные плитки и шары (Ровное, 8/5), точильный камень (хутор Ст. Разина, 4/10) и обработанные кости животных: условно именовавшиеся в литературе «флейтами» (Бережновка II, 9/9, 10).

Весь этот инвентарь вплоть до «флейт» аналогичен инвентарю второй подгруппы первой группы, что соответствует стратиграфически установленному сосуществованию последней с третьей обрядовой группой.

Что касается выделенных выше наиболее поздних погребений третьей группы, то их стратиграфическому положению также соответствует безусловно поздний инвентарь: плоскодонные сосуды (Бородаевка, 9/6)⁹⁹, листовидные ножи (Энгельс, 2/1; хутор Ст. Разина, 4/10).

Четвертая обрядовая группа близка предыдущей. Ее составляют восемь погребений с костяками, скорченными на спине головой на север и ССВ. Из них одно основное и семь впускных¹⁰⁰. Четыре таких погребения были впускными при основных погребениях второй подгруппы и третьей группы. Три погребения открыты в насыпи кургана (Бережновка II, 14/10, 11, 13). Все это позволяет отнести данную группу к следующему — третьему стратиграфическому горизонту. И этому вполне соответствует поздний инвентарь: костяные пронизки со спиральной и кольцевой нарезкой, полированный проушной молот-клевец, медные шилья, пастовые кольчатые бусы (хутор Ст. Разина, 1/17, 19, 20).

Пятую обрядовую группу составляют шесть впускных погребений с костяками, скорченными на спине (или на боку) головой на юго-восток. Стратиграфически они следуют за погребениями второй подгруппы и третьей группы (рис. 11). Инвентарь же их аналогичен инвентарю выделенных выше наиболее поздних погребений указанных групп, а также инвентарю четвертой обрядовой группы. В него входят сосуды с уплощенным уже дном (Политотдельское, 2/5; Бережновка II, 12/1), медные ножи, шило, кольцо, пронизка, костяные пронизки со спиральной нарезкой (Политотдельское, 4/13; Бородаевка, 9/4). В силу этого можно утверждать синхронность этой группы с четвертой обрядовой группой и принадлежность ее третьему стратиграфическому горизонту.

Шестую обрядовую группу составляют погребения с костяками, скорченными на спине (или на боку) головой на запад или юго-запад. Они встречены лишь в двух курганах: шесть таких погребений были впускными в кургане 9 у Бережновки II, одно — основное в кургане 1 Калиновского могильника. Их позднее стратиграфическое положение совершенно ясно: четкая и показательная стратиграфия бережновского кургана 9 была представлена выше. Но наличие характерных форм кремневых орудий (скребки, сегменты) (Бережновка II, 9/5, 17) не позволяет чрезмерно завышать их дату и относить их к числу полтавкинских (для которых не характерна и подобная ориенти-

⁹⁹ И. В. Синецины относит это погребение к числу раннесрубных (см.: *И. В. Синецины. Археологические раскопки...*, стр. 132).

¹⁰⁰ Основное — хутор Ст. Разина, 1/20; впускные — хутор Ст. Разина, 1/5, 17, 19; Бережновка II, 14/10, 11, 13; Бородаевка, 8/3.

ровка). На это правильно обратил внимание И. В. Сеницын¹⁰¹. Вместе с тем у этого исследователя данная группа представлена в качестве определенной хронологической ступени. «Отдельные признаки,— пишет И. В. Сеницын,— позволяют считать, что между захоронениями с восточной и западной или юго-западной ориентировкой прошел непродолжительный срок»¹⁰². Для конкретных случаев, например для того же бережновского кургана 9, это верно. Но общей хронологической ступени эта небольшая группа не составляет: она сосуществует с двумя предыдущими и наряду с ними входит в третий стратиграфический горизонт. Возможно, накопление новых материалов позволит связать ее с конкретными племенами. Следует подчеркнуть, что западная ориентировка, абсолютно не характерная для Заволжья, была достаточно широко распространена у древнейших групп смежных с Поволжьем западных территорий, прежде всего на Дону¹⁰³.

Не составляют особой хронологической группы и отдельные экстраординарные погребения с расчлененными или неполными костяками (в общую таблицу они не включены). Их пять, и стратиграфическое положение их различно. Основное погребение Ямки, 3/9 с костяком без черепа по положению, наличию краски и ориентировке соответствует погребениям второго стратиграфического горизонта. Второй же костяк без черепа (Иловатка, 3/3) был впущен в насыпь после основного погребения третьей обрядовой группы, сопровождавшегося горшком с уплощенным дном. Его следует относить к поздним погребениям третьего стратиграфического горизонта. Погребение отдельного черепа (Бережновка II, 29/5) совершено в яме, ориентированной на северо-восток и перекрытой двумя полтавкинскими погребениями. Наиболее вероятно принадлежность его второму стратиграфическому горизонту. А остатки расчлененного костяка (часть позвоночника, ребра, таз, часть правого бедра) в погребении 25 кургана 4 у Ровного принадлежали погребению первого стратиграфического горизонта (восточная ориентировка, обилие охры; перекрыты погребениями 22 и 24 второй подгруппы).

Следует согласиться с заключением И. В. Сеницына о «... весьма раннем зарождении этого своеобразного погребального ритуала у племен ямной культуры Нижнего Поволжья»¹⁰⁴. Расчлененные погребения хорошо известны и у срубных племен Поволжья, причем они занимали особое место в их больших подкурганых кладбищах. Мной было высказано предположение о появлении их в северных районах распространения срубных племен в результате воздействия на последних со стороны их северных и восточных соседей¹⁰⁵. Новые данные, приведенные И. В. Сеницыным, заставляют пересмотреть это предположение и

¹⁰¹ И. В. Сеницын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 145.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история..., стр. 25.

¹⁰⁴ И. В. Сеницын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 5.

¹⁰⁵ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Поволжья. МИА, № 42, 1954, стр. 150; *оч же*. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 86 сл.

учитывать наличие подобной традиции у прямых предков «срубников»— древнеямных племен, традиции, проявившейся, как мы видим, на разных хронологических ступенях развития погребального ритуала последних. В этой связи отмечу, что и погребение отсеченной человеческой головы, являющееся, по заключению А. П. Окладникова, отражением «культы человеческой головы или черепа умерших, распространенного в самых различных местах земного шара»¹⁰⁶, известно в срубном кургане 5 у с. Ягодного, в Среднем Заволжье (погребение 9)¹⁰⁷. Таким образом, и эта традиция, известная уже древнеямным племенам, получила продолжение в обряде их потомков.

3. Хронологические группы

Выяснив общий характер и стратиграфическое соотношение обрядовых древнеямных групп рассматриваемого района, мы можем объединить их в группы хронологические. Последние будут соответствовать стратиграфическим горизонтам.

Группа I (рис. 3, 1—3, 9). Первая подгруппа первой обрядовой группы. Древнейшие погребения второй обрядовой группы. Отдельные расчлененные погребения.

Группа II (рис. 3, 4—8). Вторая подгруппа первой обрядовой группы. Третья группа. Отдельные погребения второй обрядовой группы. Отдельные расчлененные погребения.

Группа III (рис. 4). Четвертая, пятая и шестая обрядовые группы. Наиболее поздние погребения третьей группы и второй подгруппы первой группы. Отдельные погребения второй обрядовой группы. Отдельные погребения на боку. Отдельные расчлененные погребения.

Прежде чем переходить к определению хронологических рамок этих групп, подчеркну еще раз консерватизм древнеямного обряда в Заволжье. Обрядовые группы существуют весьма долго, да и различия между ними невелики и касаются отдельных сторон обряда. Такие «классические» древнеямные признаки, как скорченное положение на спине и ориентировка в восточном секторе, господствуют здесь на всех хронологических ступенях: первый составляет не менее 90% всех зафиксированных случаев, второй — 87%. В целом это заметно отличает Волго-Уральский вариант от прочих вариантов древнеямной культурно-исторической области, в которых указанные признаки оказались далеко не столь стойкими. На Волге же они сохраняются и в первом периоде развития полтавкинской культуры¹⁰⁸, и лишь несколько более «свободная» ориентировка в пределах того же восточного полукруга может быть отмечена в наиболее поздней древнеямной группе.

Перейду к вопросам датировки намеченных групп. Прежде всего отмечу, что основная часть погребений первой хронологической группы

¹⁰⁶ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, 1955, стр. 317.

¹⁰⁷ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья, стр. 61.

¹⁰⁸ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья, стр. 71; Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках..., стр. 35.

(скорченные на спине, головой на восток, обильно окрашенные костяки) относится к тому общему древнеямному типу, который на раннем этапе распространился по всей культурно-исторической области — от Приуралья до Днестра. Но только на раннем этапе: позднее, как только что указывалось, в более западных вариантах он подвергся весьма заметным изменениям. Поэтому там он отмечен лишь в основании соответствующих стратиграфических колонок¹⁰⁹. Это свидетельствует об относительном архаизме первой группы и доказывает, что древнейшее расселение древнеямных племен достаточно широко охватывало Заволжье. Но необходимо конкретизировать понятие архаизма в применении к данной группе, что чрезвычайно трудно при почти полной ее безымянности. Полагаю, что единичные находки (рис. 12) дают все же возможность для достаточно важных сопоставлений.

Сосуд из Бережновки I 5/22 (рис. 12, 8) уникален и прямых аналогий не имеет ни в Заволжье¹¹⁰, ни в смежных районах. Но относительные аналогии есть¹¹¹, и они позволяют не ограничиваться общим определением архаизма формы и неолитических реминисценций в прореченном и ногтевом орнаменте, покрывающем всю поверхность сосуда. Сама зональность орнамента, сочетание волнистых линий, ограничивающих зоны с заполняющими их штрихами (в данном случае ногтевыми вдавлениями), действительно характерна для неолитической керамики охотничье-рыболовческих культур лесостепи и леса как к востоку от Волги, так и к западу от нее. В Приуралье определенные аналогии бережновскому сосуду и его орнаментации представляет керамика Андреевского озера. Но это сходство лишь общего порядка, оно может быть учтено как явление стадияльное со значительной амплитудой хронологического колебания. Более конкретны аналогии со смежных с Поволжьем западных территорий, прежде всего из Подонья. Там сосуды той же характерной формы (с яйцевидным туловом и развитым раструбовидным горлом) и с близкой орнаментацией известны как среди случайных находок (Хопровские хутора), так и в погребениях, по ряду аналогичных (курган «Мокрый Чалтырь» у Ростова-на-Дону, погребение 6)¹¹² или близких (хутор Попов, 31/7, погребение 4)¹¹³ бережновскому. Керамика же нижнедонских погребений в свою очередь находит аналогии, прежде всего своей орнаментации, в керамике нео-

¹⁰⁹ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история..., стр. 24, 26, 27, 34, 38.

¹¹⁰ Можно указать лишь относительно близкий ему фрагментированный сосуд из погребения Быково I, 12/7.

¹¹¹ Здесь наибольший интерес представляют фрагменты остродонных сосудов с раструбовидным горлом и зональным зигзаговым орнаментом, открытые В. Д. Белецким в Астраханских степях у Досанга и Исекея (рис. 12, 9—11). Они свидетельствуют о распространении наиболее архаичной древнеямной группы глубоко в степи между Волгой и Уралом. К сожалению, условия этих находок (на песчаных выдувах) не позволяют определить принадлежность их конкретным погребениям или культурным слоям (В. Д. Белецкий. Отчет об археологических разведках Нижне-Волжской экспедиции 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2536).

¹¹² В. М. Жибура. Отчет об археологических раскопках Мокро-Чалтырского городища и курганов в Ростовской обл. в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2276, стр. 14 сл.; № 2276^a— табл. XXXIV.

¹¹³ А. Д. Столяр. Раскопки курганов..., стр. 416, рис. 27, 6.

литических поселений той же области. И если ранее подобные материалы происходили лишь с разветвленных стоянок Цимлянского района, то в последние годы они обогащены находками в таком стратифицированном памятнике, как Ракушечный Яр у станицы Раздорской (раскопки Т. Д. Белановской). Здесь не место для подробного рассмотрения этой системы аналогий. Но еще раз подчеркну, что в донских неолитических поселениях неоднократно встречены фрагменты сосудов с орнаментом, аналогичным бережновскому: теми же зонами, ограниченными волнистыми прочерченными линиями и заполненными вертикальными штрихами (ногтевые вдавления, чекан)¹¹⁴. Донские же поселения находятся в определенной связи с днепро-донецкой культурой, прежде всего со средним и поздним периодом ее развития (по Д. Я. Телегину). Об этом свидетельствует как сходство материала (керамика, кремль, кость), так и наличие связанных с поселениями бескурганых коллективных и индивидуальных погребений¹¹⁵.

Все это дает уже более конкретные данные для хронологического определения бережновского сосуда. Но один сосуд — слишком слабое основание для хронологизации. Поэтому обратимся к другим категориям находок.

Дважды в скорченных погребениях первой группы найдены мелкие бусы из створок речной раковины-перловицы (Бережновка II, 9/16, Ровное II, 3/11 — рис. 12, 1—2). И абсолютно такие же бусы найдены в погребении у хутора Попова¹¹⁶, что подтверждает закономерность произведенного выше сравнения керамики. Материал этого погребения включает еще одну категорию украшений, полностью аналогичных заволжским: костяные цилиндрические пронизки¹¹⁷. Такие же найдены в погребении Бережновка II, 9/16 вместе с бусами (рис. 12, 3); в Заволжье и на Дону встречены два аналогичных комплекса. И. В. Синицын указывает, что эти пронизки, «служившие, по-видимому, украшением одежды, тщательно изготовлены, поверхность их отполирована до блеска, концы орнаментированы мелкими нарезными насечками, расположенными горизонтально... В погребениях Заволжья они неизвестны.

¹¹⁴ Г. И. Горецкий. Новые стоянки конца неолита и эпохи бронзы на террасах Нижнего Дона и Маныча как геологические документы. «Известия Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 5. М., 1948; он же. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогенных остатков (в условиях Нижнего Подонья и Приманычья). «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 20. М., 1955, стр. 16—38; А. А. Формозов. Неолитическая керамика Нижнего Подонья. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 134 сл.

¹¹⁵ Наиболее показателен здесь могильник мариупольского типа на реке Чире близ хутора Ярского (см.: Я. Яковлев. Плоские могилы каменного века на р. Чир в Донской области. «Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII археологического съезда в Харькове», 1902). Кроме того, вытянутое бескурганное погребение было перекрыто кромлехом кургана у Мокрого Чалтыря (см.: В. М. Жибура. Указ. соч.). Единичные вытянутые и скорченные бескурганые погребения открыты в четвертом (погребение 1) и первом (погребение 4) Ливенцовском могильниках (С. Н. Братченко. Отчет о работах Ливенцовской археологической экспедиции в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2986, стр. 15 сл.), а также близ станицы Затонно-Кагальницкая (исследования Ю. Н. Ефанова и В. Е. Максименко).

¹¹⁶ А. Д. Столяр. Раскопки курганов..., рис. 27—В—1.

¹¹⁷ Там же, рис. 27, 7.

Близкие по форме пронизки находились в Нальчикском могильнике, в том числе в погребении 86...»¹¹⁸

Но в Нальчикском могильнике известны и бусы из створок раковины-перловицы¹¹⁹. Известны они и в Мариупольском могильнике¹²⁰, причем И. В. Синицын специально подчеркивает, что эти украшения «не только по своей форме и материалу... но и по технике изготовления аналогичны бусам из ровненского могильника»¹²¹. Между тем Мариупольский могильник не представляет в этом плане исключения среди памятников днепро-донецкой культуры: такие же бусы найдены в Никольском, Лысогорском, Вовнижском и других могильниках второго этапа развития этой культуры¹²². Напомню в этой связи, что в Никольском могильнике найден сосуд, близкий трипольским этапам В-2¹²³.

Таким образом, уже по трем категориям изделий — керамике, раковинным бусам и цилиндрическим костяным пронизкам — первая хронологическая группа Нижне-Волжского района синхронизируется с древнейшими подкурганскими погребениями Подонья. Последние же по двум категориям изделий — бусам и пронизкам — синхронизируются с Нальчикским могильником и также по двум — бусам и керамике — со средним этапом днепро-донецкой культуры. Система синхронизации становится уже достаточно прочной, тем более что речь идет о смежных территориях и, безусловно, взаимодействовавших группах. Но она может получить и дальнейшее обоснование.

209 мелких бусин из створок раковины-перловицы были найдены в известном комплексе из района Криволучья, сопровождавшем бескурганное погребение с сильно окрашенным костяком, лежавшим скорченно головой на юг. Комплекс включал помимо указанных бус из раковины каменные бусы и полированные браслеты, кремневые наконечники копий, нож и скребок, а также каменный сверленный топор с цапфами¹²⁴.

В. В. Гольмстен, опубликовавшая эту замечательную находку, подчеркнула ряд элементов, связывающих ее с Северным Кавказом. Я присоединился к этому заключению, хотя и отметил, что «комплекс этот явно представляет собой явление экстраординарное и включает вещи, тяготеющие к различным культурным областям»¹²⁵. Впоследствии связь Криволучского комплекса с Северным Кавказом вызвала возражения К. В. Сальникова, считавшего, что ряд изделий комплекса имеет север-

¹¹⁸ И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 147.

¹¹⁹ А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий. Могильник в г. Нальчике. МИА, № 3, 1941, стр. 88, рис. 49, 2, табл. II, 6.

¹²⁰ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ, 1933, стр. 45—50; М. Makarenko. Neolithic man on the shores of the Sea of Azov. ESA, IX, Helsinki, 1934, 140, fig. 7, 8.

¹²¹ И. В. Синицын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 6—7.

¹²² Д. Я. Телегин. История племен днепро-донецкой культуры. Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1977, стр. 192.

¹²³ Д. Я. Телегин. Никольский могильник эпохи неолита — меди в Надпорожье. ҚСИА АН УССР, вып. 11. Киев, 1961.

¹²⁴ В. В. Гольмстен. Погребение из Криволучья. «Сообщения ГАИМК», вып. 6, 1937, стр. 8, рис. 13.

¹²⁵ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья, стр. 61, примеч. 69.

ное происхождение (браслеты из талька, подвеска из оленьих зубов, бусы из раковин, сверленный топор с цапфами)¹²⁶. Вслед за С. Н. Бибиковым он включает Криволучский комплекс в единый культурно-исторический ареал с памятниками Южно-Уральского нагорья. В этой связи отмечу, что речь идет здесь не о сходстве отдельных вещей, а о комплексном сходстве (браслеты и бусы) с южными находками. Многообразный же характер криволучской находки ясен, и К. В. Сальников еще раз подчеркивает его совершенно правильно. Им же высказана весьма плодотворная мысль о взаимодействии южных групп с аборигенным населением Среднего Заволжья и Приуралья, получившем отражение в Криволучском комплексе.

Однако при любой интерпретации общего характера Криволучской находки наличие в ней двух элементов, общих с Нальчикским могильником, остается несомненным. Такими элементами являются раковинные бусы и полированные каменные браслеты. Следовательно, закономерно и хронологическое сопоставление этих памятников, причем сопоставление в широком плане, с учетом амплитуды хронологического колебания обоих элементов. Это касается прежде всего каменных браслетов. На Северном Кавказе они известны и в «пост-нальчикское» время — вплоть до конца майкопской культуры¹²⁷, а в степи — в столь позднем памятнике, как III слой Михайловского поселения на Нижнем Днепре¹²⁸. В самом Заволжье выполненные в той же технике височные привески найдены в погребениях с юго-западной ориентировкой, отнесенных нами к третьей хронологической группе (Бережновка II, 9/5, 18)¹²⁹. Каменные кольца известны и в полтавкинских погребениях¹³⁰.

А. А. Формозов подчеркнул сравнительно поздний характер топора с цапфами из Криволучского погребения, находящего аналог и среди изделий II тысячелетия до н. э. в Карелии, Скандинавии, Центральной Европе¹³¹. Действительно, амплитуда хронологического колебания этой формы весьма велика. Но наличие ее в первой половине III тысячелетия до н. э. не вызывает сомнений, и комплекс из Криволучья является еще одним подтверждением этого.

Далее И. В. Синицын отмечает: «Полной аналогией ровненским бусам по форме, технике изготовления, материалу... служат бусы, найденные нами в детском погребении при раскопках древнего могильника в Волгоградской области у хутора Задано-Авиловского, на правом берегу Дона, напротив устья р. Иловли»¹³². Этот интересный, к сожалению не введенный еще в научный оборот, могильник расположен вблизи упоминавшегося уже культурного слоя у хутора Репина и, возможно,

¹²⁶ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», вып. 1. Уфа, 1962, стр. 45—46.

¹²⁷ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 146.

¹²⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 141.

¹²⁹ См.: И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 14—18, 147.

¹³⁰ P. Rau. Neue Funde aus Hockergräber des Wolgadeutschen Gebiets. ESA, IV. Helsinki, 1929, рис. 6—А.

¹³¹ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, стр. 143.

¹³² И. В. Синицын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 6—7.

связан с ним. Последний же хронологически близок рассмотренному выше погребению Быково II, 2/3 или, точнее, дает ему верхнюю хронологическую границу. Погребение это также отнесено мной к первой хронологической группе, но оно представляет второй включенный в нее тип — вытянутые погребения. Предложенная система синхронизации по бусам позволяет подтвердить хронологическую близость погребений обоих типов. Последнее подтверждается и другими материалами. Я имею в виду керамику из вытянутого же погребения Быково I, 12/7, имеющую, как уже отмечалось выше, ряд черт, весьма близких бережновскому сосуду. Это касается и формы (раструбовидный венчик) и орнамента (волнистые линии, обрамленные короткими насечками)¹³³. И вновь мы находим аналогии этой находке среди упомянутой уже керамики погребений и поселений Нижнего Дона.

Предложенные сопоставления дают определенные реперы для абсолютной датировки первой хронологической группы. Мне представляется твердо установленной синхронизация ее с Нальчикским могильником на юге и могильниками мариупольского типа на западе. Но синхронизацию эту следует воспринимать с должной осторожностью, учитывая длительность существования как самих этих памятников, так и использованных для сопоставления типов вещей¹³⁴. Поэтому датировка первой группы должна рассматриваться в достаточно широких рамках. Наиболее вероятным периодом ее существования я считаю первую половину III тысячелетия до н. э. Эта группа предшествует основанию Михайловского поселения на Днепре, распространению шнуровой орнаментации в степи (во всяком случае в восточных ее районах), влияниям кавказского очага металлообработки, начавшимся в период майкопской культуры. Поэтому середина и начало третьей четверти III тысячелетия до н. э. могут рассматриваться как ее верхняя хронологическая граница.

Сложнее проблема определения нижней даты. Уже неоднократно ставился вопрос о начале развития древнейших племен Поволжья еще в IV тысячелетии до н. э.¹³⁵ Возможность этого я не отрицаю и сейчас. Развитие первой группы было, безусловно, весьма длительным. Возможно, новые материалы позволят со временем более подробно распределить погребения первой группы, отнеся одни из них (типа Бережновки и Быкова I, 12/7) ближе к рубежу IV и III тысячелетий, а дру-

¹³³ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, рис. 13, 3а, б.

¹³⁴ Вместе с тем подтверждается и необходимость учета синхронизации Нальчикского могильника с могильниками мариупольского типа и при решении вопроса о хронологии последних. В силу этого соответствующие даты, предложенные Д. Я. Телегиным («История племен днепродонецкой культуры». Автореф. доктор. дисс. М., 1966), представляются мне несколько заниженными, а дата Нальчикского могильника, предложенная А. А. Формозовым («Каменный век и энеолит Прикубанья», стр. 147) — завышенной.

¹³⁵ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья, стр. 58; он же. Энеолит степной полосы европейской части СССР. «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961, примеч. 17. Еще более ранние даты для древнейшей ступени развития древнейших племен предложены В. Н. Даниленко («Неолит Украины». Киев, 1970, стр. 225 сл.; В. М. Даниленко, М. М. Шмаглей. Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. «Археологія», 1972, № 6, стр. 10, 18).

гие (типа Быкова II 2/3) ближе к середине III тысячелетия до н. э. Но сейчас достаточно твердых оснований для датировки конкретных комплексов IV тысячелетия до н. э. я не вижу. Что же касается первой половины III тысячелетия до н. э., то отнесение к нему первой хронологической группы документируется приведенными выше материалами. И здесь следует иметь в виду весь этот период с самого начала.

Дополнительным свидетельством этого является хранящаяся в Куйбышевском музее случайная находка, происходящая, несомненно, из Нижнего или Среднего Заволжья¹³⁶. Она представляет собой каменный овал, сужающийся к одному из концов и имеющий вблизи этого конца отросток — шип. Обе поверхности изделия, за исключением узкого конца, отполированы, кроме того, по ним проведены резные параллельные краю линии, соединенные двумя параллельными поперечными линиями (рис. 18, 1). Это оригинальное изделие относится к числу так называемых скипетров — схематизированных изображений головы животного, получивших определенное распространение в Северном Причерноморье, Подунавье и на Балканах. Оно представляет наиболее схематизированный и примитивный их вариант. Абсолютно аналогичный «скипетр» был найден И. В. Сеницыным в погребении одного из курганов Архаринского могильника. Подобные «скипетры» в более западных районах неоднократно находили в слоях хронологически близких ранних культур — Триполья В-1, Кукутени А. Гумельницы, Црнбуки¹³⁷. В Архаринском могильнике «скипетр» найден во впускном погребении I кургана 27. Все три погребения последнего были весьма архаичны, а одно из них (2) сопровождалось сосудом, который по форме и технике орнаментации может быть сопоставлен с бережновским¹³⁸. Таким образом, к доказательствам глубокого архаизма первой группы может быть добавлено еще одно. Находки «скипетров» в ряде стратифицированных поселений указанных культур не могут быть случайны и дают согласованную дату. При самом осторожном подходе к этому вопросу «скипетры» не могут быть отнесены ко времени ближе рубежа IV и III тысячелетий и самого начала III тысячелетия до н. э. А это вполне соответствует приведенным выше данным, позволяющим синхронизировать первую хронологическую группу с могильниками мариупольского типа. Вместе с последними «скипетры» могут быть включены в число свидетельств, определяющих нижнюю хронологическую границу для первой группы.

Вторая хронологическая группа стратиграфически следует непосредственно за первой и сохраняет ряд традиционных ее признаков. Можно с уверенностью утверждать, что и хронологически она явилась пря-

¹³⁶ Находка не документирована. В 1950 г. сотрудник Куйбышевского музея Н. В. Бакшеев сообщил автору, что находка происходит из разрушенного кургана, находившегося на севере Саратовской или на юге Куйбышевской области.

¹³⁷ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИИ, вып. 105, 1966, стр. 16; В. М. Даниленко, М. М. Шаглый. Про один поворотный момент..., стр. 3—20.

¹³⁸ И. В. Сеницын и У. Э. Эрдниева. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Элиста, 1966, стр. 93 сл., табл. 34, 3.

мым продолжением первой и никакого перерыва между ними не было. Соответственно нижняя хронологическая граница ее должна быть определена в пределах третьей четверти III тысячелетия до н. э., скорее всего в ее начале. В этой связи следует обратить внимание на то, что значительная часть погребений группы (60%) безынвентарна. Большая же часть известного инвентаря ее, как мы увидим ниже, носит поздний характер. Это позволяет полагать, что большинство безынвентарных погребений относится к началу периода развития группы, непосредственно примыкая к фактически безынвентарной первой группе и продолжая ее традицию. Число же «инвентарных погребений» возрастает к концу этого периода.

По общему своему положению эта группа соответствует основной массе древнеямных погребений более западных районов, за исключением наиболее поздних групп последних. Свидетельством этому служат как позитивные, так и негативные данные, причем вторые здесь не менее существенны, чем первые. К первым, естественно, относится инвентарь. Кратко остановлюсь на его характеристике.

Керамика второй группы представлена двумя типами сосудов. Тип первый — сосуды с полусферическим туловом и широким горлом без выделенной шейки (рис. 6; рис. 13, 1—8, 10, 12). Венчик прямой (если срез горла находится в наиболее широкой части сферы) или скошенный внутрь (если срез выше середины сферы). В одном случае этот скос значителен и сосуд принял репообразную форму (Быково I, 2/3) (рис. 13, 4).

Тип второй — сосуды с яйцевидным туловом, четко выделенной шейкой и цилиндрическим горлом. Венчик прямой или отогнутый (рис. 7; рис. 13, 11, 13—16).

Оба типа представлены примерно равным числом находок (14 сосудов первого типа, 12 — второго). Оба сопровождали погребения как с восточной, так и с северо-восточной ориентировкой. В одном случае сосуды обоих типов найдены при одном погребении (Ровное, 8/5). Параллельное существование обоих типов доказывается идентичностью глиняной массы (заметная примесь толченой раковины), техники изготовления и обработки поверхности (гребенчатое сглаживание) и, главное, орнаментации. На сосудах обоих типов в одной технике нанесены одинаковые орнаментальные схемы. Перечислю общие элементы орнаментации.

Круглые ямочные вдавления вдоль венчика или по горлу сосуда. Отмечены один раз на сосуде первого типа, пять — на сосудах второго типа ¹³⁹.

Резной орнамент вдоль края сосуда в виде простой горизонтальной елочки, двойной елочки, вертикальной елочки, чередующейся с параллельными горизонтальными линиями. Встречен трижды на сосудах первого типа, трижды на сосудах второго типа ¹⁴⁰.

¹³⁹ Быково I, 14/7 (рис. 13, 9); Верхне-Погромное, 19/11; Быково II, 2/2 (над ямой), 3/8; Бережновка I, 32/2; Скатовка, 5/3 (рис. 13, 14, рис. 14, 15).

¹⁴⁰ Первый тип — Политотдельское, 2/4; Бережновка I, 32/4; Скатовка, 12/2 (рис. 13, 2, 6, 7). Второй тип — Ровное, 8/5; Скатовка, 5/3 (два сосуда) (рис. 14, 13, 19).

Шнуровой линейный орнамент. Встречен дважды на сосудах обоих типов ¹⁴¹.

Шнуровой орнамент в виде заштрихованных ромбов или треугольников. Встречен дважды на сосудах первого типа, дважды на сосудах второго типа ¹⁴² и один раз на сосуде, представляющем своего рода переходный тип: шейка у него лишь намечена (рис. 14, 16). Один раз та же схема на сосуде второго типа выполнена резцом (рис. 14, 15).

Ногтевые вдавления или подобная им вертикальная насечка. Встречены дважды на сосудах первого типа и один раз на сосуде второго типа ¹⁴³.

Оба типа сосудов сосуществуют вплоть до конца второй группы и переходят в следующий период. Весьма показателен здесь комплекс погребения Ровное 8/5, где сосуд первого типа, полностью орнаментированный вертикальной насечкой и имеющий весьма архаичный облик, найден вместе с сосудом второго типа, дно которого уже уплощено, а форма близка полтавкинским. В других случаях уплощение дна на позднем этапе отмечено у сосудов как первого, так и второго типов ¹⁴⁴. В дальнейшем оно приводит к формированию двух основных типов полтавкинских сосудов.

Первый тип сосудов появляется лишь во второй хронологической группе. В первой группе он пока не известен, хотя в неолитических охотничье-рыболовческих культурах эта простая форма достаточно широко распространена, причем встречены экземпляры с той же заполняющей все тулово системой ногтевых отпечатков или вертикальной насечки. Укажу здесь на находки в упоминавшемся уже поселении Ракушечный Яр на Нижнем Дону ¹⁴⁵. В дальнейшем сосуды этого типа становятся одним из характерных признаков древнеямных погребений не только рассматриваемого района, но и всего Волжско-Уральского варианта. Именно они встречаются в двух других его районах — Средне-Волжском и Приуральском. Но при всей своей простоте эта форма не характерна для более западных вариантов: находки подобных сосудов на Дону, Северском Донце, в Приазовье и на Днепре единичны, причем в поздних группах древнеямных погребений они отсутствуют совершенно. Нет сосудов этого типа и в культурных слоях типа Михайловки на Нижнем Днепре. Поэтому данный тип может быть причислен к числу специфических черт рассматриваемого варианта.

Что же касается второго типа, то он представляется продолжением развития формы, уже известной нам по немногочисленным сосудам первой хронологической группы. Сохраняются те же элементы формы: яйцевидное тулово, четко выделенная шейка, прямой или отогнутый

¹⁴¹ Бородаевка I, 4/5; Верхне-Погромное, 19/9 (рис. 13, 10, 13).

¹⁴² Первый тип — Быково I, 14/7; Бережновка I, 10/4 (рис. 13, 3, 5). Второй тип — Верхне-Погромное, 19/11; Быково II, 2/2.

¹⁴³ Первый тип — Ровное, 4/24; 8/5 (рис. 14, 13, 18—19). Второй тип — Иловатка, 3/1 (рис. 14, 14).

¹⁴⁴ Первый тип — Ровное 3/2. Второй тип — Иловатка, 3/1 (рис. 14, 14).

¹⁴⁵ Т. Д. Белановская. Отчет за 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р-1 № 3060, табл. 17, 1, 2.

венчик. Однако заметно изменяются пропорции и детали. Тулово укорачивается и как бы снижается. Плечики выделяются более резко — вплоть до появления ребра. У наиболее поздних экземпляров шейка укорачивается, а дно становится уплощенным.

Сохраняется и ряд орнаментальных элементов: ямочные вдавления, ногтевые отпечатки, прочерченные линии, елочка. Но орнамент еще более «геометризируется» и покрывает уже не все тулово сосуда, а лишь верхнюю его часть. К известным ранее приемам прибавляются шнуrowые отпечатки. К. Ф. Смирнов отнес их к числу поздних признаков, появившихся лишь в самом конце древнеямной культуры Поволжья, а широкое распространение получивших лишь позднее — в полтавкинской и катакомбной культурах¹⁴⁶. В принципе это наблюдение правильно: в первой хронологической группе шнура нет; как нет его и в древнейших подкурганых погребениях Подонья и Предкавказья. Но во второй хронологической группе он появляется с самого начала и представлен на сосудах, которые по своим типологическим признакам не могут быть отнесены к концу древнеямной культуры. К числу таких признаков относятся сравнительно высокая еще шейка в сочетании с острым дном (Быково II 2/2; Верхне-Погромное, 19/11 — рис. 13, 14). Необходимо учитывать, что открытиями последних лет засвидетельствовано весьма раннее и широкое распространение шнуровой орнаментации по степи. Шнур уже хорошо известен в нижнем слое Михайловки на Днепре и в поселении у хутора Репина на Дону, т. е. в памятниках середины — начала третьей четверти III тысячелетия до н. э. Судя по имеющимся пока данным, на Волге шнуровая орнаментация не получила такого развития, как в Поднепровье, где находились основные (для степной полосы) центры ее распространения. Но большого хронологического разрыва здесь не было (свидетельством тому — находки у хутора Репина), и ныне уже нельзя, основываясь лишь на наличии шнурового орнамента, относить определенные погребения к самому концу древнеямной культуры. Да и на основании стратиграфических данных рассматриваемые сейчас сосуды относятся ко второй, а не к третьей и наиболее поздней хронологической группе. Отсутствие же шнура в первой группе лишь еще раз подчеркивает ее глубокую древность.

В отличие от первого типа второй тип сосудов относится к числу наиболее распространенных по всей древнеямной культурно-исторической области. В различных вариантах с локальными особенностями пропорций и оформления сосудов он представлен в Предкавказье, на Дону и Северском Донце, в Приазовье, на Нижнем и Среднем Днепре, в Крыму и на Днестре. Это делает закономерными сличения с материалами как смежных с Заволжьем, так и более отдаленных областей.

Наибольшее сходство с нижеволжскими сосудами представляют сосуды древнеямных погребений Дона и особенно Северского Донца¹⁴⁷.

¹⁴⁶ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 308.

¹⁴⁷ А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 53 сл.; он же. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 92 сл.; В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. «Труды XII

В ряде случаев здесь можно говорить о прямом тождестве находок, а следовательно, и о культурном единстве или о весьма тесном общении населения. Далее на запад сходство принимает более общий характер. Но, повторяю, здесь должны быть учтены и более западные материалы, прежде всего данные стратифицированных культурных слоев Нижнего Поднепровья. Отдельные сличения такого рода уже производились. Так, сосуд первой хронологической группы из погребения Быкова II, 2/3 сопоставлялся с керамикой второго слоя Михайловского поселения, а сосуд из погребения Быкова II, 2/2 — с керамикой третьего слоя¹⁴⁸. Однако это сопоставление представляется мне чрезмерно схематичным. Сосуд из первого погребения, как и вся первая группа, относится к «дошнуровому» (во всяком случае для Поволжья и Подонья) периоду и имеет совсем иную систему сопоставлений, уже рассмотренную выше. Те же элементы его, которые сопоставлялись с керамикой Михайловки II — высокая шейка, жемчужный и линейный орнамент¹⁴⁹, — находят продолжение в керамике второй хронологической группы, где к ним прибавляется и шнур. Это дает основание, как я полагаю, сопоставлять сосуды второго типа с керамикой не только третьего, но и второго слоя Михайловки. Это касается и упомянутого сосуда из Быкова II, 2/2. Наиболее же близкую аналогию керамике третьего слоя представляет сосуд из Верхне-Погромного, 19/11 (рис. 13, 14); здесь близка не только форма, но и весьма специфичная схема орнамента: зигзаг, нанесенный поверх нескольких рядов параллельных линий¹⁵⁰. Полагаю, что наша вторая хронологическая группа соответствует определенной части двух периодов Михайловки — второго и третьего¹⁵¹. Но какой части — установить более конкретно, к сожалению, нельзя: двухметровую толщу третьего слоя Михайловки, отражающую самый длительный период в жизни поселения, разделить на отдельные горизонты не удалось. Поэтому можно лишь предполагать, что речь здесь идет о нижних горизонтах этого слоя, поскольку наиболее поздним находкам его будет уже соответствовать следующая нижневолжская хронологическая группа.

Как мы видим, керамика дает лишь самые общие данные для датировки второй хронологической группы в силу ограниченности числа типов и длительности существования каждого из них. Столь же ограничены хронологические свидетельства и остального инвентаря, представленного небольшим числом категорий и маловыразительными формами, которые, как уже отмечалось выше, в большинстве своем отмечены поздними признаками.

Трижды в погребениях группы найдены кованные медные шилья

АС», т. I, М., 1905, табл. III; Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 25.

¹⁴⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 187.

¹⁴⁹ Там же, табл. VII, 6.

¹⁵⁰ Там же, табл. X, 3; XVIII, 9.

¹⁵¹ Еще раз подчеркиваю в этой связи вероятность отнесения безынвентарных погребений к началу периода развития группы.

Два из них (рис. 14, 1, 6) — двусторонние, квадратные в сечении — относятся к обычной форме, появившейся в древнеямных памятниках сравнительно рано¹⁵² и не претерпевшей никаких изменений вплоть до конца бронзового века. Третье же шило, снабженное четко выраженным упором при переходе от черешка к рабочей части, более характерно (рис. 14, 12). Оно представляет безусловно позднюю форму, появившуюся на Северном Кавказе в конце III тысячелетия до н. э.¹⁵³ и распространившуюся затем по степи вместе с другими северокавказскими металлическими изделиями. В Михайловке такие шилья появляются лишь в третьем слое¹⁵⁴, на Волге же они известны в полтавкинских памятниках, прежде всего в комплексе из Колтубанки¹⁵⁵.

Медные ножи представлены четырьмя экземплярами. Они представляют два типа. Первый — копьевидный, с подтреугольным клинком и резким переходом к длинному прямому и плоскому черешку. Большой нож этого типа (11×3 см) найден в Скотовке 5/3 (рис. 14, 7). И. В. Синицын подчеркивает отличие его от срубных ножей¹⁵⁶. Добавлю, что столь же заметно он отличается от катакомбных и полтавкинских. Это специфически древнеямная форма треугольного ножа, но представленная большим и относительно поздним экземпляром. В Михайловке она известна в третьем слое¹⁵⁷.

Два других ножа (рис. 14, 4, 5, 6) представляют второй тип — с листовидным клинком, мягко переходящим в плоский черешок с несколько вогнутыми сторонами и расширенным навершием. Это хорошо известная форма, распространившаяся в конце III — начале II тысячелетия до н. э. с Кавказа. В Закавказье она известна уже в середине III тысячелетия до н. э. (Сачхори), на Северном Кавказе представлена во впускном погребении Майкопского кургана¹⁵⁸, III Разменном кургане¹⁵⁹, дольменах Новосвободной¹⁶⁰, ряде памятников северокавказской культуры, начиная с первого ее этапа¹⁶¹. В степи такие ножи характерны прежде всего для катакомбных погребений, но встречаются и в древнеямных памятниках, непосредственно предшествовавших катакомбным или сосуществовавших с ними. Два ножа этого типа найдены

¹⁵² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. XXVI, 1—3.

¹⁵³ Т. Б. Попова. Дольмены станицы Новосвободной. М., 1963, табл. VIII.

¹⁵⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. XXVI, 4—7, 9, 21.

¹⁵⁵ Н. К. Качалова. О культурной принадлежности калиновского литейщика и колтубанского погребения. «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XXII. Л., 1962, стр. 24 сл.

¹⁵⁶ М. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 183.

¹⁵⁷ Ср. О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. XXVI, 12.

¹⁵⁸ А. А. Иессен. К хронологии «Больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, табл. III, 34; IV, 3.

¹⁵⁹ М. И. Артамонов. Третий Разменный курган у ст. Костромской. СА, X, 1948, рис. 5.

¹⁶⁰ Т. Б. Попова. Дольмены..., рис. 11, табл. X.

¹⁶¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.). МИА, № 93, 1960, рис. 46.

в третьем слое Михайловки¹⁶². В Поволжье они характерны для полтавкинских погребений¹⁶³ и существуют вплоть до начала срубной культуры (нож из Надеждина-Куракина)¹⁶⁴.

Еще один медный кованый нож, найденный в погребении второй группы (Быково. 1, 14/7), по мнению К. Ф. Смирнова, «...по форме своей приближается к медным ножам из погребений катакомбной культуры Донца»¹⁶⁵.

Таким образом, все ножи рассматриваемой группы принадлежат относительно поздним погребениям. То же следует сказать и о немногочисленных прочих металлических находках ее, к числу которых относятся бусы, свернутые из медных листков (рис. 14, 2), и разомкнуто-конечные височные кольца из медной проволоки (рис. 14, 3). Все это находки для древнеямных памятников весьма редкие. Медные бусы имеют значительную амплитуду хронологического колебания, единичные их находки известны как в ранних (Северский Донец)¹⁶⁶, так и в поздних (Северо-Западный вариант)¹⁶⁷ погребениях, причем именно в последних найдены формы, аналогичные заволжским. Разомкнуто-конечные височные кольца из бронзы или золота появляются на Северном Кавказе еще на ранней ступени майкопской культуры¹⁶⁸, позднее они известны в дольменах станицы Новосвободной¹⁶⁹ и в этот же период отдельные экземпляры их попадают в степь, где они входят в комплексы лишь наиболее поздних древнеямных погребений (золотая височная спиралевидная подвеска найдена в одном из таких погребений у с. Глубокого Татарбунарского района Одесской обл.)¹⁷⁰. Вместе с тем надо отметить, что на Кавказе эта простейшая форма предшествует характерным вытянутым височным привескам, распространенным на первом этапе северокавказской (а в степи — катакомбной) культуры.

И. В. Синицын отмечает находку в погребении из Скатовки, 5/3 пластинки из расколотого по длине клыка кабана. Она находилась на груди погребенного и служила амулетом или нагрудным украшением. Естественно, в связи с этой находкой упомянуты подобные украшения из Нальчикского могильника и могильников мариупольского типа.

¹⁶² О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. XXVI, 22, 24.

¹⁶³ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа. «Археологический сборник», вып. 5. Л., 1962, рис. 3, 6, 7.

¹⁶⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, рис. 4, 4.

¹⁶⁵ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 237.

¹⁶⁶ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии, 1903 г. «Труды XIII Археологического съезда», т. I. М., 1907, стр. 294.

¹⁶⁷ А. Bydlowski. Mogily w Nowosiólce. «Swiatowit», t. VI, 1905, рис. 5.

¹⁶⁸ Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 24, рис. 9.

¹⁶⁹ Т. Б. Попова. Дольмены..., табл. II.

¹⁷⁰ Н. М. Шмаглей, И. Т. Черняков. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.). «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 6, ч. 1. Одесса, 1970, стр. 41, рис. 37, 1.

Но ныне и для этих изделий можно говорить о длительном периоде существования. Они найдены, в частности, в комплексе из Петрова-Свистунова на Нижнем Днепре¹⁷¹ вместе с бронзовым литым проушным молотком и массивными многовитковыми бронзовыми браслетами, которые никак не могут быть современниками основных групп погребений могильников мариупольского типа. Наличие пластины из клыка кабана в скатовском погребении в одном комплексе с рассмотренным выше копьевидным ножом и, безусловно, поздними сосудами лишь еще раз подтверждает хронологическую неравнозначность этих изделий.

В том же комплексе найдены восемь полых трубок, вырезанных из птичьих костей (рис. 8, 5). Размеры их различны: от $12 \times 2,7$ до $5,5 \times 1,0$ ¹⁷². И. В. Синицын сопоставляет и их с находками в Мариупольском могильнике и вслед за Н. Макаренко именует «флейтой Пана». Две другие одностовальные «флейты» найдены еще в двух погребениях второй стратиграфической группы. (Бережновка II, 9/9, 10). Использование этих трубок в качестве музыкальных инструментов пока доказано быть не может, и вопрос о их назначении остается открытым. Что же касается их датировки, то и здесь находки в Мариупольском могильнике могут быть привлечены лишь для установления нижней хронологической границы изделий, но отнюдь не для прямой датировки. Ныне наборы таких трубок неоднократно найдены в древнейших погребениях на Нижнем Дону в безусловно поздних комплексах, отмеченных признаками близости, а может быть, и синхронности с катакомбной культурой¹⁷³. Они позволяют наметить верхнюю хронологическую границу для рассматриваемых трубок. И именно к ним, судя по значительной близости керамики, хронологически тяготеет скатовское погребение 5/3, а вместе с ним и бережновские погребения с «флейтами».

Каменные изделия второй хронологической группы немногочисленны и хронологически в большинстве своем невыразительны. Таковы каменные шары, растиральные плитки, песты, зернотерка (Ровное, 8/5; Быково II, 26/9), точильные камни (хутор Ст. Разина, 4/10; Скатовка, 5/3). Архаичный облик имеет большой нож на кремневой пластине из погребения Бережновки II, 9/9 (рис. 8, 1). Но следует учитывать, что изделия на кремневых пластинах в степи существуют очень долго. Примером может служить превосходный набор пластин комплекса из Петрова-Свистунова¹⁷⁴, к которым весьма близка бережновская находка. Вместе с тем отмечу, что в период катакомбной культуры таких пластин нет. Уже в третьем слое Михайловки полностью господствуют двусторонне обработанные орудия на отщепях, пластины же единичны¹⁷⁵.

¹⁷¹ О. В. Бодянский. Енеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунова. «Археологія», т. XXI, Київ, 1968, рис. 6, 3—4.

¹⁷² И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 184, рис. 56, 6.

¹⁷³ Пос. Донской, 5/26; 7/6; хутор Кудинов, 1/8 (А. Н. Мелентьев. Курганы эпохи бронзы в Нижнем Подонье, стр. 57, рис. 19, 1; он же. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г., рис. 40, 1).

¹⁷⁴ О. В. Бодянский. Енеолітичний могильник..., рис. 5, 9; рис. 7.

¹⁷⁵ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 115 сл.

Поэтому бережновский нож, как и найденный вместе с ним кварцитовый концевой скребок, может рассматриваться как явление пережиточное, но все же исключяющее возможность датировки бережновского комплекса вне пределов III тысячелетия до н. э.

Весьма оригинален полированный проушной молоток из погребения Быково II, 26/9 (рис. 8, 2; рис. 14, 9), найденный вместе с зернотеркой и пестом. По технике и тщательности отделки он близок боевым топорам третьего слоя Михайловки¹⁷⁶ и катакомбных погребений. Но прямых аналогий среди каменных изделий как катакомбных, так и древнеямных памятников он не имеет. Вместе с тем он является как бы репликой в камне бронзовых проушных молотков из Петрова-Свистунова и из погребения 12/4 Увакского могильника в Оренбургских степях¹⁷⁷, о котором речь пойдет несколько ниже. Докатакомбный же возраст обоих этих памятников сомнению не подлежит.

В целом, повторяю, хронологические свидетельства инвентаря второй хронологической группы весьма ограничены. Они документируют лишь позднюю часть периода существования группы и вместе с тем не дают четкого представления о верхней хронологической границе ее. Однако последнее в известной мере восполняется некоторыми негативными данными.

Одной из самых характерных находок самых поздних групп древнеямных погребений более западных вариантов древнеямной культурно-исторической области являются костяные (роговые) булавки с молоточковидным навершием¹⁷⁸. Они документируют сосуществование некоторых из этих групп с катакомбными памятниками Предкавказья, Дона, Крыма, Приазовья, Поднепровья¹⁷⁹. Часто булавки входят в состав характерного комплекса украшений, включающего костяные пронизки, украшенные глубокой круговой или спиральной нарезкой, и просверленные зубы хищника. Комплекс этот появляется на рубеже III и II тысячелетий до н. э. и распространяется в основном в первой четверти II тысячелетия до н. э., хотя в отдельных случаях булавки существуют и дольше. И весьма показательно, что, несмотря на значительное число погребений второй стратиграфической группы (а их около 80), ни в одном из них не найдены ни молоточковидные булавки, ни костяные пронизки. Это не может быть объяснено тем, что Заволжье находилось вне зоны распространения этих изделий. И те и другие известны в рассматриваемом районе, но найдены они уже в полтавкинских погребениях, а также в погребениях очень близкой к последним третьей древнеямной хронологической группы. Это определенным образом уточняет верхнюю хронологическую границу второй группы.

¹⁷⁶ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., табл. XII, 5, 7.
¹⁷⁷ Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи неолита и бронзы в Оренбургской области. «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, рис. 17.

¹⁷⁸ Б. А. Латынин. Булавки с молоточковидным навершием. Л., 1957.

¹⁷⁹ Интересная попытка расчленения подобных булавок на две хронологические группы (по материалам Предкавказья) предпринята В. А. Сафроновым (см.: В. А. Сафронов. Хронология памятников II тысячелетия до н. э. юга Восточной Европы. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 19).

Третья хронологическая группа стратиграфически следует непосредственно за второй. Безусловна преемственность в погребальном обряде. Ряд традиций сохраняется без изменений. Некоторые же черты обряда, зародившиеся во второй группе, получили теперь определенное продолжение¹⁸⁰. Возникли и некоторые новые черты, свидетельствующие не столько об эволюции, сколько о появлении новых источников культурных влияний, а скорее всего — и новых племенных групп. Таковы погребения с абсолютно необычной ранее ориентировкой в западном секторе. Однако эти погребения составляют лишь небольшие группки, примешивающиеся к основной массе традиционных погребений. Ни обрядовой, ни хронологической преемственности в целом они не нарушают.

В инвентаре третьей группы также отмечено сочетание старых, известных еще во второй группе форм с заметно изменившимися или совсем новыми. Сохранились оба отмеченных выше типа сосудов. Но наряду с полностью сохранившимися формами (рис. 15, 21) появились формы измененные, с заметно уплощенным дном (рис. 15, 25), а также полностью сформировавшиеся плоскодонные формы, имеющие заметные черты новых влияний, главным образом в орнаментации (рис. 15, 17, 19). Последние с равным основанием могут быть отнесены как к числу наиболее поздних древнеямыных, так и к числу полтавкинских. И. В. Сеницын правильно определил их как переходные¹⁸¹. В процессе формирования их, несомненно, значительную роль играли влияния катакомбной культуры, ряд традиций которой, и прежде всего в орнаментации керамики, был воспринят в Заволжье. Примерами этого могут служить линейный шнуровой орнамент, сплошь покрывающий сосуды (рис. 15, 19), рельефный орнамент с заполненными чеканом каннелюрами и острыми ребрами между ними (рис. 15, 18), сочетание вертикальных и горизонтальных шнуровых лент¹⁸². Истоков такой орнаментации в предшествующей древнеямыной группе мы не находим, в катакомбной же культуре известны многочисленные и четко представленные аналоги и формам, и орнаментальным приемам этой группы сосудов.

Поэтому при определении хронологических рамок третьей группы должна приниматься во внимание синхронность ее с катакомбными памятниками, во всяком случае на протяжении определенного периода. Такое сосуществование подтверждается и другими данными. В кургане 10 у Калиновки погребение 2 третьей группы с сосудом первого типа¹⁸³, целиком покрытым клиновидными наколами, было впускным при основном погребении 9 с типично катакомбным ножом. Дважды в погребениях третьей группы — у хутора Ст. Разина 1/17 и у Бородаевки 9/4 — найдены упоминавшиеся выше костяные пронизки с глубокой нарезкой, хорошо известные в катакомбных и полтавкинских памятниках и син-

¹⁸⁰ Так, во второй группе появились погребения, ориентированные на северо-восток, а в третьей — на ССВ и север.

¹⁸¹ И. В. Сеницын. Древние памятники Саратовского Заволжья, стр. 6.

¹⁸² В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 358, рис. 35, 4.

¹⁸³ В публикации погребение 2 названо основным. Настоящее изменение любезно сообщено мне В. П. Шиловым.

хронные молоточковидным булавам. Последние также встречены в полтавкинских погребениях¹⁸⁴. В погребении у Бородаевки 9/4¹⁸⁵ пронизка найдена вместе с ножом катакомбного типа (с расширенным у на-вершия плоским черепком) и массивным бронзовым острием. Последнее аналогично острию колтубанского комплекса, принадлежащего, безусловно, уже полтавкинской культуре¹⁸⁶.

Кратко остановлюсь на других изделиях, составляющих инвентарь третьей группы.

В погребении у Политотдельского 4/13 найден необычной формы ко-ванный медный нож с острым и широким черешком, являвшимся про-должением одного из лезвий (рис. 15, 6). К. Ф. Смирнов подчеркнул крайнюю редкость этой формы для Восточной Европы¹⁸⁷ и привел единственную аналогию, известную ему в Поволжье: нож с Тернов-ского городища¹⁸⁸. Вместе с тем он отметил наличие этой формы в древней цивилизации долины Инда и в Египте эпохи VI династии, ссылаясь на исследование Мортимера Уиллера¹⁸⁹. Действительно, близ-кая форма ножей распространена на Ближнем Востоке в середине тре-тьей четверти III тысячелетия до н. э. Но речь идет здесь о слишком далеких территориях, непосредственного общения и комплексных связей с которыми Поволжье не имело. Формы же близки, но не тождествен-ны. Сейчас трудно судить о том, является ли эта близость результа-том случайного совпадения или позднего подражания и как стали зна-комы здесь образцы для подобного подражания. Но представляется исключенной возможность прямого хронологического сопоставления за-волжского ножа с ножами VI династии Древнего Царства. Уже в Индии соответствующие находки моложе: с эпохой VI династии можно свя-зывать лишь основание Мохенджо-Даро, а ножи подобной формы най-дены в средней части культурного слоя, который накапливался вплоть до конца первой четверти II тысячелетия до н. э. И если нож из по-гребения 4/13 из Политотдельского связан с ближневосточными обра-зцами, то должны в первую очередь учитываться не далекие египет-ские прототипы, а находки более близких территорий, связанных — пусть опосредствованно, через Среднюю Азию или Кавказ — со степной полосой.

Сам же нож из Политотдельского найден при стратиграфически позднем погребении вместе со спиральной медной пронизкой, аналогии которой могут быть указаны лишь в катакомбных комплексах¹⁹⁰ (рис. 15, 4).

¹⁸⁴ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа..., рис. 4, 1.

¹⁸⁵ И. В. Симицын. Археологические раскопки..., стр. 129, рис. 87. Погребение переход-ного типа И. В. Симицыным отнесено к числу раннесрубных (полтавкинских), О. А. Кривцовой-Граковой — к поздней группе древнеямных (О. А. Кривцова-Гра-кова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 14).

¹⁸⁶ Н. К. Качалова. О культурной принадлежности..., стр. 24—26.

¹⁸⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 308.

¹⁸⁸ ИАК, вып. 53, стр. 101, рис. 14.

¹⁸⁹ М. Wheeler. The Indus civilization. Cambridge, 1953, 54, рис. 10, 5.

¹⁹⁰ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

Шилья, дважды найденные в погребениях третьей группы (рис. 15, 3), ничем не отличаются от более ранних. Хронологически важнее упомянутое бронзовое острие из Бородаевки, 9/4.

Каменные орудия представлены чрезвычайно оригинальным полированным проушным молотком, вторая сторона которого несколько опущена вниз и клювообразно заострена (клевец?) (рис. 15, 10). Прямых аналогий молот не имеет, но по форме и по технике изготовления он тяготеет к катакомбным проушным орудиям. Правда, следует отметить, что металлические топоры-клевцы с клювовидной клевцовой частью известны в Северном Причерноморье и много ранее¹⁹¹.

В двух погребениях найдены массивные разомкнутоконечные кольца из известняка, служившие височными привесками (рис. 15, 15, 16). И. В. Синицын подчеркивает, что по технике изготовления они подобны браслетам из Нальчикского могильника и Криволучья¹⁹². Наряду с ними необходимо учитывать и более поздние находки: кольцо из полтавкинского погребения у Бородаевки, 6/8¹⁹³ и пронизку из упоминавшегося уже погребения переходного типа у Бородаевки, 9/4¹⁹⁴. Последние и по размерам и по назначению ближе бережновским привескам.

Особый интерес представляет уже упоминавшаяся выше находка в третьей хронологической группе кремневых скребков и типичных «геометрических микролитов» (сегментов) (рис. 15, 14). Своим архаичным обликом они, казалось бы, резко контрастируют со всем остальным инвентарем группы и ставят под сомнение ее позднюю датировку. Но сомнений здесь быть не может. Микролиты найдены в погребении с юго-западной ориентировкой, относящемся к верхнему горизонту наиболее четко стратифицированного кургана. С ними найдены два концевых скребка, а два других таких же скребка найдены в погребении 5 того же кургана вместе с известняковыми височными привесками. Концевые кварцитовые скребки известны и в погребениях второй хронологической группы, в частности в погребении более раннего стратиграфического горизонта того же кургана (Бережновка II, 9/9). Это позволяет говорить о бытовании их на протяжении нескольких периодов развития древнейшей культуры Заволжья. Таким образом, наличие подобных орудий в поздней группе становится объяснимым. В целом же эти находки, как уже подчеркивалось выше, доказывают чрезвычайно длительность пережиточного бытования орудий микролитического облика в Заволжье¹⁹⁵.

Данные стратиграфии, обряда и инвентаря свидетельствуют о позднем характере третьей хронологической группы. В целом она относится

¹⁹¹ Примером может служить топор-клевец из Веремья на Днепре (Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры по данным археологии. «Вестник Государственного музея Грузии», т. XII-В. Тбилиси, 1944, рис. 4, 5).

¹⁹² И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 147.

¹⁹³ Н. К. Качалова. К вопросу о памятниках полтавкинского типа..., рис. 4, 18.

¹⁹⁴ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, рис. 187.

¹⁹⁵ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, стр. 135, 136, 137.

к периоду перехода от древнеямной культуры Нижне-Волжского района к полтавкинской группе. Поэтому и ряд памятников ее носит переходный характер. Конец же ее, а вместе с тем и верхняя хронологическая граница древнеямной культуры рассматриваемого района в целом определяются полностью уже сформировавшейся полтавкинской группой. Последнее, безусловно, доказывается стратиграфическими данными, в том числе случаями прямого нарушения или перекрытия полтавкинскими погребениями древнеямных различных групп, в том числе и третьей¹⁹⁶. Примеров обратного порядка нет, хотя сосуществование погребений, сохраняющих еще основные древнеямные черты в сочетании с формирующимися полтавкинскими, закономерно и было уже отмечено выше (Калиновский могильник, курган 10).

В более западных древнеямных вариантах третьей нижневолжской группе соответствуют также сравнительно поздние группы. Тенденции, лишь наметившиеся в этот период в Заволжье,— менее строгая ориентировка, начало уплощения днищ сосудов — получили там гораздо большее развитие. В этом аспекте наша третья группа выглядит весьма консервативной. Кроме того, поздние западные группы продолжали развиваться и далее параллельно с катакомбной культурой. На этих этапах они хронологически соответствовали уже не нашей третьей группе, а полтавкинской культуре.

Все вышеизложенное, повторяю, позволяет относить нашу третью группу к периоду формирования полтавкинской культуры, периоду, ознаменованному началом значительных влияний со стороны раннекатакомбной-северскодонецкой культуры и позднемаякопской (новосвободненской) культуры Северного Кавказа¹⁹⁷. Уже это дает определенные хронологические реперы для третьей группы и позволяет наметить датировку ее в основном в пределах XXI—XIX вв. до н. э., признавая возможность и более поздней (XVIII в.) датировки отдельных погребений, синхронных полтавкинским.

Но есть еще одно направление синхронизации, подтверждающее эту дату. Я имею в виду чрезвычайно интересные находки в могильнике Заман-баба I, открытом и исследованном Я. Г. Гулямовым и Е. Е. Кузьминой далеко на востоке, на северной границе раннеземледельческих цивилизаций юга Средней Азии¹⁹⁸. Вопрос о характере связи этого могильника со степными культурами ставился уже неоднократно и вызвал определенную дискуссию¹⁹⁹. Но не вызывало возражений наличие

¹⁹⁶ Быково I, курган 4 (погребение 3 перекрыло 10 и 11); Быково II, курган 1 (19 погребение нарушено 18); Политотдельское, курган 2 (погребение 6 нарушено 4); Политотдельское, курган 4 (погребение 27 нарушено 13 — случай нарушения погребения третьей группы); Ровное, курган 3 (погребение 10 нарушено 11); Бережновка I, курган 32 (погребение 5 нарушено 4); Калиновка, курган 55 (погребение 13 нарушено 15); Калиновка, курган 55 (погребение 7 нарушено 6).

¹⁹⁷ Н. К. Качалова. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. дисс. Л., 1965, стр. 14—15.

¹⁹⁸ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов. Перфобитная культура в низовьях Зеравшана. Ташкент, 1966; Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-баба. СА, 1958, № 2; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.

¹⁹⁹ Н. Я. Мерперт. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957; он же. Энеолит степной полосы...; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, стр. 235.

ряда общих элементов в погребениях древнеямных курганов и могильника Заман-баба I. Эти общие элементы появились и в погребальном обряде и в инвентаре, что делает закономерным хронологическое сопоставление тех и других погребений. Погребения в ямах из могильника Заман-баба I, представляющие наибольший интерес для нас, непосредственно предшествуют погребениям в подбоях или синхронны им. Они содержат сосуды, весьма близкие сосудам первого типа, в том числе поздним его формам — с уплощенным дном. Поэтому наиболее закономерно сопоставление их с нашей третьей группой. Между тем наряду со степными элементами погребения могильника Заман-баба содержали вещи южного происхождения, позволяющие установить место этого памятника в среднеазиатской и иранской стратиграфических колонках. Соответственно он сопоставляется с рубежом периодов Намазга IV и V (и началом последнего) в Южной Туркмении и периодом Гиссар III-C в Северном Иране ²⁰⁰.

Относительно датировки периода Гиссар III-C было немало споров. Расхождения здесь достигали пятисот лет. Мне представляется наиболее убедительной датировка, предложенная Р. Дайсоном ²⁰¹. Она достаточно осторожна и, главное, согласована с общей хорошо разработанной колонкой иранской хронологии, которая в свою очередь приведена в соответствие с колонками других областей Ближнего Востока. Согласно Р. Дайсону, период Гиссар III-C датируется XX—XIX вв. до н. э., XVIII в. считается уже менее вероятным.

Что касается рубежа Намазга IV и V, то исследования В. М. Массона позволили отнести его к рубежу III и II тысячелетий до н. э. Ныне эта дата подтверждена и результатами радиоуглеродного анализа: уголь из Алтын-депе IV (самый конец Намазга IV) дал дату —2120±50 до н. э. (Ленинградская лаборатория).

Таким образом, в рассмотренном Нижне-Волжском районе развитие древнеямных племен прослеживается на протяжении свыше тысячелетия. Здесь хронологическая колонка представлена с наибольшей полнотой, что позволяет основываться на ней при хронологизации памятников и других районов Волжско-Уральского варианта (конечно, с определенными коррективами и учетом местных особенностей). Поэтому именно в связи с этой колонкой, прежде чем переходить к другим районам, я хочу остановиться на некоторых общих вопросах хронологизации древнеямных памятников.

²⁰⁰ Обоснование такого сопоставления см.: *Е. Е. Кузьмина. Могильник Заман-баба; В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток; Е. Е. Кузьмина. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана. СА, 1968, № 2.*

²⁰¹ *R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran 6000—2000 B. C. «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965, стр. 241—242.*

4. Общие вопросы датировки древнеямных памятников

Выше были отмечены некоторые системы сопоставлений, позволяющие сугубо ориентировочно ставить вопрос о месте хронологических групп древнеямных погребений Нижнего Поволжья среди культур энеолита и раннего бронзового века сопредельных территорий и о их датировке. Дальнейшая же разработка этого вопроса возможна лишь при учете не только, собственно, нижеволжских данных с системами их сопоставлений, но и хронологических показателей всех вариантов древнеямной культурно-исторической области, рассмотренных как во внутренней их взаимосвязи, так и в соотношении с соответствующими показателями смежных культурных областей. Отнюдь не претендуя на исчерпывающее разрешение этой сложнейшей проблемы, я остановлюсь на некоторых ее аспектах, наиболее значительных для датировки выделенных выше групп.

Исследование абсолютной хронологии древнеямных памятников крайне сложно и самые возможности его весьма ограничены ввиду отсутствия прямых датирующих показателей. Любой попытке такого исследования должно предшествовать создание обоснованной системы относительной хронологии памятников с дальнейшим сопоставлением ее с территориально смежными культурными группами, обладающими большими возможностями для абсолютной хронологизации. Именно на относительную хронологию, основанную прежде всего на стратиграфических данных, справедливо обратили внимание многие исследователи древнеямных памятников. Определение последовательности и типологического своеобразия хронологически различных групп древнейших подкурганых погребений было начато еще Г. Л. Скадовским²⁰². Позднее на новых материалах и более высоком научном уровне оно было продолжено В. А. Городцовым, Б. Н. Граковым, К. Ф. Смирновым, И. В. Сидниным, В. П. Шиловым, А. И. Тереножкиным, В. Н. Даниленко, А. А. Шепинским, М. Гимбутас и другими и в наиболее развернутом виде представлено в трудах О. А. Кривцовой-Граковой²⁰³. Открытие Михайловки и других поселений Нижнего Поднепровья значительно повысило возможности относительной хронологизации древнеямных памятников, обогатив ее четкими данными поселенческой стратиграфии. Это позволило О. Г. Шапошниковой на принципиально новой основе представить хронологию древнеямных памятников всего Нижне-Днепровского варианта²⁰⁴.

При несомненном научном значении указанных исследований они либо касались одного района (Нижнее Поднепровье) или даже одной группы памятников (Никопольское курганное поле), либо распростра-

²⁰² Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. «Труды VIII Археологического съезда». т. III. М., 1897, стр. 88—95.

²⁰³ О. А. Кривцова-Гракова. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле. МИА, № 115, 1962, стр. 7.

²⁰⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 183—190.

няли заключения, основанные на материалах этого района (или памятника), на всю культурно-историческую область. Таким образом, постулировались общие для всей области хронологические ступени, создавались своего рода нивелирующие горизонты. Примером может служить выделение горизонтов с погребениями на спине и на боку. Оно совершенно справедливо для конкретных районов, но отнюдь не исчерпывает всей сложной картины развития и смены погребальных обрядов по всей области. Сведение этих многообразных процессов к двум указанным горизонтам неизбежно приводит к определенному схематизму, утере подлинного хронологического соотношения между конкретными группами памятников, а следовательно, и исторического соотношения и взаимодействия между группами их создателей. Это касается и попытки тотального хронологического членения древнейших памятников соответственно конструкции погребальных сооружений, деления их на «погребения в ямах» (Pit-grave) и «погребения в хижинах» (Hut-grave)²⁰⁵. Вообще, повторяю, для столь обширной территории и столь длительного периода развития общее хронологическое членение на основании одного обрядового признака представляется по меньшей мере весьма относительным.

Выделение лишь общих горизонтов распространялось и на постановку вопросов абсолютной хронологии. В 1961 г. при первой попытке выделения территориальных групп древнейших памятников и более дробной их периодизации я исходил из общих хронологических горизонтов, для датировки которых использовал в равной мере отдельные данные из самых различных районов культурно-исторической области²⁰⁶. Таких горизонтов (или ступеней) тогда мной было выделено четыре. М. Гимбутас согласилась с подобной периодизацией, но предложила несколько иную, более сокращенную абсолютную их датировку²⁰⁷, также используя материалы различных районов. В более поздней общей работе, посвященной относительной хронологии неолита и энеолита нижнего Подунавья и Северного Причерноморья, М. Гимбутас сохранила «четырехступенчатую» периодизацию, но отказалась от сокращения абсолютной датировки ступеней; ее новые абсолютные даты соответствуют предложенным мной в 1961 г.²⁰⁸ Для каждой ступени М. Гимбутас наметила систему сопоставлений, а именно: для первой ступени — Михайловка I, Никольский могильник, древнейшие курганы Поднепровья, Бережновка на Нижней Волге; для второй ступени — Игрень I, Средний Стог II, Мелихов Бугор (средний слой), Александрия (нижняя часть энеолитического слоя); для третьей ступени — Мекенская (майкопские погребения), Майкоп, Быково I, Михайловка II, Александрия (верхняя

²⁰⁵ М. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, Massachusetts, 1956, стр. 71, 74.

²⁰⁶ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 167.

²⁰⁷ М. Gimbutas. Notes on the Chronology and Expansion of the Pitgrave Kurgan-Culture. «L'Europe à la fin de l'âge de la pierre». Praha, 1961, стр. 193—200.

²⁰⁸ М. Gimbutas. The Relative Chronology of Neolithic and Chalcolithic Cultures in Eastern Europe North of the Balkan Peninsula and the Black Sea. «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965, стр. 492, 494.

часть энеолитического слоя), Скеля Каменоломня, Стрильча Скеля, Нальчик; для четвертой ступени — Михайловка III, Быково II, Мекенская (ямные погребения), Новосвободная²⁰⁹.

Первая ступень датирована второй половиной IV тысячелетия до н. э., вторая — первой половиной III тысячелетия до н. э., третья — третьей четвертью III тысячелетия, четвертая доведена до рубежа III и II тысячелетий до н. э.²¹⁰

Некоторые из приведенных сопоставлений представляются справедливыми, другие — спорными. Но в целом система лишена последовательности, поскольку в каждую ступень включены отдельные памятники с различных территорий. Прямое соотношение между такими памятниками можно установить далеко не всегда, что, естественно, в значительной мере нарушает прочность синхронизации и даже ставит под сомнение самую возможность ее.

Между тем если говорить о системе, то необходимо выяснить весь ход развития каждого звена ее с тем, чтобы сопоставить полные колонки каждого варианта. Только в этом случае само сопоставление получит последовательный и законченный характер. Естественно, сопоставлению подлежат прежде всего смежные и тесно исторически связанные варианты. Относительная хронология получит в таком случае достаточно конкретный характер. А установление внутренней относительной хронологии представляется мне, повторяю, наиболее важной задачей, без тщательной разработки которой невозможно ни обоснованное сопоставление со смежными культурами, ни тем более переход к попыткам абсолютного датирования.

Следовательно, первой ступенью хронологизации древнеямных памятников должно быть создание локальных схем для конкретных, единичных в своем развитии территориальных групп. Выше я пытался создать такую схему для древнеямных погребений Нижне-Волжского района. В другой работе подобная попытка распространена мной на все варианты древнеямной культурно-исторической области, а в случае необходимости и на отдельные группы внутри больших вариантов²¹¹. Естественно, я здесь не имею возможности привести системы обоснования всех хронологических колонок. Ограничусь поэтому ссылкой на указанную работу, а также представлением основных ее результатов, прежде всего в аспекте соотношения всех локальных колонок с рассмотренной выше периодизацией нижеволжских памятников. Это соотношение приведено на рис. 16, на котором отмечены также главные направления синхронизации колонок с основными культурными очагами Восточной Европы и Ближнего Востока.

При сопоставлении локальных хронологических схем, представленных на синхронистической таблице, я стремился к учету всех основных факторов: территориальной близости вариантов, возможности и

²⁰⁹ М. Gimbutas. Op. cit., стр. 492.

²¹⁰ Там же, стр. 494.

²¹¹ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.). Архив ИА АН СССР Р—2, № 2010—2012; см. также автореферат данной работы под тем же названием. М., 1968, стр. 17—39.

фактического наличия контактов, соответствия стратиграфических колонок, сходства и расхождения общих схем, распространения близких комплексов вещей и амплитуды хронологического колебания последних. Это позволяет обосновать хронологическое соответствие определенных групп различных вариантов. Установление же такого соответствия в свою очередь создает возможность для выделения общих ступеней развития культурно-исторической области. Кроме того, оно заметно увеличивает возможности абсолютных датировок. Данные, полученные в отдельных вариантах, прежде всего окраинных, соприкасавшихся с более четко хронологизированными областями, при наличии такого соответствия могут быть распространены на ряд групп и использованы для датировки отмеченных выше общих ступеней. Таким образом, хронологическая схема древнейшей культурно-исторической области может быть приведена в соответствие со схемами Северо-Западного Причерноморья (а через него — с Балкано-Дунайским районом), Кавказа и юга Средней Азии (а через них — с Передней Азией). Синтез этих данных позволяет в самом общем плане наметить три больших хронологических этапа развития древнейшей культурно-исторической области.

Этап первый — наиболее длительный. Он, безусловно, объединяет ряд последовательных ступеней развития, в частности первые две ступени, выделенные мной в 1961 г.²¹² Однако для прочного обоснования, прежде всего стратиграфического обоснования, таких ступеней пока еще материал недостаточен. Поэтому приходится ограничиться суммарным определением хронологических рамок этого этапа, знаменующего формирование культурно-исторической области и период наибольшего ее единства. К нему относятся наиболее ранние группы и подгруппы ряда вариантов, составляющие «ранний общедревнеямный горизонт». При наличии локальных их особенностей здесь могут быть отмечены и общие признаки: единообразие скорченных на спине окрашенных под курганных погребений с восточой ориентировкой, остро- и круглодонные сосуды с четко выраженным высоким или отогнутым горлом, с резным, штампованным, накольчатым орнаментом, сохраняющим традиции неолитической керамики лесостепной и лесной полосы²¹³, на раннем этапе — отсутствие шнурового орнамента с появлением его в конце этапа, почти полное отсутствие металла, распространение каменных «скипетров». Попытка установления хронологических соответствий по указанным выше трем направлениям приводит к следующим результатам.

В Северо-Западном Причерноморье известен ряд случаев трипольских импортов в степных памятниках, синхронных древнеямным или исторически с ними связанными (о-в Похилый, Стрильча Скеля, Средний Стог II). Все эти импорты относятся к Среднему Триполю, наиболее

²¹² Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 167.

²¹³ Здесь наиболее показательны сосуды: в Волжско-Уральском варианте — Бережновка I, 5/22; Быково I, 12/7; Быково II, 2/3; в Предкавказском — Архаринский могильник, 27/2; станица Кубанская; в Донском — хутор Попов, 31/7; «Мокрый Чалтырь», Хопровские хутора, хутор Репин.

важные и выразительные из них — к Триполью В2²¹⁴. Известны и группы кухонной посуды степного типа на поселениях Среднего Триполья (Сабатиновка I, Солончены, Новые Русешты и др.). Такие «перекрестные данные» позволяют синхронизировать ранний этап со Средним Трипольем. Это подтверждается появлением безусловно древнейших (что доказывается находкой в Архаринском могильнике 27/1) каменных скипетров на поселениях самого Среднего Триполья (Березовская ГЭС на Южном Буге) и синхронных ему культур Балкано-Дунайского района, а именно: Кукутени А, Гумельница 3, Црибуки (соответствующей энеолитической культуре Сербии Бубани—хум I). Здесь цепочка синхронизации единообразная и достаточно прочная.

В связи с этим кратко остановлюсь на вопросе абсолютной датировки указанных культур. Как известно, серии радиоуглеродных анализов вызвали заметную передатировку балкано-дунайских культур и Триполья²¹⁵, а затем и дискуссию по поводу правомерности этой передатировки²¹⁶. В целом я принимаю передатировку, ибо она обусловлена прежде всего собственно археологическими данными: открытием новых культур и фаз их, т. е. новых значительных звеньев хронологических колонок при незыблемости верхних их границ. Примером этого могут служить хотя бы огромные культурные слои культур Каранова VII, Каранова VI—V, Каранова III в Южной Болгарии. Радиоуглеродные даты лишь подтверждают необходимость передатировки и относительно уточняют ее. Соответствие их (при наличии серий) данным стратиграфии, конечно, не случайно. Учет их необходим, но с известной осторожностью, особенно по отношению к единичным датам. А именно к таким датам относится результат анализа угля из Хабашешты (культура Кукутени А) — 3539 ± 80 ²¹⁷. Эта дата прочно вошла в литературу и стала опорным пунктом для датировки Среднего Триполья. Между тем, повторяю, дата единична, как единична и дата образца из Валеа Лупулуй (Кукутени В) — 3148 ± 60 ²¹⁸. В лучшем случае дата из Хабашешты может учитываться как ориентир для определения самого начала культуры Кукутени А. Характерно, что образцы из ранней Гумельницы, соответствующей протокукутени, дали почти такие же даты — 3612 ± 90 и 3570 ± 70 ²¹⁹. Слои же культуры Эзера (Каранова VII), непосредственно перекрывающие слои Гумельницы 3—4 (соответствующие концу Кукутени А и началу Кукутени В), на эпонимном памятнике начинаются, согласно тем же радиоуглеродным датам, не ранее начала III тысячелетия до н. э.

²¹⁴ А. В. Добровольский. Эвіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану року 1927. «Збірник Дніпропетровського краєвого Історико-археологічного музею». Дніпропетровськ, 1929; В. Н. Даниленко. Неолит України, стр. 226 сл.

²¹⁵ T. S. Passek. Relation entre l'Europe Occidentale et l'Europe Orientale à l'époque néolithique. «VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques». М., 1962, стр. 3—23.

²¹⁶ Л. С. Клейн. К сравнительной стратиграфии эгейских и дунайских теллей. ВЛУ, № 20, 1965.

²¹⁷ Gr № 1985; «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 441.

²¹⁸ Gr № 1982; «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 441.

²¹⁹ Gr. № 3028; Gr № 1987. Там же.

Поэтому третья четверть IV тысячелетия до н. э. даже по данным радиоуглеродного анализа может считаться лишь возможным началом развития интересующих нас синхронных культур. Весь же период этого развития и для Кукутени А—В, и для Гумельницы 3—4, и для Среднего Триполья охватывает конец IV и первую четверть III тысячелетия до н. э. Это соответствует и общей системе радиоуглеродных дат культур Средней и Юго-Восточной Европы, обоснованной Г. Квиттой²²⁰.

В силу вышеизложенного я не считаю возможным при датировке наиболее ранних древнейших групп опираться на максимально низкие радиоуглеродные даты Кукутени и других названных культур (подобные дате из Хабашешты). Значительно обоснованнее синхронизация с основным периодом развития этих культур, относящихся к рубежу IV и III тысячелетий и первым векам III тысячелетия до н. э.

И именно такая синхронизация получает подтверждение по другой линии хронологических соответствий — кавказской. Здесь особое значение имеет комплексное сходство инвентарей нижеволжских и донских древнейших погребений с инвентарями Нальчикского могильника, который знаменует домайкопский период развития Северного Кавказа, но никак не может быть отнесен к середине (да и к концу) IV тысячелетия до н. э.²²¹ Очень важно отметить, что в целом рассматриваемый древнейший этап предшествует майкопской культуре, лишь в самом конце доживая до начала формирования последней. А следовательно, верхнюю хронологическую границу для него дают сам ранний период майкопской культуры²²², а также (согласно хронологическим соответствиям этого периода) начало Трои II²²³, Бейдзжесултан XVI²²⁴, начало царского некрополя Алача-Уйюк²²⁵, начало III раннединастического периода Месопотамии²²⁶, Гиссар IIIA в Северном Иране²²⁷.

Хронологические соответствия древнейших материалов первого этапа по третьей — среднеазиатской — линии конкретными данными почти не документированы. Здесь могут быть учтены лишь весьма относительные и общие данные, такие, как некоторое сходство орнаментации керамики с раннекельтеминарской, наличие остродонных сосудов в сло-

²²⁰ H. Quitta. Radiocarbon daten und die Chronologie des mittel- und südosteuropäischen Neolithikums. «Ausgrabungen und Funde». Bd. 12, H. 3/67; H. Quitta, G. Konl. Neue Radiocarbon daten zum Neolithikum und zur frühen Bronzezeit Südosteuropas und der Sowjetunion. «Zeitschrift für Archäologie», № 3. Berlin, 1969, стр. 220 сл.

²²¹ Здесь намечаются два направления хронологических соответствий, ибо эти же инвентари находят абсолютные аналогии в комплексах могильников мариупольского типа на Днестре и в Приазовье.

²²² Середина III тысячелетия до н. э., по А. А. Иессену и А. А. Формозову (см.: А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, 74—84; 144—146).

²²³ 2500 г. до н. э. (С. Blegen. Troy and Trojans. London, 1963, стр. 174).

²²⁴ Середина III тысячелетия до н. э. (S. Lloyd and J. Mellaart. Beycesultan I. London, 1962; M. Mellink. Anatolian Chronology. «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965, стр. 101—127).

²²⁵ Середина III тысячелетия до н. э. (M. Mellink. Указ. соч., стр. 126).

²²⁶ 2600—2371 гг. до н. э. (E. Porada. The Relative Chronology of Mesopotamia. «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 133 сл.).

²²⁷ 2450 г. до н. э. (R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran 6000—2000 B. C. «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 215 сл.).

ях IV—III тысячелетий до н. э. пещер Восточного Прикаспия, наконец, соотношение с переднеазиатскими памятниками. Эти данные позволяют считать возможным сопоставление рассматриваемого этапа с периодом Намазга III ²²⁸.

Верхняя граница первого этапа отмечает одновременно начало второго этапа, которое и должно быть отнесено к середине — началу третьей четверти III тысячелетия до н. э. Этот тип знаменует начало культурной дифференциации и объединяет заметно различные уже группы разных вариантов (в основном вторые подгруппы первых групп и вторые группы). В это время появляются погребения на боку, западная ориентировка, распространяются «стандартные» яйцевидные горшки как с высоким, так — чаще — с низким горлом и без него, становятся обычными шнуровая орнаментация и металлические изделия. Очень сильны усатовские воздействия с запада и майкопские с востока. Отдельные группы переходят к оседлому образу жизни. В Михайловке на Нижнем Днепре этот этап представлен I, II и нижними горизонтами III слоя, в Ливенцовке на Нижнем Дону — I—II слоями. Многочисленные импорты позволяют прочно синхронизировать его. По первой линии сопоставлений — с усатовской группой (ранним периодом), а при посредстве последней — со средними горизонтами Эзера в Южной Болгарии ²²⁹, культурой Черновода II—III в Румынии ²³⁰, Тройей II — началом III в Северо-Западной Анатолии ²³¹, Раннеэлладским II периодом Греции ²³². Это документируется рядом смешанных «древнеямно-усатовских» погребальных комплексов и находками усатовских импортов в культурных слоях (Михайловка II).

По второй линии сопоставлений — с первыми двумя ступенями развития майкопской культуры (по А. А. Формозову), а следовательно — со всеми синхронными последним культурами Передней Азии — Тройей II, Бейджесултаном XVI—XIII, царским некрополем Алача-Уйюка, III Раннединастическим и Аккадским периодами Месопотамии, Гиссаром III-A в Северном Иране. Это документируется стратиграфическим соотношением майкопских и древнеямных культурных слоев (Ливенцовка на Нижнем Дону) и погребений (станция Мекенская на Терекке ²³³), а также многочисленными майкопскими импортами и четкими проявлениями влияний этой культуры.

По третьей линии, как и для первого этапа, могут быть отмечены лишь относительные данные, поскольку следующий третий этап уже

²²⁸ Рубеж IV и III тысячелетий и первая половина III тысячелетия до н. э. (В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 169).

²²⁹ Третья четверть III тысячелетия до н. э. (Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии. М., 1966; Н. Quitta, G. Kohl. Neue Radiocarbon daten..., стр. 223—225).

²³⁰ «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 447.

²³¹ Рубеж Тройей II и III по К. Блереу — 2200 г. (С. Blegen. Troy and Trojans, стр. 174).

²³² Середина — третья четверть III тысячелетия до н. э. (S. Weinberg. The Relative Chronology of the Aegean in the Stone and Early Bronze Ages. «Chronologies in Old World Archaeology», стр. 313).

²³³ Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт. Курганы у станицы Мекенской.

фактически синхронизируется с памятниками рубежа периодов Намазга IV и Намазга V, предшествующий ему второй этап может быть синхронизирован с периодом Намазга IV.

Некоторые дополнительные данные дают относительные хронологические соответствия в культурах Центральной Европы (для Северо-Западного варианта) — ранних группах культур шнуровой керамики, культуре рживноч и др.

В целом этап предшествует позднемайкопским и катакомбным влияниям, предшествует и распространению характерных комплексов с молоточковидными булавками. Все приведенные данные позволяют отнести его к третьей — первой половине четвертой четверти III тысячелетия до н. э. Естественно, и этот этап объединяет ряд последовательных ступеней, отраженных, в частности, на Нижнем Днепре I, II и началом III слоя Михайловского поселения.

В свою очередь верхняя граница второго этапа знаменует начало последнего, третьего этапа, следующего непосредственно за вторым. На этом этапе дифференциация продолжает заметно нарастать, а общие признаки, объединяющие различные древнеямные группы, еще более ослабевают. Древнеямная культурно-историческая область оказывается рассеянной пришлыми группами катакомбных племен. Резко усиливаются влияния и распространение специфических нижнеднепровских групп, активизировавшиеся еще на предшествующем этапе. В Поволжье сохраняются архаичные обрядовые признаки. Западнее распространяются скорченные погребения на боку и спине с западной, а на поздних ступенях — с неустойчивой ориентировкой. Краска исчезает. Появляются ямы с уступами. В инвентаре широко распространяются позднемайкопские формы металлических изделий, плоскодонные сосуды усатовских, катакомбных, северокавказских типов, комплексы костяных украшений с молоточковидными булавками. В Михайловке этот этап представлен основной частью III слоя. Многочисленные импорты и аналогии позволяют синхронизировать III этап. По первой линии сопоставлений — с поздним периодом усатовской группы, верхними горизонтами Эзера в Южной Болгарии, Троей III и началом Трои IV в Северо-Западной Анатолии²³⁴, Раннеэлладским III периодом Греции²³⁵. Помимо уже отмечавшихся смешанных «древнеямно-усатовских комплексов» и стратиграфических данных здесь следует подчеркнуть наличие прямых балкано-дунайских импортов в древнеямных погребениях Юго-Западного варианта, а также комплексный характер сопоставлений материалов III слоя Михайловки с материалами северобалканских поселений (от каменных укреплений до моделей топоров), прежде всего с Эзером. Последнее же ныне имеет систему радиоуглеродных дат для ряда строительных горизонтов²³⁶. И если VI горизонт, со-

²³⁴ Рубеж Трои III и IV по К. Блегену — 1900 г. до н. э. (*C. Blegen*. Указ. соч., стр. 174).

²³⁵ Последняя четверть III — начало II тысячелетия до н. э. (*S. Weinberg*. Указ. соч., стр. 313 сл.).

²³⁶ Берлинская лаборатория (*H. Quitta, G. Kohl*. Указ. соч.).

ответствующий второму этапу, дает даты 2390 ± 80 и 2350 ± 80 , то IV горизонт, соответствующий началу третьего этапа, дает уже дату 2180 ± 100 ²³⁷. И совершенно закономерно, что в древнейшем погребении Юго-Западного варианта (Глубокое, 2/11), относящемся к этому этапу, найден кувшин характерной формы, распространенной именно в верхних горизонтах Эзера (со скошенным горлом), тогда как погребения третьей нижнеднепровской группы известны в Северо-Восточной Болгарии и Румынском Подунавье²³⁸.

По второй основной линии сопоставлений третий этап может быть синхронизирован с третьей (Новосвободненской) ступенью майкопской культуры и первым периодом северокавказской культуры, а также — с цепочкой соотносящихся с ними культур Передней Азии: уже названной Тройей III—IV, Бейджесултаном XII—VI²³⁹, от конца постаккадского до конца периода Исина и Ларсы Южной Месопотамии²⁴⁰, Гиссаром III В и III С в Северном Иране²⁴¹. Это документируется, с одной стороны, идентичностью комплексов металлических изделий этих культур с позднемайкопскими и северокавказскими, с другой — широким распространением последних в древнейших погребениях и культурных слоях рассматриваемого этапа.

Полученные даты — конец III — первые века II тысячелетия до н. э. — вполне соответствуют результатам сопоставлений по первой линии. Они полностью подтверждаются также очень многочисленными пока радиоуглеродными датами образцов из самих древнейших и синхронных им погребений, принадлежащих различным вариантам культурно-исторической области. Так, ряд дат получен для древнейших погребений третьего этапа из Предкавказского и Донского вариантов. Ниже приведены эти данные.

1. Цаца 6/3 — UCLA 1270 — 4210 ± 85 (до наших дней, т. е. — 2260 ± 85 до н. э.)²⁴²

2. Устьман 1/3 — UCLA 1271 — 4150 ± 80 (до наших дней, т. е. — 2200 ± 80 до н. э.)²⁴³

3. Борисовка — ЛЕ 356 — 3920 ± 50 (до наших дней, т. е. — 1970 ± 50 до н. э.)²⁴⁴

4. Дмитровский могильник 10/12 ЛЕ 824 — 3920 ± 50 (до наших дней, т. е. — 1970 ± 50 до н. э.)

5. Дмитровский могильник 1/5 ЛЕ 822 — 3850 ± 90 (до наших дней, т. е. — 1900 ± 90 до н. э.)

6. Дмитровский могильник 1/16 ЛЕ 823 — 3680 ± 60 (до наших дней, т. е. — 1730 ± 60 до н. э.)

²³⁷ Н. Quitta, G. Kohl. Указ. соч., стр. 223—225.

²³⁸ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан...

²³⁹ XXI—XVIII вв. до н. э. (М. Mellink. Указ. соч., стр. 126).

²⁴⁰ XXI—XVIII вв. до н. э. (E. Parada. Указ. соч., стр. 178).

²⁴¹ XXI—XIX вв. (R. Dyson. Указ. соч., стр. 241—242, 249).

²⁴² R. Berger und W. F. Libby. UCLA Radiocarbon Dates VIII. «Radiocarbon», vol. 10, № 2, 1968, стр. 411.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Этот и остальные приведенные анализы выполнены в радиоуглеродной лаборатории Ленинградского отделения ИА АН СССР.

7. Шибельный курган — ЛЕ 1930 ± 90 до н. э.

8. Гиреева могила — ЛЕ 1813 ± 130 до н. э.

Три полностью соответствующие указанным даты дали постмайкопские погребения, открытые в Усть-Джегутинских курганах на Кубани в одном стратиграфическом горизонте с древнейшими погребениями третьего этапа: 9. ЛЕ $693-2160 \pm 60$ до н. э., 10. ЛЕ $692-1950 \pm 60$ до н. э.; 11. ЛЕ $687-2090 \pm 60$ до н. э.

Все приведенные даты располагаются достаточно компактно, документируя для нашего третьего этапа хронологический отрезок с конца XXIII до середины XVIII в. до н. э.

Особо отмечу, что и в этом и во всех прочих случаях я привожу радиоуглеродные даты без дендрохронологической поправки, вводимой ныне некоторыми специалистами²⁴⁵ и требующей удреждения дат нашего периода в среднем на 400—600 лет. Введение этой поправки привело к созданию совершенно новой хронологической шкалы, так называемой коррелированной радиоуглеродной системы, требующей еще серьезной дальнейшей разработки и обоснования. В ряде случаев «календарные даты» этой новой системы отделены заметным разрывом от начала «исторической хронологии». Это касается и специально интересующей нас проблемы. Принятие «коррелированной системы» означало бы датировку древнейшего периода IV — первой половиной III тысячелетия до н. э. При этом образовался бы значительный разрыв между его концом и началом срубного периода, культура которого генетически связана с древнейшей, а хронологически увязывается уже с системами исторической хронологии.

Наконец, и по третьей линии сопоставлений третий этап обладает уже конкретными данными благодаря неоднократно упоминавшимся выше находкам в низовьях Зеравшана. Открытый там могильник Заман-баба хронологически соотносится, с одной стороны, с рассматриваемым третьим древнейшим этапом (обряд, инвентарь), с другой — с южнотуркменской хронологической колонкой, а конкретно — с началом периода Намазга V и синхронными ему переднеазиатскими культурами, прежде всего уже названным Гиссаром III-С. Намазга V следует непосредственно за периодом Намазга IV, отнесение же рубежа между ними к концу III тысячелетия до н. э., доказанное ранее В. М. Массоном²⁴⁶, подтверждено ныне радиоуглеродным анализом образцов из Алтын-депе IV, давшим дату 2120 ± 50 до н. э.²⁴⁷

В целом третий период охватывает последние века III и первую четверть II тысячелетия до н. э. Отдельные древнейшие группы могли существовать и позже, но большая их часть на протяжении этого периода или непосредственно после него была включена в процессы формирования новых и отнюдь не идентичных культурных общностей.

²⁴⁵ C. Renfrew. The tree-ring calibration of radiocarbon: an archaeological evolution. «Proceedings of the Prehistoric Society», № 36, 1970.

²⁴⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 169.

²⁴⁷ Ленинградская лаборатория.

Глава III

КУРГАНЫ СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОГО РАЙОНА

В отличие от рассмотренного выше Нижне-Волжского района Среднее Поволжье дало лишь единичные древнеямные памятники. В известной мере это можно объяснить отсутствием систематических исследований большого масштаба. Но подобных исследований не было лишь в наиболее южной части Среднего Поволжья. К северу же от Самарской Луки исследования, проведенные в 1950—1955 гг. Куйбышевской экспедицией, а в последующие годы — А. Х. Халиковым, были не менее систематичны, чем в Нижнем Поволжье. Здесь были раскопаны десятки курганов, но древнеямных погребений в них не было. Древнейшими в южных пределах исследованной зоны (Ставропольский р-н Куйбышевской обл.), были раннеполтавкинские погребения¹. Северная же граница распространения древнеямных погребений в Поволжье может считаться установленной уже упоминавшимися работами В. В. Гольмстен в 20-х годах. Она соответствует широте Самарской Луки, т. е. границе степной и лесостепной зон. Сюда проникали отдельные группы степных древнеямных племен, и оставленные ими памятники единичны.

В 1923 г. В. В. Гольмстен был вскрыт небольшой курган (14) в разновременной курганной группе у дер. Березняки бывш. Пилюгинской волости Бугурусланского района². В центре кургана оказалась довольно глубокая (0,9 м) подчетыреугольная яма. Дно ее было покрыто слоем красной краски, поверх которой находилась берестяная подстилка. На подстилке лежали два костяка — мужской и женский, оба — на спине, головой на северо-восток, с согнутыми в коленях и завалившимися вправо ногами. Руки обоих согнуты в локтях. Оба обильно посыпаны красной краской, особенно густо — череп и верхняя часть груди, таз, кисти и стопы. При обоих костяках найдены глиняные сосуды; кроме них в могилу были положены комки красной краски, створка раковины *griphaea* и кусок красного песчаника. Следы перегнившего дерева свидетельствуют о существовании бревенчатого наката, перекрывавшего яму.

Ряд погребений, близких по особенностям обряда к березняковскому, был открыт раскопками В. В. Гольмстен в том же районе в 1926 г.

¹ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 71.

² В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской губернии. «Бюллетень общества археологии, этнографии, истории и естествознания при Самарском государственном университете». 1925, стр. 7 сл.

Первое обнаружено в обрыве берега р. Кинельчика у пос. Микулино. Кургана здесь уже не было; насыпь его была, очевидно, частично разрушена оползнями, частично нивелирована огородами. «На глубине 98 см обнаружено пятно эллипсовидной формы, длина его по большой оси равна 178 см... В зачистке попадаются угли в большом количестве. На глубине 144 см — следы тлена (сгнившего дерева), сосредоточивающиеся в области грудных костей и черепа. Ниже этого тлена в 12 см обнаружился костяк в скорченном положении головой на восток. Костяк лежал на спине с ногами, согнутыми в коленях под углом в 30°, свалившимися на правую сторону. Руки согнуты в локтях, кисти — на тазе. Лобные кости, часть грудных, левая плечевая, правая ступня были покрыты красной краской... В ногах видны кусочки прокаленной глины и угля. В углу, образованном бедренными и берцовыми костями, были заметны следы тлена. Никакие предметы погребение не сопровождали»³.

Второе погребение было основным в кургане 6 у дер. Аверьяновки. Оно открыто в глубокой подчетыреугольной яме с заметно округленными углами. Костяк лежал на спине, головой на ЮВВ. Руки протянуты вдоль туловища. У правого плеча — несколько небольших кусков красной краски; на костях — следы этой же краски, особенно заметные на ребрах, тазу и костях конечностей. Кроме хорошо окатанной гальки никаких сопровождающих вещей в могиле не было⁴.

Оба эти погребения лишены инвентаря, но особенности ритуала (положение на спине, восточная ориентировка, обилие красной краски) позволяют со значительной долей вероятности сопоставлять их с березняковским. Правда, эти признаки сохраняются и у погребений полтавкинского типа. Но, во-первых, количество красной краски в последних заметно уменьшается. Во-вторых, большинство их сопровождается инвентарем, безынвентарность же характерна именно для древнейших погребений. В-третьих, погребение 5 в кургане 6 у Аверьяновки было, как уже указывалось, основным в кургане, впоследствии же оно было нарушено более поздним (6), безусловно, полтавкинским погребением, сопровождавшимся характерным для этой группы сосудом⁵. Последнее, несомненно, отделялось от основного значительным отрезком времени, так как однотипные и близкие по времени (совершенные при жизни одного-двух поколений) погребения очень редко нарушают друг друга⁶. Поэтому не только особенности ритуала, но и стратиграфические данные позволяют отнести рассматриваемые погребения к числу древнейших и считать их однотипными и близкими по времени березняковскому.

Хронологическое определение столь незначительного числа погребений по данным обряда может носить лишь чисто ориентировочный

³ В. В. Гольмстен. Отчет за 1926 г. Архив ЛО ИА АН СССР, д. 210, 1926 г., стр. 5.

⁴ Там же, стр. 6.

⁵ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории..., стр. 64.

⁶ В исследованных мной в Среднем Поволжье больших курганах-кладбищах срубного типа, заполнявшихся однотипными погребениями в сравнительно короткий срок, не было зафиксировано (при 350 погребениях) ни одного случая нарушения.

характер. Никаких стратиграфических данных здесь нет. Можно лишь условно сопоставлять рассмотренные погребения со стратиграфическими группами Нижне-Волжского района. При таком сопоставлении некоторые детали обряда — ориентировка, распределение краски — средневолжских погребений могут восприниматься как свидетельство относительно позднего их характера. Но подтверждается ли такое предположение данными инвентаря?

Характеризуя сосуды из Березняков, В. В. Гольмстен пишет: «1. Сосуд из мужского погребения — круглодонный, речпчатой формы, край ровный. Глина без примесей. Обжиг слабый. Цвет черный. По всей поверхности орнаментирован продолговатым чеканом, идущим параллельными рядами. По верхней части расположены попарно восемь бугорков, в некоторых из них заметны сквозные отверстия, имеющие горизонтальное направление... 2. Сосуд из женского погребения — яйцевидной формы, остродонный, с едва заметным утолщением дна, край ровный. Глина без примесей. Обжиг слабый, дающий с наружной и внутренней сторон желтый цвет с черным слоем между ними... Поверхность носит следы сглаживания».

«Сосуды нашего погребения, — указывает далее В. В. Гольмстен, — хотя по форме имеют много сходства с сосудами из древнеямных погребений других областей, но некоторые детали их являются особенно архаичными. Так, южнорусские сосуды этой культуры имеют обычно ясно выраженную шейку, сосуд же, найденный в нашем погребении при женском костяке, стоящий по форме своей особенно близко к южным, таковой не имеет и в этом отношении сохраняет традиции древней неолитической керамики. Сосудик мужского погребения еще более подчеркивает эти признаки: дно его не заострено, а совершенно кругло и, кроме того, вся поверхность его покрыта сплошь несложным орнаментом, что еще более приближает его к неолиту... Указанные особенности березняковской керамики позволяют относить наше погребение к древнейшему периоду существования древнеямной культуры, т. е. к самому началу палеометаллической эпохи»⁷. С очень ранней датировкой березняковского погребения согласился и П. Д. Рау, который счел возможным определенно говорить о неолитическом его характере⁸.

Однако доводы В. В. Гольмстен и П. Д. Рау в пользу особой древности березняковского погребения не представляются мне достаточно убедительными. Оставляю в стороне приведенные выше замечания, касающиеся погребального обряда. Но сам березняковский инвентарь мог быть признан особо архаичным лишь при отсутствии достаточного сравнительного материала, а тем более — данных о специфике древнеямной керамики Поволжья. Ведь открытие В. В. Гольмстен было чуть не первым в этой области. Ныне же сосуды данного типа — яйцевидные без выделенной шейки — известны в значительном числе и, как уже отмечалось, могут быть признаны специфической формой рассматриваемого варианта. В Нижне-Волжском районе эта форма встречена не менее 13 раз и связана отнюдь не с наиболее ранней стратиграфиче-

⁷ В. В. Гольмстен. Материалы..., стр. 8, 9.

⁸ P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Pokrowsk. 1928, стр. 21.

ской группой. В некоторых случаях такие сосуды найдены в одних комплексах с плоскодонными, близкими полтавкинским формами (Ровное, 8/5)⁹. Амплитуда хронологического колебания у рассматриваемых сосудов могла быть весьма значительной, но как раз в древнейших погребениях их нет: там сосуды резко отличные, с четко выделенной шейкой. Отсутствие последней отнюдь не является в данном случае архаичным признаком. Наоборот, для ранних групп древнеямных погребений характерны сосуды с высоким горлом, четко отделенным от тулова¹⁰. В дальнейшем же горло становится низким или исчезает совсем. Такое направление развития форм характерно как для восточного, так и для западного вариантов древнеямной культурно-исторической области. Отмечено оно и в важнейшем стратифицированном памятнике Нижнего Поднепровья — Михайловском поселении, где высокогорлые сосуды найдены лишь в среднем слое¹¹, соответствующем (см. выше) второй группе нижневолжских древнеямных погребений. Низкогорлые же сосуды, появившись в среднем слое Михайловки, получают наибольшее распространение уже в верхнем слое¹². Материалы погребальных памятников полностью подтверждают эти наблюдения и позволяют считать отмеченные типологические изменения общими для всей культурно-исторической области. Только что отмечалось, что высокогорлые сосуды в Нижнем Поволжье открыты лишь в погребениях первой хронологической группы. То же следует сказать и о других вариантах. В правобережье Волги они характерны для такого раннего памятника, как хутор Репин. В Предкавказье высокогорлый сосуд найден в весьма архаичном погребении 27/2 Архаринского могильника¹³, в Подонье — в таких же погребениях кургана «Мокрый Чалтырь»¹⁴, у хутора Попова¹⁵, у Хопровских хуторов. Можно отметить еще один признак. Для древнейших сосудов в особенности, как и для всей древнеямной керамики вообще, характерна заметная примесь в тесте толченой раковины. На позднем же этапе она исчезает. Сосуды из березняковского погребения такой примеси не имеют.

Что касается второго сосуда, то он оригинален и прямые аналогии ему мне не известны. Но никаких подлинно архаичных признаков не имеет и он. Репчатая, несколько приплюснутая форма не свойственна

⁹ В погребениях у Политотдельского, 19/7, Бережновки II, 12/1, 80/5, Ровного, 4/24 такие сосуды найдены во впускных могилах.

¹⁰ В Нижнем Поволжье примерами тому являются Бережновка I, 5/22; Быково I, 12/7, Быково II, 2/3.

¹¹ О. Ф. Лагодовска, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, табл. VII, 31. Такие же сосуды найдены и в третьем — древнеямном — комплексе поселения у с. Раздольное на Кальмиусе (О. Г. Шапошникова. Богатошарове поселення поблизу с. Раздольное на р. Кальмиусе. «Археологія», т. XXIII, 1970, 142—151, рис. 4).

¹² Там же, табл. XIV—XV.

¹³ И. В. Синицын и У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. Элиста, 1966, стр. 93 сл., табл. 34.

¹⁴ В. М. Жибура. Отчет об археологических раскопках Мокро-чалтырского городища и курганов в Ростовской обл. в 1961 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2276, табл. XXXIV.

¹⁵ А. Д. Столяр. Раскопки курганов у хутора Попова в 1950—1951 гг. МИА, № 62, 1958, рис. 27, В—6.

архаичной керамике ни в Поволжье, ни в других районах рассматриваемой территории. Относительно близкая форма найдена в Быково (2/3) в погребении с северо-восточной ориентировкой. Налепы с отверстиями, составляющие наиболее оригинальную черту этого сосуда, имеют отдаленные аналогии только среди керамики относительно поздних групп Приазовья и Северного Причерноморья¹⁶.

Поэтому нет оснований относить березняковское погребение к древнейшему древнеямному пласту. Данные и обряда и инвентаря согласно свидетельствуют в пользу принадлежности его, а вместе с ним и других погребений рассматриваемого района к сравнительно поздней группе — к концу древнеямной культуры Поволжья.

Но это ни в коей мере не умаляет значения этих единичных пока памятников. Они, как уже отмечалось, явились первыми, безусловно, древнеямными погребениями, открытыми в этих широтах, первым свидетельством проникновения древнеямных племен в эти сравнительно северные районы. Продвижение это подтверждается и материалами культурных слоев, прежде всего упоминавшейся уже дюны Захар-Калма. Однако интерпретация последних без «закрытых» комплексов погребений была бы крайне затруднена.

Рассмотренные материалы позволяют заключить, что для Заволжья основным районом распространения древнеямных племен был Нижне-Волжский район. С ним связаны как наиболее архаичные памятники, так и дальнейшие этапы развития древнеямных племен. И лишь на сравнительно позднем этапе эти племена продвинулись на север, а отдельные их группы расселились в южных пределах Среднего Заволжья, достигнув широты Самарской Луки и оставив там памятники типа погребений у Березняков, Микулина, Аверьяновки, культурных слоев Захар-Калма и др.¹⁷ Здесь, у края значительных уже лесных массивов, они остановились. Дальнейшее продвижение южных степных племен связано уже с новой эпохой и новыми историческими условиями. Важнейшими его этапами явились распространение полтавкинских племен до северных границ Куйбышевской области¹⁸ и, наконец, регулярное заселение Среднего Поволжья срубными племенами вплоть до бассейна Камы. Это явления значительно более широкого плана. Но в определенной мере они базировались на тех небольших вклинениях в районы Среднего Заволжья, которые были начаты древнеямными племенами.

¹⁶ Примерами в Приазовье могут служить сосуды из Аккормени I (1952 г.), 4/6 и 14/20. В последнем случае сосуд сопровождал уже катакомбное погребение. В Ново-Филипповке, 2/7 сосуд с налепами имел уже плоское дно. Эти примеры имеют лишь сугубо относительное значение для нашего случая ввиду территориальной удаленности и типологических различий.

¹⁷ Возможны спорадические и разрозненные проникновения отдельных южных групп и в более раннее время. Свидетельством их могут быть известный комплекс из Криволучья и упоминавшийся уже «скипетр» из Куйбышевского музея. Но точное место находки последнего неизвестно, что же касается комплекса из Криволучья, то не ясна культурная его принадлежность: собранные в нем вещи разнокультурны. Комплекс мог явиться результатом культурных связей, а не прямого продвижения, которое я предполагал ранее (*Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории...*, прим. 69).

¹⁸ *Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории...*, стр. 62 сл.; *А. Х. Халиков. Ново-Мордовские курганы. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 143—148.*

КУРГАНЫ ПРИУРАЛЬСКОГО РАЙОНА

Как уже отмечалось, Приуральский район может быть выделен лишь в результате исследований последних лет, прежде всего раскопок К. Ф. Смирнова, Э. А. Федоровой-Давыдовой и С. А. Попова в Оренбургских степях. До этого в восточной части Волжско-Уральского междуречья были известны лишь единичные случайные находки древнеямных сосудов. Они во внимание не принимались, и восточная граница древнеямной культуры проводилась обычно по прибрежным районам Нижне-Волжского левобережья. Ныне же эта граница заметно отодвинута на восток. Достаточно четкими материалами доказано заселение древнеямными племенами Оренбургских степей и долины Урала и его притоков. Появилась реальная перспектива открытия древнеямных памятников и в более восточных районах степи. А это имеет уже принципиальное значение для решения кардинальных вопросов происхождения древнеямных племен, их расселения и ориентации основных культурных связей. Появление близких древнеямных культурных элементов в долине Зеравшана (Заман-баба) перестало быть экстраординарным и необъяснимым явлением. Наметились глубокие корни того направления контактов и передвижений, которое приобрело столь четкое выражение в последующие периоды бронзового века (срубно-андроновские связи, тазабагыябская культура).

Вместе с тем исследования сразу же показали весьма близкое сходство вновь открытых памятников с погребениями Заволжья, что вполне закономерно при единой по сути дела степной области, не разделенной сколько-нибудь существенными природными преградами. Поэтому памятники Приуральского района рассматриваются в рамках единого Волжско-Уральского варианта.

Ныне в Приуралье известно свыше 30 древнеямных погребений, из них подавляющее большинство — в Оренбургских степях, где выделяются два района их распространения¹. Первый представлен прежде всего Увакским курганным могильником, расположенным в Соль-Илецком районе Оренбургской области. Вторым является левый берег реки Киндели в пределах Илекского района той же области, где откры-

¹ Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 47, 56.

ты курганные могильники у хутора Барышникова, Герасимовка I и Герасимовка II.

К сожалению, почти все курганы содержат по одному древнейшему погребению: их перекрывают лишь погребения срубного и андроновского времени. Поэтому материалов для создания собственной стратиграфической колонки здесь нет. Отмечу, однако, что в одном случае известен все же курган, перекрывавший два древнейших погребения. Это — курган 7 Увакского могильника. Основное погребение его (3) было совершено в прямоугольной яме. Костяк лежал скорченно на спине головой на восток и был полностью интенсивно окрашен. Впоследствии верхняя его часть была разрушена новым погребением, впущенным в ту же яму. Костяк во втором погребении находился в сидячей позе². Хотя случай этот и единичен, он достоин определенного внимания. Погребения в сидячем положении редки, но известны все же в древнейших курганах. Таким было одно из впускных погребений (16) кургана 1 у хутора Степана Разина, отнесенное мной к третьей хронологической нижеволжской группе³. В самом Увакском могильнике открыто еще одно сидячее погребение (2/5)⁴. Оно было совершено в прямоугольной яме, перекрытой накатником из жердей. Яма ориентирована с юго-запада на северо-восток, погребенный лежал (вернее сидел) головой к северо-востоку. Он был интенсивно посыпан охрой, кроме того, на черепе отмечены следы мела. При костяке найден сильно окатанный кремневый отщеп, а в засыпи — уголь и меловая бузина.

Важно, что это погребение входит в значительную группу погребений рассматриваемого района, объединенных северо-восточной ориентировкой. При фактическом отсутствии стратиграфических данных единственный путь классификации погребений — это выделение обрядовых групп и дальнейшее сличение их с близкими группами Нижне-Волжского района. Но сама закономерность такого сличения должна получить обоснование, и в этом отношении увакский курган 7 дает, как мы увидим ниже, некоторые данные.

Всего могут быть выделены следующие обрядовые группы (рис. 17). Первая — погребения с костяками, скорченными на спине, головой на восток; встречены в шести случаях⁵. Все костяки интенсивно окрашены. Вторая — погребения с костяками, скорченными на спине, головами на северо-восток; встречены в 12 случаях⁶. В эту же группу входят указанные погребения с сидячими костяками. Окраска в ряде случаев менее интенсивна и ограничивается черепом и конечностями.

² Э. А. Федорова-Давыдова. Отчет о раскопках Увакского отряда. Архив ИА АН СССР, Р—1 № 2227.

³ Таким образом, эти экстраординарные погребения являются одним из свидетельств культурного единства Нижне-Волжского и Приуральского районов.

⁴ К. Ф. Смирнов. Отчет о работах Чкаловской экспедиции в 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р—1 № 1686.

⁵ Увакский могильник, 7/3; 8/2; 10/3; Близнецы, 3/3; 4/3; совхоз им. Свердлова.

⁶ Увакский могильник, 1/1; 6/4; 11/5; 4/2; 13/1; Герасимовка II, 1/3, Герасимовка I, 7/1; Герасимовка III, 1/1; хутор Барышников, 1/1; 2/2; 3/6; 4/1.

В одном случае она отсутствует совсем (Герасимовка III, 1/1)⁷. Особенностью группы можно считать некоторую тенденцию к отклонению от обычной позы погребенных: костяки иногда несколько завалены вправо⁸. В одном случае костяк лежал в той же позе, но головой на восток (Увакский могильник, 14/1). Третья — погребения с костяками, скорченными на правом боку, головой на северо-восток (Увакский могильник, 5/6; 12/4; Герасимовка I, 5/2) или — в одном случае — на восток (Герасимовка I, 1/1)⁹; их четыре. Как и в предыдущей группе, краски немного, она концентрируется у таза или у черепа в отличие от сплошной окраски костяков первой обрядовой группы. Четвертая — единичные погребения с южной ориентировкой. Костяки разрушены. Окраска сохраняется (Близнецы, 2/4; Герасимовка II, 2/2).

Первая группа полностью соответствует первой хронологической группе Нижне-Волжского района. Абсолютная идентичность обряда говорит здесь сама за себя. И совершенно закономерна равная безынвентарность подобных погребений как в Нижне-Волжском, так и в Приуральском районах. В последнем в пяти погребениях первой группы найдены лишь заготовка кремневого орудия и каменные отщепы (рис. 17, 7).

Вторая и третья группы соответствуют третьей обрядовой, т. е. второй хронологической группе Нижне-Волжского района. Отклонение погребенных к правому боку, а иногда и четкое положение их на правом боку, как уже отмечалось, могут быть признаны локальными особенностями приуральской группы, очень незначительно отличающимися ее от нижневолжского стандарта. В остальном же следует констатировать полное совпадение как в деталях обряда, так и в инвентаре. Отмечу само наличие инвентаря и прежде всего керамики, сменившее безынвентарность первой группы, как и на Нижней Волге. Глиняные сосуды найдены в погребениях как второй, так и третьей групп. Значительная близость их форм позволяет утверждать и хронологическую близость самих групп.

Во второй группе сосуды найдены в трех погребениях (рис. 17, 4—6)¹⁰. По описанию К. Ф. Смирнова, «они яйцевидной формы с

⁷ Вместе с тем в других случаях (Увакский могильник 12/4) погребения этой группы сохраняли интенсивную окраску. Э. А. Федорова-Давыдова отмечает в этой связи, что таковы отдельные погребения взрослых людей, тогда как в детских погребениях охры и мела заметно меньше (Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры, стр. 53). Однако общей тенденции к уменьшению интенсивности окраски во второй группе по сравнению с первой это не меняет.

⁸ К. Ф. Смирнов. Древняя культура в Оренбургских степях. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 156, рис. 1.

⁹ Э. А. Федорова-Давыдова справедливо отмечает, что «...положение костяков на боку и, тем более, с кистями рук перед лицом является чисто местной особенностью приуральской группы памятников. Такое положение не характерно для захоронений ямного времени соседнего Поволжья. Исключение составляет лишь район Самарской Луки, где встречаются немногочисленные погребения со скелетами, лежащими на боку» (Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры..., стр. 49 сл.).

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Древняя культура..., стр. 158, рис. 2.

заостренным скошенным внутрь краем бортика. У сосуда из кургана 4 на плечике имеется ребро, характерное для ряда позднеямных и полтавкинских погребений Поволжья. И по орнаменту, нанесенному концом пальца и в виде ногтевых вдавлений, он почти тождествен поволжским формам. Горшочек из кургана 3, украшенный в верхней части шестью «лепестками» из коротких оттисков палочки или узкой лопаточки, также аналогичен поволжским сосудам развитой ямной культуры. ...Третий сосуд, из кургана 5 в отличие от двух первых вылеплен из розовато-красной глины, его обе поверхности покрыты четкими бороздами — расчесами от сглаживания щепой или пучком стеблей травы. Он также относится к поволжским формам»¹¹.

К. Ф. Смирнов приводит достаточно убедительные нижневолжские аналогии и формам и всем вариантам орнамента указанных сосудов¹². В этой связи отмечу, что все три сосуда относятся к выделенному мной выше первому типу сосудов второй нижневолжской хронологической группы (сосуды с полусферическим туловом и широким горлом без выделенной шейки). На Нижней Волге этот тип представлен 14 экземплярами, причем абсолютные аналогии там находят как сосуды из курганов 3 и 5 — без ребра¹³, так и сосуд из кургана 4 с намечающимся ребром (Иловатка, 3/1).

Близок к описанному и единственный сосуд из погребения третьей группы (рис. 17, 1)¹⁴. Но он имеет и некоторые отличия: у него намечена уже шейка и он может считаться переходной формой от первого ко второму нижневолжскому типу. Такие формы также известны во второй нижневолжской хронологической группе (Скатовка, 5/3). Э. А. Федорова-Давыдова правильно относит сосуд из Увакского могильника к числу позднеямных.

В другом погребении третьей группы (Увакский могильник, 12/4) найдены два металлических изделия — нож и молоток (рис. 17, 2—3). По составу металла оба они близки самородной меди. Нож с треугольным коротким клинком и плоским черешком¹⁵ является почти двойником ножу из того же погребения Скатовка, 5/3, один из сосудов которого весьма близок сосуду из погребения 5/6 Увакского могильника. Что касается двустороннего литого молотка с остатками рукоятки во втулке¹⁶, то он представляет особый интерес. «Находка литого предмета подобного типа в ямном погребении,— пишет Э. А. Федорова-Давыдова,— опровергает существовавшее до недавнего времени представление о зачатках металлургии в энеолите и свидетельствует о том, что племена ямной культуры уже освоили литье меди и широко исполь-

¹¹ К. Ф. Смирнов. Древнеямная культура..., стр. 159.

¹² Там же.

¹³ Быково I, 14/7; Политотдельское, 2/4; Калиновский могильник, 8/43.

¹⁴ Э. А. Федорова-Давыдова. Новые памятники эпохи энеолита и бронзы в Оренбургской области. «Вопросы археологии Урала», вып. 2. Свердловск, 1962, стр. 16, рис. 5, 19.

¹⁵ Там же, рис. 5, 18.

¹⁶ Там же, рис. 5, 17.

зовали его для изготовления массивных и сложных предметов»¹⁷. С таким заключением вполне можно согласиться. Значительно сложнее вопрос о дате этой замечательной находки. Немногочисленные аналогии двустороннему молоту известны пока лишь в памятниках, территориально удаленных от Увакского могильника и культурно резко от него отличных. Это прежде всего молот из разрушенного погребения (?) у с. Петрово-Свистуново в Нижнем Поднепровье¹⁸, которое, судя по прочим находкам, может быть хронологически близко поздним погребениям Мариупольского могильника. Двусторонние медные молоты известны в Среднем Триполье¹⁹ и, возможно, раннем бронзовом веке Кавказа²⁰. Амплитуда хронологического колебания этих единичных находок достаточно велика: она охватывает значительную часть III тысячелетия до н. э. Что же касается самих древнейших памятников, то в них прямых аналогий увакскому молоту нет, хотя каменные изделия подобного типа известны. Примером может служить полированный каменный молоток из погребения Быково I, 26/9, относящегося ко второй нижневолжской хронологической группе²¹.

В связи с находками металлических изделий в оренбургских курганах особое значение приобретают результаты их металлографического анализа. Исследовавший находки в этом аспекте Е. Н. Черных отнес и нож и молот к степной группе «чистой» меди «...где практически во всех случаях отсутствует мышьяк, серебро находится в сотых и десятых долях, висмут, свинец, никель довольно редки, сурьма встречается лишь спорадически»²². Важно отметить, что из 14 известных изделий этой группы 8 найдены в Волжско-Уральском междуречье²³: фактически можно говорить о принадлежности к этой группе всего древнейшего металла этой территории.

«Анализ всех этих предметов,— пишет Е. Н. Черных,— показывает, что они необычайно близки друг другу по составу. Скажем больше: все южнорусские находки ямной культуры относятся только к этой группе. Если для западной части находок «чистой» меди (например, из Поднепровья) мы можем предполагать проникновение их с запада, где медь с таким составом... не являлась редкостью, то совсем мало оснований думать то же и в отношении волжско-уральской части изде-

¹⁷ Там же, стр. 17.

¹⁸ О. В. Бодянский. Енеолітичний могильник біля с. Петро-Свистунова. «Археологія», т. XXI, 1968, стр. 123, рис. 3, 1.

¹⁹ В. Г. Збенович. Древнейшие медные топоры в Восточной Европе. СА, 1969, № 3, рис. 1, 1.

²⁰ В. Г. Котович. Археологические работы в горном Дагестане. «Материалы по археологии Дагестана», т. II. Махачкала, 1961, рис. 21, 4. Следует отметить, что, публикуя находку из окрестностей с. Ругуджа, В. Г. Котович рассматривает ее не как двусторонний молот, а как деформированный топор с обломанным лезвием (стр. 37).

²¹ Н. Я. Мерперт. Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники бронзового века юга европейской части СССР». Киев, 1968, рис. 4, 5.

²² Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 63.

²³ Там же, стр. 125, табл. IX.

лий этой группы. Действительно, локализация большей части находок в районах, приближенных к рудным месторождениям Южного Урала и заселенных в это время ямными племенами, как будто приоткрывает завесу над источником для этой части находок.

...Оренбургские памятники ямной культуры расположены в непосредственной близости от известных еще в глубокой древности Каргалинских месторождений медных песчаников. Руды последних по химическому составу полностью соответствуют набору примесей «чистой меди» ямной культуры. Все это дает нам определенное право ставить вопрос о начавшихся уже тогда разработках южноуральских месторождений»²⁴.

В этой связи представляется вполне оправданным предположение Э. А. Федоровой-Давыдовой о наличии металла и в других древнеямных погребениях Приуралья, позднее нарушенных грабителями, привлеченными прежде всего тем же металлом²⁵.

По всем доступным линиям сличений вторая и третья обрядовые группы оренбургских погребений соответствуют второй хронологической группе Нижне-Волжского района. Общее соответствие подтверждается и приведенным выше единственным случаем стратификации погребений в оренбургских курганах (Увакский могильник, 7).

Общее соотношение обрядовых групп Приуральского района представлено на рис. 17 (погребение в совхозе им. Свердлова в таблицу не включено).

Подчеркну, что в одном из погребений второй обрядовой группы (Герасимовка I, 7/1) при костяке найдено сплошное деревянное колесо от повозки²⁶. Диаметр его 0,50 м, диаметр хорошо выточенной втулки 0,18 м, отверстия 8,5 см. Около колеса лежала обточенная деревянная палочка, возможно, закреплявшая ось в ступице.

Это самая восточная из известных ныне находок колес в погребениях древнеямной культурно-исторической области. Ряд других зафиксирован в Донском, Приазовском и Нижне-Днепровском вариантах, причем все погребения, с которыми они были связаны, носили сравнительно поздний характер: они непосредственно предшествовали катакомбным или даже были синхронны им²⁷. Что касается погребения из Герасимовки, то можно лишь отметить, что оно соответствует второй нижневолжской хронологической группе и предшествует полтавкинским погребениям.

Два погребения оренбургских курганов представляются экстраординарными (Близнецы, 2/4; Герасимовка II, 2/2). Костяки лежат в них

²⁴ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии..., стр. 68—69.

²⁵ Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры..., стр. 58—59.

²⁶ Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры..., стр. 57, рис. 1, IV.

²⁷ Сплошные деревянные колеса от повозок найдены в древнеямных погребениях на Ингуле, в Сторожевой могиле у Днепропетровска, в Аккермени на р. Молочной, в Ростове-на-Дону.

головами на юг. Одно из них (Герасимовка II, 2/2) К. Ф. Смирнов считает весьма ранним. Однако единственным основанием для такого определения явилась интенсивность окраски костей²⁸, которая, как известно, иногда встречается и в сравнительно поздних — катакомбных и полтавкинских — погребениях. Сопоставление же с Нижне-Волжским районом не позволяет относить погребения с южной ориентировкой ранее третьей хронологической группы.

«Исследования Оренбургской экспедиции,— пишет К. Ф. Смирнов,— показали, что восточная граница распространения древнеямной культурной, а может быть, и культурно-этнической общности находилась значительно дальше, чем заволжские степи, уходя в степные просторы за р. Урал. Оренбургские памятники древнеямной культуры вряд ли следует объединять в отдельную локальную область: они по всем признакам составляют единое целое с поволжской группой древнеямной культуры, но не несут наиболее архаичных признаков последней...»²⁹

Полностью соглашаясь с первой частью этого заключения, я не могу считать безусловной вторую его часть. Приведенные выше данные по соответствию оренбургских групп нижеволжским позволяют предполагать, что единство развития имело место здесь с самого начала и что оренбургские степи наряду с Нижним Поволжьем явились местом формирования наиболее ранних древнеямных групп.

Менее определены находки более восточных районов Южного Урала. И все же некоторые из них заслуживают самого серьезного внимания: выше уже отмечалась особая важность изучения восточных, далеко еще не ясных пределов распространения древнеямных племен.

В 1949—1950 гг. К. В. Сальников раскопал четыре кургана на левом берегу реки Малый Кизыл в окрестностях Магнитогорска. Под насыпями были обнаружены шесть погребений. Автор раскопок определил их как «ямно-полтавкинские»³⁰, подчеркнув господство «черт второй эпохи»³¹. Прежде чем разбирать его доводы в пользу такого заключения, приведу основные фактические данные о древнейших погребениях II Мало-Кизыльского могильника.

В кургане 1 было открыто два погребения рассматриваемой группы. В основном (1) костяк лежал скорченно на спине головой на северо-восток, был частично окрашен и сопровождался черешковым копьевидным медным ножом и длинным четырехгранным шилом. Во впускном погребении 2 открыты три костяка: взрослого и двоих детей. Костяк взрослого лежал скорченно на правом боку головой на северо-восток и был частично окрашен. Один из детских костяков лежал за его спиной скорченно на левом боку головой на юго-запад (принцип антигезы). Так же лежал и второй детский костяк. Оба были частично окрашены.

²⁸ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р—I, № 2927.

²⁹ К. Ф. Смирнов. Древнеямная культура в Оренбургских степях, стр. 159.

³⁰ К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. «Археология и этнография Башкирии», I. Уфа, 1962, стр. 51.

³¹ Там же, стр. 53.

Два погребения открыты и под курганом 2. В основном (1) открыты остатки пяти костяков. Один лежал скорченно на правом боку головой на юго-запад, под ним и на костях отмечены скопления краски. Четыре других покойника были, по заключению К. В. Сальникова, погребены в той же яме в сидячем положении. Во впускном погребении 2 кости одного человека лежали беспорядочной грудой в центре ямы.

В кургане 4 сохранилась лишь часть костяка. Судя по ней, покойник лежал скорченно на спине, головой на северо-восток.

В кургане 6 открыто парное погребение. Мужской и женский костяки лежали по принципу антитезы головами соответственно на северо-восток и юг, оба скорченно на правом боку.

К. В. Сальников считает, что о принадлежности этих погребений полтавкинской группе свидетельствуют положение большинства погребенных на правом боку, наличие неокрашенных костяков, находка ножа «катакомбного типа» и длинного четырехгранного шила. Впрочем, сам автор чувствует слабость этих многочисленных аргументов. Так, сопоставляя нож из первого кургана с полтавкинскими, он признает наличие подобной формы и в древнеямных погребениях Нижнего Поволжья. К этому можно добавить, что ножи этого типа встречались в древнеямных погребениях Поволжья неоднократно и характерны для них не менее, чем для полтавкинских (хутор Ст. Разина, 4/10; Энгельс, 2/1, и др.). Что же касается шилев, то в древнеямных погребениях представлены не только простая четырехгранная форма (Иловатка, 1/9; хутор Ст. Разина, 4/10, 1/20, 1/17, погребение в Ивановке), но и более характерная (и известная в полтавкинских комплексах) форма с упором (Политотдельское, 19/30). Краска в поздних хронологических группах древнеямных погребений отнюдь не обязательна, в свою очередь в полтавкинской группе наряду с неокрашенными известны и окрашенные костяки. Все эти признаки, как мы видим, нейтральны: они в равной мере характерны и для древнеямных и для полтавкинских погребений. Остается один аргумент: положение на правом боку. Для древнеямных погребений Нижне-Волжского района такое положение действительно нехарактерно. Но в только что рассмотренной оренбургской группе оно уже достаточно распространено, особенно, как было показано выше, среди сравнительно поздних погребений. Соответственно и сидячие погребения малокизыльского кургана 2 находят аналогии прежде всего в оренбургской группе, где подобные погребения встречены дважды — в курганах 2 и 7 Увакского могильника.

Отдельные аналогии имеют они и на Волге, причем также среди древнеямных погребений (хутор Ст. Разина, 1/16).

А вот признаков, действительно характерных для полтавкинской группы, в малокизыльских погребениях нет. Все перечисленные К. В. Сальниковым черты являются поздними, но не специфически полтавкинскими. Вообще я полагаю, что полтавкинские погребения знаменуют не только хронологическую ступень, но и специфически территориальную группу, культурные особенности которой были обусловлены соседством продвинувшихся с запада катакомбных племен и значительным влия-

нием последних. Естественно, группа эта занимала прежде всего прибрежную полосу Волжского левобережья, т. е. зону основного контакта с катакомбниками. Чем далее к востоку, тем менее чувствительными становились катакомбные влияния. И совершенно закономерно, что в Южном Приуралье древнеямные племена продолжали существовать не только на рубеже III и II тысячелетий, но и в первой половине II тысячелетия до н. э., т. е. параллельно полтавкинской группе. Здесь они не подверглись «полтавкинской трансформации» и в большей мере сохранили собственно древнеямные традиции. Не исключена возможность того, что именно эти восточные группы стали основой формирования наиболее ранних племенных объединений срубной культуры, не только чуждых катакомбным влиянием, но и преодолевших их при включении в свой состав полтавкинских племен.

К. В. Сальников отмечает, что близкое малокизыльским погребение было открыто В. С. Сорокиным значительно южнее Магнитогорска, в могильнике Ак-Джар близ Актюбинска³². Я уже подчеркивал, что такое расширение древнеямной ойкумены к юго-востоку представляется мне закономерным и чрезвычайно важным. К этому вопросу я вернусь еще несколько ниже.

Начинает заполняться и пространство между районами Оренбурга и Магнитогорска. Определенный интерес представляет здесь первое древнеямное погребение на территории Башкирии. Оно открыто М. Х. Садыковой в кургане 13 группы Эби-Таш у с. Елембетово. Погребение было основным в кургане. Оно было полностью разрушено впущенными в ту же яму погребениями позднего бронзового века и ранне-сарматского периода. От основного погребения сохранились лишь остатки сосуда (рис. 18, 2) «баночного типа с уплощенным неровным дном. Поверхность его не орнаментирована. Глина темно-серого цвета, с примесью толченой раковины»³³. Автор раскопок совершенно справедливо сопоставляет этот сосуд с отмеченной уже выше находкой в одном из погребений Березняковского могильника на Средней Волге. Сходство здесь полное, а связь Башкирии именно со средневолжской группой абсолютно закономерна.

³² К. В. Сальников. Южный Урал..., стр. 55.

³³ М. Х. Садыкова. Отчет за 1962 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2441, стр. 16; № 2441—а, рис. 18, 1.

НАЧАЛО ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЭКОНОМИКИ В ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЯХ

1. Освоение степных пространств

Естественно, общие вопросы истории древнеямных племен должны рассматриваться с учетом материалов всех вариантов, составляющих культурно-историческую область. Но вместе с тем должна учитываться специфика каждого варианта — специфика и материальной культуры, и экономики, и самого процесса появления и развития древнеямных племен на конкретной территории. Волжско-Уральский вариант самый большой территориально и, как уже отмечалось, один из наиболее значительных по числу и характеру древнеямных памятников. Расположение его в восточной части культурно-исторической области, на рубеже европейских и азиатских степей, определило специфику связей и культурных воздействий, сыгравших немалую роль в формировании данного варианта и в судьбах древнеямных племен вообще. Поэтому представляется целесообразным суммировать данные рассмотренных выше материалов и поставить в связи с ними некоторые общие вопросы, касающиеся экономики, связей и, насколько это возможно, происхождения и исторических судеб древнеямных групп Волжско-Уральского междуречья и их культуры.

Прежде всего отмечу, что на протяжении длительного периода культура древнеямных племен была не только господствующей, но фактически единственной культурой рассматриваемой территории. Признаков смены населения и появления каких-либо значительных новых групп нет вплоть до конца этого периода и начала катакомбных влияний, приведших к культурной трансформации определенной группы древнеямных племен и формированию полтавкинской культуры. Длительность же периода развития древнеямных племен в свете приведенных материалов представляется весьма значительной. Вся первая половина его, документированная материалами нашей первой хронологической группы, чрезвычайно длительная, в основном предшествует середине III тысячелетия до н. э. Лишь конец ее и переход ко второй хронологической группе заходят в третью четверть III тысячелетия до н. э. Начало же периода относится к первой его четверти или даже к рубежу IV и III тысячелетий до н. э.

И лишь в некоторых прибрежных районах мы находим следы культуры, которая начала развиваться еще раньше и была включена в

процесс формирования древнеямной культуры. Я имею в виду дюнные стоянки с микролитическим инвентарем, реминисценции которого известны, как мы видели, в древнеямных памятниках. Они свидетельствуют лишь о наличии небольших групп охотничье-рыболовецкого населения в долинах рек рассматриваемой территории. Материалы их, безусловно, разновременны и до сего времени хронологически не расчленены. Здесь можно говорить о следах ранней культуры (или культур), но не о конкретном характере различных ее ступеней. Поэтому даже в этих районах вопрос о «до-древнеямном неолите» и соотношении его с древнеямной культурой требует дальнейших открытий и разработки.

Что же касается открытых степных пространств, то там более ранних памятников нет совсем. Появление древнеямных племен знаменует начало их заселения, все более активизировавшегося и принявшего регулярный характер в ходе дальнейшего развития степных племен бронзового века. В этом плане представляется весьма показательным глубокое и всестороннее культурное единство памятников Нижне-Волжского и Приуральского районов. Они расположены на противоположных концах рассмотренной огромной территории и разделены открытой степью. Между тем единство их касается не только производственного инвентаря, но и таких не связанных непосредственно с производством «этнизирующих» признаков, как погребальный обряд и орнаментация сосудов. Едини не только отдельные признаки: един ход их развития на последовательных хронологических ступенях. Следовательно, не может вызывать сомнений и единство населения обоих районов или во всяком случае тесное и регулярное общение обеих групп на протяжении всего рассматриваемого периода. И это было не спорадическое и медленное взаимопроникновение отдельных групп по немногочисленным долинам рек, а общение широкое и регулярное. Именно поэтому здесь можно говорить о единстве, а не об относительной культурной близости, постепенно складывавшейся при распространении земледельческих культур. Такое единство свидетельствует об ином характере общения и иных темпах его. Оно возможно лишь при широких и быстрых расселениях, при встречном движении значительных групп, при непосредственном распространении культурных и прежде всего ритуальных признаков их носителями по степи и через степь.

Степь из фактора разделяющего превратилась в фактор соединяющий, обуславливающий создание огромных культурных общностей. Этот тезис успешно развит последними исследованиями В. П. Шилова¹. И есть основания утверждать, что он применим уже к наиболее ранним древнеямным группам, более того, к самому процессу их формирования. Свидетельством тому служит установление абсолютного ритуального единства между племенами Нижне-Волжского и Приуральского

¹ В. П. Шилов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. «Археологический сборник», вып. 6. Л., 1964, стр. 101 сл.; *он же*. Походження кошового скотарства у Східній Європі. «Український історичний журнал». Київ, 1970, № 7.

районов уже на первой хронологической ступени. На промежуточной же территории — в открытой Астраханской степи — прямым доказательством смелых и далеких передвижений являются упоминавшиеся уже находки В. Д. Белецкого у Досанга и Исекея. Остановлюсь на них подробнее.

В 1957 г. В. Д. Белецкий обследовал степные районы нижневолжского левобережья к востоку и северо-востоку от Астрахани². Помимо участков, примыкающих к Ахтубе, обследованию подверглись участки песков в районе поселков Исекей и Новый Караузек, отстоящих от берега реки на 60—80 км. В ходе разведок открыто значительное число археологических памятников, большинство которых составляют остатки культурных слоев (а возможно, и погребений) энеолита и бронзового века, обнаруженных на выдувах песчаных барханов и сильно разрушенных.

В районе станции Досанг такие остатки зафиксированы в 130 пунктах, в районе поселка Исекей — более чем в 50. Автор раскопок отмечает, что «скопление поселений и стоянок... их размеры и многослойность... можно объяснить тем, что на указанных территориях в древности, как и в настоящее время, грунтовые пресные воды подходили близко к поверхности земли. Близость пресных вод к поверхности земли обеспечивала питьевой водой людей и скот, а также обеспечивала в этих районах лучшие пастбища»³.

Материалы сборов В. Д. Белецкого разновременны и, естественно, лишены какой бы то ни было стратиграфической характеристики. Разновременны и открытые как у Досанга, так и у Исекея фрагменты древнейших сосудов. Некоторые из них представляют обычные и даже поздние типы⁴. Но для нас наибольший интерес представляют фрагменты остродонных сосудов с раструбовидным горлом с резным и гребенчатым орнаментом, покрывающим большую часть тулова и расположенным зонами, причем зоны разделены волнообразными или зигзаговыми полосами⁵. И по форме и по орнаменту эти сосуды соответствуют находке из Бережновки и другим известным сосудам наиболее ранних древнейших погребений. Наличие их в открытой степи и возможность принадлежности их временным открытым стоянкам скотоводов (характерен ряд случаев находок таких фрагментов с костями овцы) доказывают очень ранний характер освоения глубинных степных пространств — в том числе и в приморских районах — на пути к Восточному Прикаспию и северным пределам Средней Азии.

² В. Д. Белецкий. Отчет за 1957 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2536.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Б. А. Латынин всю группу керамики из этих местонахождений неправомерно относил к полтавской культуре.

⁵ В. Д. Белецкий. Отчет за 1957 г., стр. 46.

2. Основные отрасли производящего хозяйства

Освоение степи должно учитываться как один из основных факторов, обусловивших формирование древнейшей культурно-исторической области — первой из числа гигантских культурных общностей, столь специфичных для степной полосы на протяжении бронзового и железного веков. Но само это освоение было в свою очередь обусловлено лишь определенными экономическими явлениями. Возможность его при господстве охотничье-рыболовческого хозяйства исключена. Небольшие группы, жившие рыболовством, охотой в пойменных лесах и прибрежным собирательством, селились, естественно, у самых рек. Сравнительно узкие речные долины были местом их ограниченных передвижений и общения друг с другом. Отдельные охотничьи группы могли, конечно, проникать в степь. Но проникновения эти были эпизодичными: ни серьезных стимулов, ни технических (и прежде всего транспортных) средств для освоения степи эти племена не имели. Они возникли лишь с появлением скотоводства и развитием специфических форм его, приспособленных к условиям степной полосы. К этим формам должна быть прежде всего отнесена большая и все более нарастающая подвижность, связанная с освоением все новых пространств в глубинных районах степи, являвшихся наиболее ценными пастбищными участками ввиду высокого содержания соли в траве.

Без появления производящего хозяйства и распространения его специфических степных форм невозможны ни освоение степей, ни создание в них огромной культурной общности, ни резкий рост народонаселения рассматриваемой территории, засвидетельствованный резким увеличением числа памятников.

Уже приведенные заключения, основанные на соотношении, топографии и общем характере памятников, не позволяют принять вывод А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого (представленный самими авторами с большой осторожностью как «предварительное предположение» о том, «что... скотоводство возникает или по крайней мере укрепляется лишь в конце I стадии (т. е. древнейшей культуры.— *Н. М.*) и на данном этапе не является основной отраслью хозяйственной деятельности, уступая первое место охоте, рыболовству и собирательству»⁶. Этот вывод оказывается в противоречии с самим фактором формирования огромной культурной общности в степной полосе и со всеми отмеченными выше явлениями общего порядка.

Но располагаем ли мы ныне прямыми свидетельствами наличия скотоводства у древнейших племен Волжско-Уральского междуречья? Сразу же следует еще раз подчеркнуть, что фактически все наши сведения об этих племенах базируются на материалах погребальных комплексов. Между тем А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий совершенно справедливо отмечали, что «вопросы развития отдельных отраслей материального производства не могут быть разрешаемы только на мате-

⁶ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935, стр. 141.

риале погребений, так как состояние того или иного производства, отраженное в погребении, не обязательно точно соответствует реально бытующему...»⁷. Столь же правильно и замечание этих исследователей, что наличие или отсутствие костей определенных животных в погребениях объясняется не подлинной ролью их в хозяйстве, а «... характером культовых представлений древнего человека»⁸. Однако, принимая эти замечания, следует дополнить их вытекающим из этих же наблюдений выводом о том, что данные погребений могут дать преуменьшенное представление о развитии той или иной отрасли экономики, но никак не наоборот. Именно поэтому А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий для доказательства своего тезиса об отсутствии скотоводства на «I стадии» попытались (с моей точки зрения, не всегда справедливо и последовательно⁹) исключить из числа древнеямных все погребения, сопровождавшиеся костями домашних животных. Наличие хотя бы одного достоверного погребения такого рода ставило тезис под серьезные сомнения. Но, впрочем, тогда материал, подлежащий обсуждению, был мизерным: речь могла идти о единичных погребениях, что и способствовало односторонности и схематизму общего построения А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого. Эти исследователи видели основу решения проблемы в единых закономерностях конвергентного развития различных групп населения в близких природных условиях и в вытекающем отсюда факте стадиальности. Такие значительные явления, как резкий рост заселенности степной полосы, быстрое распространение единых культурных групп, заметные изменения топографии памятников, не были, да и не могли быть должным образом учтены ими: фактические материалы в середине 30-х годов XX в. были еще, повторяю, слишком ограниченными, а основной теоретической предпосылкой построения являлась уверенность в универсальности и непогрешимости стадиальной схемы. Поэтому А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий подвергали сомнению даже безусловные факты, противоречащие их построению, такие, как находки костей овцы в древнеямных погребениях на Северском Донце. И уж во всяком случае они подчеркивали незакономерность этих фактов (хотя следует еще раз отметить, что негативные данные погребального инвентаря по меньшей мере недостаточны для установления закономерностей экономического порядка).

Неудивительно поэтому, что материалы начавшихся позже массовых исследований древнеямных памятников оказались резко противоречащими экономическим заключениям названных авторов. Неосновательность их была правильно подчеркнута авторами раскопок знаменитого Михайловского поселения¹⁰. Характерно, что Б. А. Латынин, взгляды

⁷ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество..., стр. 95.

⁸ Там же.

⁹ Ср. там же, стр. 39: «В итоге у нас не остается ни одного характерного погребения I стадии, где были бы встречены остатки домашних животных»; стр. 95: «... для древнейшей стадии, характеризующейся так называемыми ямными погребениями, в настоящее время установлено присутствие только одной овцы».

¹⁰ О. Ф. Лагодовска, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 169 сл.

которого были ранее во многом близки концепции А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, на основании новых материалов счел необходимым полный пересмотр вопроса об уровне производительных сил древнеямных племен, особенно подчеркнув развитие у них земледелия и связанных с ним долговременных оседлых поселений¹¹. С такими же утверждениями выступил и ряд других авторов¹². Они основывались прежде всего на материалах поселений, безусловно доказывающих высокое развитие животноводства у древнеямных племен¹³. Все эти поселения принадлежат более западным вариантам древнеямной культурно-исторической области, поэтому я не буду специально останавливаться на их материалах.

В Волго-Уральском междуречье по сей день приходится ограничиваться материалами погребальных памятников. Но они уже достаточно многочисленны, а культурная принадлежность их не вызывает сомнений. Только на территории рассматриваемого варианта погребения, сопровождавшегося костями животных, встречены 20 раз; в трех случаях встречены кости диких животных, в 17 — домашних. Последние распределяются следующим образом.

Кости домашней овцы (*ovis aries*) найдены в трех погребениях первой хронологической группы (Лесной кордон, 1/19, хутор Ст. Разина, 3/6, совхоз им. Свердлова), восьми погребениях второй группы (Быково, 4/11, Бережновка I, 5/25, Бережновка II, 3/5, Скатовка, 5/3, Скатовка, 6/1, Быково I, 2/3, хутор Ст. Разина, 4/9, Энгельс, 4/12), девяти погребениях третьей группы (Бережновка II, 14/14; 80/1, 2; хутор Ст. Разина, 1/17, 19, 20, Политотдельское, 4/13, 27, Герасимовка I, 1/1). Кости домашнего быка (*bos taurus*) найдены в двух погребениях третьей группы (Политотдельское, 4/13 и Герасимовка I, 1/1), а лошади (*equus caballus*) — лишь в Герасимовке III, 1/1.

Дикие животные представлены сайгаком (*sajga tatarica*) (Бережновка II, 9/5, 9/18) и лисцей (*vulpes vulpes*) (Бережновка II, 9/9). В одном случае найдена кость птицы (Увак, 6/4). Общее соотношение находок позволяет сделать некоторые выводы.

При всей отмеченной выше относительности остеологических данных погребальных памятников в данном случае они достаточно показательны и, безусловно, должны быть приняты во внимание. При этом необходимо подчеркнуть следующие моменты.

¹¹ Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития производительных сил в эпоху ранней бронзы. КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 12 сл.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 69—70; А. Я. Брюсов. Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. СА, XXV, 1956, стр. 40; M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Cambridge, Massachusetts, 1956, стр. 70—80; Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы европейской части СССР. «L'Europe à la fin de l'âge de la Pierre». Praha, 1961, стр. 170; В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1969.

¹³ В. І. Бібікова, А. І. Шевченко. Фауна Михайлівського поселення. См. в кн.: О. Ф. Лагодзька, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення, стр. 206—246.

Дикие животные сопровождали погребения крайне редко, остатки их составляют весьма незначительную часть общего числа костей (11%). Заранее подчеркну, что с абсолютно таким же положением мы встречаемся и во всех прочих территориальных вариантах древнейшей культурно-исторической области. Крайне незначительно число костей диких животных не только в погребальных памятниках, но и в нижнеднепровских поселениях. В Михайловке 16 видам диких животных и рыб принадлежат лишь 10,7% всех найденных костей¹⁴.

Поэтому можно с уверенностью считать, что в данном случае находки в погребениях отражают истинное состояние хозяйства и свидетельствуют о том, что охота не только не занимала в нем первого места (как полагали А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий), но вообще играла лишь вспомогательную роль. Отмечу также, что кости диких животных найдены отнюдь не в наиболее ранних погребениях: один раз (Бережновка I, 9/9) они сопровождали погребение II хронологической группы, а дважды (Бережновка II, 9/5, 18) — III.

Столь же безусловно решительное преобладание скотоводства над охотой. Кости домашних животных встречены в 23 случаях (89% общего числа костей), причем во всех хронологических группах. Единичные находки в I группе вполне соответствуют общему безынвентарному характеру погребений этой группы. Во второй же группе подобных находок уже восемь: лишь на две меньше, чем в третьей. Можно с достаточным основанием говорить и о том, что в скотоводческом хозяйстве древнейших племен первое место принадлежало овцеводству (87% от числа костей домашних животных). Число найденных костей овец в 10 раз превышает число костей быка. И в данном случае вряд ли можно ссылаться на «характер культовых представлений», поскольку кости быка все же встречаются и, следовательно, присутствие их в погребениях не исключалось этими представлениями. В этом аспекте оба вида домашних животных — овцы и коровы — находятся в одинаковом положении, поэтому цифры, характеризующие находки их костей, вполне сравнимы. Сравнение же это совершенно определенно свидетельствует об абсолютном преобладании овец. Особая роль их в древнейшем стаде вполне соответствует условиям рассматриваемой территории, значительную часть которой занимали засушливые степи, а на юге — и полупустыня. Овцы более всех прочих видов домашних животных приспособлены к жизни в подобных условиях. Неприхотливые, довольствующиеся даже скудной растительностью полупустынных и пустынных районов, овцы давали обильный приплод и легко переносили далекие перемещения по безводным пространствам. Заметное преобладание их в древнейшем стаде само по себе является одним из показателей подвижных форм скотоводства. В хозяйстве населения с прочными традициями оседлости овцы представлены примерно в равной доле с крупным рогатым скотом и свиньей или заметно уступают им. Так было в стационарных поселках как преимущественно земледельческих (старчево-криш, культура линейно-ленточной керамики, триполье, гумельница),

¹⁴ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 171—172.

так и преимущественно скотоводческих (майкопская) культур. Особенно характерно здесь обилие в стационарных поселках костей свиньи, которая в трипольской культуре составляла свыше 30%, а в майкопской — 50% стада¹⁵. В древнеямных погребениях рассматриваемого варианта костей свиньи нет совсем. Нет их и в погребениях других территорий. Даже в таком специфичном памятнике, как Михайловское поселение, кости свиньи составляют лишь 2,2%. Проф. В. И. Цалкин справедливо заключает, что общее значение свиньи в хозяйстве древнеямных племен было ничтожным¹⁶. И это также является серьезным показателем подвижных форм скотоводства, к которым свиньи абсолютно не приспособлены.

Что касается крупного рогатого скота, то он был известен древнеямным племенам Волжско-Уральского междуречья, что специально подчеркнуто К. Ф. Смирновым¹⁷, но в погребениях представлен единичными находками. Как уже отмечалось выше, это представляется мне не случайным: подобное соотношение характерно для кочевого или полукочевого хозяйства, что подтверждается и материалами поселений. В усатовских памятниках, например, в отличие от других вариантов Позднего Триполья мелкий рогатый скот превышает 50% стада. «Степной характер животноводства усатовцев,— пишет В. И. Цалкин,— выявляется тем самым с большой наглядностью»¹⁸. Это совершенно закономерно: само сложение усатовской группы я считаю результатом активной взаимной ассимиляции потомков трипольского населения Северо-Западного Причерноморья и все более интенсивно вклинивавшихся в этот район степных древнеямных племен.

Кости лошади встречены лишь однажды, причем в погребении весьма позднем (Герасимовка III, 1/1), которое автор раскопок К. Ф. Смирнов считает позднеямным или раннесрубным¹⁹. Но здесь и впрямь можно говорить о «характере культовых представлений». Кости лошади составляют редчайшие исключения в погребениях и других вариантах: на Нижнем Днепре, например, они единичны, хотя там известно не менее 500 древнеямных погребений. Материалы же поселений резко меняют картину. В Михайловке лошадь составляют уже 17,9% стада²⁰. В поселении Деревка (р-н Кременчуга), принадлежавшем культуре Средний Стог II, синхронной наиболее ранним древнеямным памятникам и культурно близкой им, лошадь составляет свыше 50% стада. Это дало основание В. И. Цалкину заключить, что, «по-видимому, именно коневодство было основой хозяйства племен культуры Средний Стог II и у них мы встречаем, таким образом, первые в истории животноводства племена коневодов»²¹. И еще большее обилие костей лоша-

¹⁵ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970, стр. 238, 245.

¹⁶ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 247.

¹⁷ К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., стр. 308.

¹⁸ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 243.

¹⁹ К. Ф. Смирнов. Отчет за 1960 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2124.

²⁰ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 172.

²¹ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 247.

дей (80%) встречено в упоминавшемся уже архаичном древнеямном поселении у хутора Репина, расположенном в смежном с Поволжьем районе Донского варианта. Все это позволяет не сомневаться в том, что, несмотря на отсутствие костей в погребениях, лошадь была достаточно хорошо известна древнеямным племенам начиная с древнейшего этапа их развития. Это, безусловно, касается и племен Волжско-Уральского междуречья, тем более что здесь имелся необходимый биологический фон: еще во второй половине XVIII в. акад. П.-С. Паллас отмечал в Оренбургских степях наличие диких лошадей — тарпанов. И, несмотря на всю неопределенность современных представлений о времени и месте одомашнивания лошади, очевидно глубоко справедливыми являются слова В. И. Цалкина: «Единственный вид сельскохозяйственных животных, одомашнение которого в Юго-Восточной Европе или на сопредельных ее территориях не вызывает, по-видимому, сомнений, — это лошадь»²².

Животноводство, прежде всего овцеводство, явилось решающим экономическим фактором в освоении степных пространств. Но ныне можно с уверенностью говорить и о наличии у определенных групп древнеямного населения второго важнейшего вида производящего хозяйства — земледелия. Свидетельства его представлены прежде всего среди материалов стационарных поселков и знаменуют производящее освоение уже не степи, а речных долин с их мягкими, легкими для обработки почвами. Почти все стационарные поселки открыты в более западных вариантах древнеямной культурно-исторической области, прежде всего в Нижнем Поднепровье. Наиболее показательно здесь Михайловское поселение, среди материалов которого может быть выделен целый комплекс каменных земледельческих орудий: мотыги²³, вкладыши для серпов, зернотерки и куранты²⁴, примитивный наральник, позволяющий предполагать наличие простейших сох с применением тягловой силы животных. Достаточно специфичен и сам характер поселения со сложными оборонительными, жилыми и хозяйственными постройками, свидетельствующими о прочной оседлости и долговременности, которые в данных природных и исторических условиях немыслимы без наличия земледелия²⁵.

Освоение земледелия, очевидно, достаточно развитого и продуктивного, сыграло весьма значительную роль в оседании конкретных групп скотоводческого степного населения на землю. В Нижнем Поднепровье этот процесс принял большие масштабы, что документируется целой системой синхронных и культурно близких Михайловке поселений (Скеля Каменоломня, Дурна Скеля, Любимовка, Шевченковский Сад, Копыловка, Дремайловка, о-ва Виноградный, Похилый, Камяноватый и др.). Свидетельства оседания степных племен на землю и создания ими стационарных поселков известны и на Дону (Ливен-

²² В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 266.

²³ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макарович. Указ. соч., стр. 136, табл. XXIII, 1.

²⁴ Там же, стр. 138, рис. 38.

²⁵ Там же, стр. 174.

цовка, хутор Репин), на территории, отмеченной древними традиция-ми оседлых поселений и связанной с кавказским культурным очагом.

Специфика производящего освоения речных долин в известной мере противоположна специфике освоения степи. Она связана не с усилением подвижности скотоводческого населения, а с оседанием его, созданием стационарных поселений и освоением земледелия, сочетающегося в производящем хозяйственном комплексе с придомным пастушеским скотоводством. Вместе с тем следует подчеркнуть, что такие земледельческо-скотоводческие очаги, возникшие внутри древнейшей культурно-исторической области, сыграли определенную роль в распространении земледелия и среди самих степных племен.

Отдельные признаки знакомства с земледелием появляются и в Волжско-Уральском варианте. Но сразу же следует подчеркнуть, что они единичны, разрозненны и далеки от тех цельных и выразительных комплексов, которые известны в нижнеднепровских поселениях. Стационарных поселков, подобных последним, ни в Поволжье, ни в Приуралье пока открыто не было. Культурные слои типа Захар-Калма, отмечавшиеся выше, могут быть остатками сезонных стоянок полукочевых скотоводов, они по своему облику очень далеки от подлинно стационарных поселений более западных вариантов. Свидетельства земледелия на дюнных поселениях Поволжья весьма относительны и ограничиваются некоторыми видами геометрических микролитов (трапеций и сегментов), которые могли использоваться в качестве вкладышей серпов или жатвенных ножей. Подобные же вкладыши, как уже отмечалось выше, сопровождают и единичные древнейшие погребения Нижне-Волжского района. Достоверных пахотных орудий нет в исследуемом варианте ни в культурных слоях, ни в погребениях: лишь в специфической полтавкинской группе последних известны медные тесла — мотыги, которые не без оснований связывались А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким с земледелием²⁶ (Колтубанка, Ровное Д—37, Покровск, 12/5, 35/2, Бородаевка Е, 6/9, курган в Волгограде, хутор Ст. Разина). Эти находки позволяют лишь предполагать распространение в степных районах в конце древнейшей эпохи специфического орудия, одной из функций которого была подготовка почвы под посев. Но вместе с тем к ним следует подходить с должной осторожностью, учитывая «многофункциональность» указанных орудий.

При столь резкой скудости материалов особую важность приобретает находка, сделанная в 1957 г. в погребении 9 кургана 26 у с. Быкова Волгоградской области. Здесь при скорченном на спине головой на восток, обильно окрашенном костяке был найден целый «мельничный комплекс»: зернотерка и терочник²⁷. Зернотерка — овальной формы, плосковыпуклая в сечении, с сильно сработанной и углубленной рабочей поверхностью. На одной из боковых сторон ее — выемка для удобства захвата зернотерки рукой, размеры ее 22×12×7 см. Тероч-

²⁶ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество..., стр. 72 сл.

²⁷ Н. Я. Мерперт. Раскопки в Нижнем Поволжье. «Памятники бронзового века юга европейской части СССР». Киев 1968, рис. 4, 6, 7.

ник вытянутый, высотой 15 см, с четко намеченным перехватом и овальной плоской рабочей площадкой диаметром 8 см.

Назначение этих орудий сомнений не вызывает. Форма плиты (включая выемку для захвата рукой), ее пропорции и размеры характерны для небольших зернотерок, найденных на безусловных раннеземледельческих поселениях. Приведу в качестве примера размеры восьми целых зернотерок, найденных на раннетрипольском поселении на Днестре Лука Врублевская, блестяще исследованном С. Н. Бибиковым: $23 \times 10 \times 7$; $21 \times 14 \times 6$; $18 \times 14 \times 4$; $17 \times 14 \times 4$; $13 \times 13 \times 6$; $17 \times 14 \times 7$; $18 \times 18 \times 7$; $21 \times 16 \times 5$. Совершенно очевидно, что размеры быковской зернотерки полностью включаются в рамки приведенной серии.

Весьма важен вопрос об относительной датировке быковского комплекса. Погребение, при котором он найден, керамики не содержало. Положение костяка, ориентировка, окраска — все эти признаки весьма характерны для древнеямных погребений Волжско-Уральского варианта как на раннем, так и на позднем этапах — вплоть до погребений полтавкинского типа. В положении костяка лишь согнутое положение левой руки не соответствует погребениям раннего этапа. В состав инвентаря помимо зернотерки и терочника входит каменный полированный проушной молоток, также исключающий отнесение комплекса к раннему этапу. В насыпи кургана открыто впускное погребение полтавкинского типа, знаменующее верхнюю хронологическую границу комплекса погребения 9. В свете приведенных фактов последний может быть отнесен ко II хронологической группе древнеямных погребений Волжско-Уральского варианта.

Для этой территории быковский комплекс является древнейшим возможным свидетельством земледелия. Последнее не получило и не могло получить широкого распространения в степях Нижнего Поволжья. Но на отдельных участках оно практиковалось, как видим, еще в древнеямную эпоху. Отдельные земледельческие орудия были найдены и в погребениях полтавкинской группы. В 1938 г. при раскопках И. В. Синицыным курганной группы у с. Максютова Саратовской области в погребении 1 кургана 1 найдены три песта-терочника, а в погребении 2 кургана 2 — «...округлая зернотерка из белого гладкого камня. Зернотерка сильно сглажена с обеих сторон. Диаметр ее 17 см, толщина 8 см»²⁸. Можно вполне согласиться с исследователем в том, что «...каменные песты-терочники, большая каменная двусторонняя зернотерка представляют комплекс орудий, связанных с обработкой хлебных злаков»²⁹.

Каменные зернотерки известны и в погребениях других вариантов древнеямной культурно-исторической области. Они найдены, в частности, в кургане 8 у Аккормени в Приазовье (раскопки А. И. Тереножкина) и в курганах близ Евпатории в Крыму (раскопки А. А. Щепинского).

²⁸ И. В. Синицын. Памятники родового общества степей Заволжья. «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. 66, 1958, стр. 294—296.

²⁹ Там же, стр. 304.

Еще раз подчеркну, что можно говорить лишь об отдельных разрозненных свидетельствах знакомства с земледелием в открытых степных районах. Это вполне закономерно и отражает реальную долю земледелия в хозяйстве древнеявных племен этих территорий. Но нельзя и преуменьшать значение указанных находок. Они свидетельствуют о распространении земледельческих навыков — пусть спорадическом — на огромной территории, на сотни и даже тысячи километров от раннеземледельческих центров. Вообще подвижные степные племена явились активными и весьма оперативными распространителями достижений и навыков производящей экономики, со всеми основными центрами которой (на территории СССР) — Северо-Западным Причерноморьем, Кавказом и югом Средней Азии — они соприкасались и взаимодействовали. В этом состояла одна из исторически значительных миссий племен древнеявной культурно-исторической области. Это необходимо учитывать при объяснении раннего появления земледелия в лесной полосе (например, в Горбуновском торфянике) или значительного его развития с выработкой весьма совершенных специализированных форм у той части срубных племен, которая активно оседала в речных поймах или на границе лесостепи. Основная линия этого процесса правильно намечена О. А. Кривцовой-Граковой. «В ямную эпоху, как и в последующую полтавкинскую, — пишет она, — удельный вес земледелия в хозяйстве был, по-видимому, невелик... Вполне развитые формы орудий... связываются с памятниками срубной культуры... Прежде чем достичь такого совершенства, эти орудия должны были пройти длительный путь развития. Независимо от того, примем ли мы те или иные положения, земледелие в Поволжье должно было существовать значительно раньше появления таких земледельческих орудий, как металлические серпы»³⁰.

При всем значении этих фактов следует еще раз отметить, что и для древнеявной культурно-исторической области в целом, и прежде всего для степей Волжско-Уральского междуречья, животноводство оставалось основным и, безусловно, доминирующим видом производящего хозяйства. Земледелие приближалось к нему по продуктивности и общему своему значению лишь в отдельных отмеченных выше районах.

После открытия замечательных поселений Нижнего Поднепровья некоторые исследователи, в том числе и автор настоящей книги, пытались распространить положения о прочной оседлости и земледельческо-скотоводческом характере хозяйства на все группы древнеявного населения³¹. Однако дальнейших подтверждений эти попытки не получили. Ведь почти все поселения, позволившие выдвинуть эти положения, сосредоточены именно в Нижнем Поднепровье, что обусловлено и природными условиями, и исторической традицией, и всей системой культурных связей этого района. В глубинных же степных районах,

³⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье..., стр. 70.

³¹ Б. А. Латынин. К вопросу об уровне развития...; Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 170.

вдали от больших рек и мягких пойменных почв, вдали от раннеземледельческих очагов столь же закономерны отсутствие стационарных поселений и подвижный характер жизни большинства населения при весьма незначительной доле оседлости и связанного с ней земледелия. И дело здесь не в отсутствии внимания исследователей к поселениям, а в фактическом отсутствии или совершенно ином — временном — характере последних.

Естественно, это заметно обедняет возможности изучения экономики древнеямного населения этих районов и прежде всего резко уменьшает число прямых ее свидетельств. К скудным данным погребальных комплексов здесь могут быть прибавлены, однако, наблюдения над топографией памятников, распространением их, соотношением с природными особенностями, соотношением с памятниками предшествующего периода. И даже само отсутствие стационарных поселков как своего рода негативное свидетельство должно быть учтено при выяснении форм древнейшего хозяйства.

3. О формах скотоводства древнеямных племен

Особое значение приобретает весьма сложный и принципиально важный вопрос о формах ведения скотоводческого хозяйства древнеямными племенами Волжско-Уральского междуречья. Известные ныне факты, касающиеся специфики природных условий, топографии памятников и состава стада, позволяют поставить здесь некоторые общие вопросы, хотя для окончательного их разрешения необходимо еще значительное накопление новых данных, прежде всего материалов культурных слоев. И даже сама постановка общих вопросов экономики древнеямных племен потребует в ряде случаев выхода за пределы Волжско-Уральского варианта и обращения к сравнительным материалам других районов культурно-исторической области.

Совершенно очевидно, что в могилах как следы заупокойной пищи представлены прежде всего кости основных мясных животных. У древнеямных племен открытых степных пространств таким животным, как уже подчеркивалось выше, была овца. Основной фонд мясной пищи овцы составляли у всех скотоводов степей и пустынь начиная с глубочайшей древности. Особенно это касается обществ с подвижным образом жизни и частыми перекочевками в поисках пастбищных угодий. Самый процесс domestikации овцы связывается ныне с полупустынными и степными районами Передней Азии и подвижным образом жизни древнейших овцеводов, не знавших стационарных поселков и оставивших только следы временных сезонных стоянок типа известной стоянки Тепе-Сараб, близ Керманшаха (Иранский Курдистан)³².

³² R. Braiwood. Seeking the World's First Farmers in Persian Kurdistan: A Full-Scale Investigation of Prehistoric Sites near Kermanshah. «The Illustrated London News». October, 22, 1960; J. Meldgaard, P. Mortensen, H. Thrane. Excavations at Tepe Guran, Luristan. Copenhagen, 1964; K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production in Mesopotamia. «Science», 12 march, 1965, vol. 147, № 3663.

В Южном Прикаспии кости овцы со следами domestikации открыты уже в мезолитических слоях пещеры Белт (слои 11—16)³³. В слоях того же периода найдены они и в Восточном Прикаспии — на Красноводском полуострове (пещера Дам-дам-чешме 2, слои 3—6)³⁴, т. е. на территории, связывающей Переднюю Азию со степной полосой.

Общезвестен и не требует особых доказательств факт абсолютного преобладания овцы как основного мясного животного в стадах кочевых скотоводов евразийских степей в средневековье, а также и в более поздний период — вплоть до бедуинов Аравийской пустыни и кочевников Центральной Азии и Северной Африки наших дней.

В этом аспекте значительный интерес представляет топография древнеямных курганных групп, отмеченная ныне в ряде различных районов культурно-исторической области. В Нижнем Поднепровье Е. Ф. Лагодовская и О. Г. Шапошникова справедливо обратили внимание на небольшие курганные группы, разбросанные в открытой степи, и на столь же небольшие сезонные стоянки по долинам рек со следами пребывания пастушеских племен. «Наличие небольших сезонных стоянок, стойбищ, появление памятников ямной культуры далеко от основной территории ее распространения, — пишут они, — указывают на возникновение тут полукочевого скотоводства»³⁵. И более определенно: «Мы имеем все основания допустить, что уже в этот период у степных племен Украины возникает и распространяется кочевое или полукочевое скотоводство»³⁶. Вместе с тем указанные авторы весьма острожно подошли к этому вопросу, подчеркнув незначительность вклинений в степь и небольшую удаленность курганных групп от основных водных источников³⁷.

Дальнейшие исследования подтвердили правильность приведенных предположений и позволили значительно более смело и определенно говорить о безусловно подвижных формах жизни степных древнеямных племен и о возможности зарождения не только полукочевого³⁸,

³³ А. А. Формозов. Из истории древнейшего скотоводства на Юге СССР. «Труды Московского общества испытателей природы», т. XLVIII, 1972, стр. 19.

³⁴ Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2.

³⁵ О. Ф. Лагодовская, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 178.

³⁶ Там же, стр. 173.

³⁷ Там же, стр. 177.

³⁸ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках. «Материалы по этнографии», вып. 1. Л., 1961. На основании исследования значительных этнографических материалов С. И. Руденко считает полукочевое скотоводство наиболее распространенной формой хозяйства для степей, полупустынь и предгорий Евразии. При такой форме скотоводства все население, все члены рода или племени кочуют по пастбищным пространствам вслед за своими стадами и лишь на зиму возвращаются в свои поселения, постоянство которых носит, таким образом, весьма относительный характер (С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 3 и сл.). Развитие такой формы скотоводства у волжско-уральских древнеямных племен вполне вероятно, и небольшие культурные слои типа Захар-Калма могут рассматриваться как остатки подобного рода «зимних поселений». Но редкость подобных поселений, а также наличие курганных групп в глубокой степи свидетельствуют о наличии и других форм скотоводства, связанных с более далекими передвижениями.

но и кочевого скотоводства в глубокой древности — много раньше начала I тысячелетия до н. э., как считали до сего времени многие исследователи на основании письменных источников и этнографических данных. Прежде всего здесь следует отметить большие полевые исследования В. П. Шилова и интерпретацию их материалов автором.

Топография большого числа памятников наследников древнеямного населения — срубных племен в открытых степях Волгоградского Поволжья, расположение их как на берегах рек, так и в значительном отдалении от них привели В. П. Шилова к выводу о том, что освоение степей шло уже широким фронтом в период развитого бронзового века и что в это время в Нижнем Поволжье можно констатировать существование двух укладов — оседлого и кочевого — при тождестве культуры³⁹. Последнее заключение В. П. Шилова представляется мне весьма перспективным для разработки общего вопроса соотношения экономики и культуры древних культурных групп.

Но на смежной территории степей Волго-Донского междуречья В. П. Шиловым были открыты и древнеямные курганные группы, на многие десятки километров удаленные от рек. Так, группа у с. Цаца расположена в 30 км, у с. Кузин хутор — в 35 км, а у с. Балкин хутор — в 95 км от Волги. К ним может быть прибавлен ряд других памятников Астраханской, Ростовской, южной части Волгоградской областей, а также Калмыцкой АССР. В свете этих данных вполне закономерно заключение В. П. Шилова о начале освоения глубинных степных пастбищ еще задолго до развитого бронзового века — в эпоху древнеямных погребений. С этим же связано, по мнению В. П. Шилова, и отсутствие стационарных поселений у древнеямных и полтавкинских племен Нижнего Поволжья, во всяком случае на основной его территории⁴⁰. Его построение полностью согласуется с предложенным мной выше тезисом о том, что отсутствие стационарных поселков как своего рода негативное свидетельство должно быть учтено при выявлении форм древнейшего хозяйства.

В целом В. П. Шиллов с предельной четкостью поставил вопрос об освоении глубинных степных пастбищ древнеямными племенами, а следовательно, и о зарождении и развитии у них подвижной формы скотоводства. В пользу этого вывода может быть приведен ряд дополнительных фактов. Значительно удаленные от больших речных долин древнеямные курганные группы и следы временных сезонных стоянок известны сейчас в ряде территориальных вариантов, прежде всего в восточной части древнеямной ойкумены. Здесь могут быть упомянуты крайне архаичные развешенные стоянки у Досанга и Исекея в полу-

³⁹ В. П. Шиллов. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 6. Л., 1964, стр. 86—102; *он же*. Экономика древнеямных племен. Доклад на секции бронзового века пленума Института археологии АН СССР 18 апреля 1968; *он же*. Походжения кочевого скотоводства...

⁴⁰ В. П. Шиллов. Происхождение кочевого скотоводства в Восточной Европе. «Тезисы доклада на заседании сектора Средней Азии и Кавказа». Л., 1965; *он же*. Походжения кочевого скотоводства...

пустынной зоне Астраханского заволжья, курганы Оренбургских степей, калмыцкие курганы и многие другие. Тяготение древнеямных стоянок и курганов к водным источникам, подчеркнутое Е. Ф. Лаговойской и О. Г. Шапошниковой, совершенно естественно: любой, даже самый временный лагерь современных кочевников разбивается лишь в непосредственной близости от таких источников⁴¹. Но характерно вместе с тем, что речь здесь идет именно об источниках воды — часто о ключах или совсем небольших реках, а не только о значительных речных долинах, пригодных для стационарной жизни⁴². Это не только не противоречит заключению о весьма подвижном — кочевом или полукочевом — характере скотоводства древнеямных племен в открытых степях, но, наоборот, свидетельствует в его пользу.

Топография памятников находится, как мы видим, в определенном соответствии с составом остеологических остатков. Оба вида источников подкрепляют друг друга и подтверждают наличие подвижного скотоводства. Но здесь необходимо иметь в виду еще одно весьма значительное, как я полагаю, свидетельство. Им является самый факт распространения конкретных племенных групп на огромных пространствах и характер этого распространения. Если взять даже не всю культурно-историческую область, а один Волжско-Уральский вариант ее, то и здесь поражает наличие абсолютно единого во всех деталях погребального обряда, единых форм посуды, единых орнаментальных схем в районах Волгограда, Саратова, Куйбышева и Оренбурга, в пунктах, разделенных многими сотнями километров степных пространств. Эти пространства должны были быть преодолены. И преодоление это не могло носить характера постепенной медленной диффузии, освоения смежных территорий в результате сегментации родов с появлением новых вариантов, отпочковавшихся от первоначальной единой культуры. Такая механика распространения была, как убедительно показал В. М. Массон⁴³, закономерна для древнейших земледельческих обществ. В степи же при безусловном доминанте скотоводческого хозяйства закономерности и формы расселения были иными. Весьма характерно археологическое отражение их. Наибольшее единство таких этнографических признаков, как погребальный обряд и орнаментация керамики, отмечается здесь в максимальных территориальных рамках на ранних этапах больших культурных общностей (это достаточно четко документируется как древнеямными, так и срубными материалами). Именно наиболее ранние хронологические группы не только Волжско-Уральского варианта, но и большинства вариантов древнеямной культурно-исторической области идентичны и свидетельствуют о культурной

⁴¹ О. Ф. Лаговойская, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 177.

⁴² Концентрация известных древнеямных погребений в долинах больших рек обусловлена и большей изученностью последних по сравнению с междуречьями: именно речные долины подверглись сплошному обследованию в связи со строительством гигантских гидроэлектростанций.

⁴³ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964.

интеграции, тогда как более поздние все заметнее расходятся между собой и свидетельствуют о культурной дифференциации⁴⁴.

А если так, то вполне закономерно предполагать спонтанный (относительно) характер первоначального распространения и во всяком случае непосредственную связь и взаимодействие групп скотоводов, занимавших весьма удаленные друг от друга участки степи. При оседлом образе жизни, в том числе и при пастушеском скотоводстве, такие явления невозможны. Необъяснимы они и при так называемом комплексном хозяйстве, которое часто постулируется для древнейших обществ (при любой комплексности каждая хозяйственная система должна все же иметь основную, определяющую отрасль, с которой сочетаются остальные, дополнительные). Здесь необходимо фактическое передвижение по степи со сравнительно быстрым преодолением значительных расстояний. Короче говоря, и этот путь приводит к неизбежности вывода о подвижном скотоводстве.

Далее. Освоение глубинных степных пространств, безусловно, засвидетельствованное приведенными выше данными, невозможно при какой-либо иной форме скотоводства. В. П. Шилов пишет в этой связи: «Этнографические исследования показывают, что в условиях чахло-го травяного покрова Нижнего Поволжья необходимо для прокормления овцы на подножном корму 6—9 га пастбищ, а для прокормления бедного хозяйства в 10—13 человек взрослых и детей требуется как минимум 100 голов овец, 4 коровы и 4 верблюда, т. е. для прокормления такого стада требовалось 1000 га пастбищ. Следовательно, одной из причин перехода в древности к кочевому хозяйству в Нижнем Поволжье явилась нехватка кормов и воды в одном месте и тем самым необходимость освоения широких просторов окружающих степных пастбищ»⁴⁵. Таким образом, необходимость прокорма все возрастающего поголовья скота в условиях степи неизбежно приводила к необходимости перекочетов. К этому следует добавить передвижение в зимний период к южным пастбищам с минимальным снеговым покровом — в районы с мягким климатом, прилегающие к морскому побережью. Несомненную роль играли и стремление скотоводов к жизненно необходимому для них контакту с земледельческим населением и соответствующие передвижения к границам раннеземледельческих центров, т. е. к Юго-Западному Причерноморью, Кавказу, югу Средней Азии. Наконец, начало эры металла создает новый стимул для передвижения, связанный с овладением источниками металла и распространением металлических изделий.

Фактическая обеспеченность возможности далеких передвижений у древнеявных племен не вызывает сомнения. Прежде всего это касается транспортных животных. Крупный рогатый скот был уже достаточно хорошо знаком степным племенам, а редкость костей его в погребениях объясняется, возможно, именно тем, что быки использовались

⁴⁴ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. М., 1968, стр. 59 сл.

⁴⁵ В. П. Шилов. Происхождение кочевого скотоводства в Восточной Европе.

в первую очередь как транспортное животное. Пока остается открытым вопрос о транспортном использовании лошади. Прямых свидетельств здесь нет. Следует, однако, учитывать безусловное наличие коневодства у древнеямных племен, засвидетельствованное, в частности, весьма показательным составом остеологических остатков в культурном слое у хутора Репина на Дону, где кости лошади составляют до 80% всей коллекции⁴⁶. В степных же подкурганых погребениях кости лошади, как и быка, составляют редкое исключение, что свидетельствует скорее в пользу транспортного, нежели мясного их использования. Одной из возможных интерпретаций упоминавшихся выше каменных наверший из Волжско-Уральского, Предкавказского и других вариантов является изображение лошадиной головы с рельефно выделенной уздой. Если согласиться с такой интерпретацией, то появление всадничества у степных племен придется отнести к более раннему периоду, нежели считалось до сих пор на основании письменных и изобразительных данных Древнего Востока. В пользу этого говорит, я полагаю, и тот факт, что в середине и второй половине II тысячелетия до н. э. у срубных племен мы встречаемся уже с хорошо выработанными и разнообразными атрибутами всадничества⁴⁷, что заставляет предполагать длительный период предшествующего их развития.

С наличием тягловых животных согласуется и наличие технических средств передвижения — колесных повозок, найденных ныне в самых различных районах Каспийско-Черноморских степей (Нижнее Поднепровье, Приазовье, Подонье, Приуралье), т. е. по всей древнеямной культурно-исторической области. Для самого Волжско-Уральского варианта особое значение приобретает уже упоминавшаяся находка деревянного цельного колеса от повозки в погребении Герасимовка I, 7/1 в Приуралье⁴⁸. Это первая находка подобного рода к востоку от Волги. Она включается в серию немногочисленных, но чрезвычайно важных находок остатков повозок и является весьма существенным ее дополнением. Эти повозки как бы символизируют освоение степи, основной вид экономики древнеямных племен и образ их жизни.

Таким образом, можно считать установленными как причины, обусловившие перекочевки, так и средства, их обеспечивавшие. И именно переход к кочевым и полукочевым⁴⁹ формам с освоением глубинных степных пространств составляет первую тенденцию, первое направление в развитии скотоводства древнеямных племен.

Закономерность представленного процесса подтверждается близкими, хотя и специфичными (что определялось иным природным окружением) явлениями, происходившими в ту же эпоху на Кавказе. Дан-

⁴⁶ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 173.

⁴⁷ К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей. СА, 1961, стр. 1.

⁴⁸ Э. А. Федорова-Давыдова. Приуральская группа памятников ямной культуры, «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М., 1971, стр. 57.

⁴⁹ Я использую оба термина, ибо считаю возможным параллельное существование у древнеямных племен обеих форм. Разделить же их при современном состоянии источников чрезвычайно трудно.

ные по развитию здесь скотоводства с предельной убедительностью суммированы в специальном исследовании Б. Б. Пиотровского.

«Сравнение костных материалов из поздних энеолитических поселений,— пишет Б. Б. Пиотровский,— с ранними выявляет рост численности мелкого рогатого скота...

Это увеличение поголовья мелкого рогатого скота было вызвано развитием производительных сил общества, которое изменило систему скотоводства. Пастбища в непосредственной близости от поселения не могли уже удовлетворить кормовую потребность, и скот приходилось угонять на пастбища, удаленные от поселений. Естественно, эта форма скотоводства связана с увеличением менее прихотливого и легче передвижающегося мелкого скота.

Рост поголовья скота и необходимость обеспечить скот кормовой базой привели к освоению высокогорных лугов, богатых травой. Но это луга сезонные, и постоянные поселения в их зоне существовать не могли: поэтому скотоводство приняло форму полукочевого-отгонного, с выгоном скота в горы на летнее время»⁵⁰.

Близкий процесс, протекавший в условиях открытой степи, где передвижения не лимитировались горными пастбищами, привел к формированию не отгонной, как на Кавказе, а иной формы скотоводства, связанной с еще большей подвижностью.

Вторая тенденция представлена остеологическим материалом многочисленных поселений речных пойм и прежде всего Михайловского поселения в Нижнем Поднепровье. Эти поселения явились результатом сложного взаимодействия земледельческого и степного населения. Под влиянием земледельческих традиций некоторые степные племена перешли к оседлости и составили основную часть населения нижнеднепровских поселков. При этом развитие скотоводства приняло естественно, заметно иное направление, нежели в степи. На наиболее раннем этапе степные традиции проявляются еще достаточно четко. Стадо первой—древнейшей—Михайловки по своему составу заметно отличалось от стада, обычного для земледельческих поселений и отмеченного прочным преобладанием крупного рогатого скота и ничтожным числом лошадиных костей. В древнейшей Михайловке явно преобладал мелкий рогатый скот (65,5%), хорошо была известна лошадь (7,3%), бык же заметно уступает мелкому рогатому скоту (16,3%)⁵¹. Здесь можно говорить о влиянии собственно степного, еще не трансформированного скотоводства. В дальнейшем же с развитием оседлого быта и влияний его на все стороны хозяйства и жизни картина заметно меняется. Этапы этих изменений проследить не удастся ввиду обобщения в публикации остеологического материала двух верхних слоев Михайловки. Но результат достаточно ясен. Первое место перешло к крупному рогатому скоту (44,4%)⁵², мелкий рогатый скот отошел

⁵⁰ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXII, 1955, стр. 6.

⁵¹ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 29.

⁵² Там же, стр. 172.

на второе место (32,5%), хотя процент лошадиных костей возрос (17,9%). Важно отметить, что различий в породности основных видов животных, представленных в нижнем и последующих слоях, не было. Следовательно, изменения состава стада носили чисто внутренний характер. Е. Ф. Лагодовская и О. Г. Шапошникова справедливо подчеркивают здесь безусловно стационарный характер поселения, доказанный всем его обликом и составом находок, а также наличие достаточных выпасов в речных долинах вблизи поселения. Однако они допускают возможность того, что на поселении «базировались» и полукочевые группы, угонявшие стада на определенную часть года далеко в степь, но постоянно возвращавшиеся потом на основную свою «базу». Это сочетание полукочевого скотоводства с придомным при преобладании последнего⁵³ составляло вторую тенденцию, развивавшуюся в оседлых поселениях речных долин. Михайловское поселение не является единственным памятником, представляющим ее. По заключению В. И. Цалкина, исследовавшего материал как Михайловки, так и ряда других поселений (Стрильча Скеля, Дурна Скеля, Круглик II, Троицкое), картина везде достаточно единообразна. Средние цифры, полученные здесь, весьма близки приведенным данным Михайловки: крупный рогатый скот — 45,5%, мелкий рогатый скот — 33,8%, лошадь — 18,2%.

Таким образом, уже в формах скотоводства должны быть отмечены определенные различия в характере хозяйственного развития племен древнеямной культурно-исторической области, живших в различных естественных и исторических условиях. Данные о поселениях других территорий пока весьма ограничены, но я полагаю, что не случайно и они получены либо в долинах больших рек вблизи территорий с традициями оседлого быта (Ливенцовка на Дону), либо на границе лесостепи, в стороне от основных территорий кочевий (Захар-Калма).

При учете указанных различий скотоводство древнеямных племен в целом достаточно четко отличается от скотоводства их предшественников и современников в Северном Причерноморье. Так, в сурской культуре⁵⁴ (Сурской о-в, 1—4, Игрень V и VII, Шулаев о-в, Собачки) крупный рогатый скот составляет 62,3%, лошадь — 18,2%, а мелкий — лишь 13,1%; в Днепродонеской — при очень неполных данных (Бузьки, Деревка) — больше половины костей принадлежит лошади, а крупному и мелкому рогатому скоту соответственно 20,7% и 17,2%⁵⁵, в Майкопской (Мешоко, Ясеновая поляна, хутор Веселый, Каменно-мостская пещера, Аликановка) наибольший процент составляют кости свиньи (50,1%), лошади почти нет (0,6%), а крупный и мелкий рогатый скот составляют соответственно 29,8% и 19,5%⁵⁶. Наиболее показательна картина в различных районах Позднего Триполья. В се-

⁵³ Отмечу в этой связи, что некоторые сооружения III слоя Михайловки рассматриваются ее исследователями, как загоны для скота. Там же, стр. 71.

⁵⁴ Здесь и далее приводятся данные по исследованию В. И. Цалкина (В. И. Цалкин. Указ. соч.).

⁵⁵ Там же, стр. 205 сл.

⁵⁶ Там же, стр. 244 сл.

верных его районах, находившихся в известном отдалении от основной дороги степных нашествий, сохранялся состав стада, характерный для стационарных земледельческих поселений и дающий заметное преобладание крупного рогатого скота (34%) над мелким (24%) при значительном проценте костей свиньи (29%) и сравнительно незначительном — лошади (13%). В южных, собственно, степных районах памятники усатовского типа дают совершенно иное соотношение. Здесь резко преобладает мелкий рогатый скот, кости которого составляют почти половину всех известных остеологических материалов (49,1%), крупный рогатый скот на втором месте (29,8%), число костей лошади возросло (18,3%), а свиньи снизилось до 2,8%⁵⁷. Здесь очень контрастно проявляются степные воздействия и резкие изменения, обусловленные ими в хозяйстве Северо-Западного Причерноморья. Резкое отличие усатовского стада как от предшествующего — среднетрипольского, так и от современного ему — позднетрипольского более северных районов является немаловажным доказательством заметных изменений в степи, которые не могут быть объяснены эволюционным путем: они, безусловно, связаны с воздействием новых групп населения и новой хозяйственной системы.

4. Общий характер экономики

Возвращаясь к общей оценке экономики древнеямных племен, подчеркну еще раз следующие основные моменты.

Производящий в целом характер экономики. Отсутствие полного единообразия ее в конкретных районах, различный хозяйственный уклад и образ жизни в открытой степи и речных долинах, определенные как природным, так и историческим окружением.

Общий доминант животноводства, обусловивший специфику пространства, связей и развития древнеямных племен, отличную от специфики соответствующих явлений в раннеземледельческих обществах.

Хорошо известно, что во всей истории производящей экономики важнейшие ее отрасли — земледелие и животноводство — постоянно взаимодействовали между собой. Формы этого взаимодействия могли быть различными. Оно могло происходить внутри единой группы или между разными группами. Но само наличие его неизбежно, и обе отрасли должны рассматриваться в определенной взаимосвязи, в сложном комплексе, с учетом роли каждой отрасли в хозяйстве конкретных групп и роли самих этих групп в общей хозяйственной системе определенных областей в конкретные исторические периоды.

Исследователи происхождения производящего хозяйства отмечают, что уже в самом этом процессе одним из основных моментов явилось «... складывавшееся ранее тысячелетиями взаимодействие групп, использовавших различное природное окружение — своего рода прими-

⁵⁷ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 247—248.

тивная распределительная система»⁵⁸. С этой точки зрения была пересмотрена распространенная прежде теория «естественно-культурных областей», нивелировавшая хозяйственную деятельность населения единых по общим географическим показателям зон. Ф. Барт, а вслед за ним К. Фланнери справедливо отметили необходимость создания более конкретной картины экономической активности и взаимодействия отдельных групп даже внутри одной зоны. Ф. Барт показал⁵⁹, что единая долинная система⁶⁰ могла быть занята тремя различными группами, каждая из которых использовала лишь часть природных ресурсов зоны соответственно специфике и высоте расположения определенных районов. Первую составляли земледельцы, практиковавшие интенсивное орошаемое земледелие в речных долинах, выражавшие по два урожая в год и прочно оседлые. Вторая группа в той же заливаемой зоне собирала лишь один урожай в год, но составлявшие ее коллективы ежегодно мигрировали со своими стадами на высокогорные пастбища, создавая там ряд сезонных стоянок. Третью группу составляли пастухи-кочевники (*pastoral nomads*), которые рассматривались в обществе земледельцев как особая каста скотоводов, поставлявшая молоко и мясо в обмен на продукты земледелия.

Принципиально близкая картина в Месопотамии намечена К. Фланнери, синтезировавшим результаты исследований на различных высотах примыкающей к Тигру с востока территории⁶¹. Весьма показательным здесь сопоставление в целом синхронных и культурно близких поселков Джармо (предгорья Курдистана, Ирак) и Тепе-Сараба (Иранский Курдистан). Расположенный на высоте 750 м Джармо был стационарным поселком с глинобитными и сырцовыми домами, хозяйственными дворами и печами. Создатели его знали уже домашних козу, овцу и свинью, а также пшеницу и один сорт ячменя. Расположенный же на высоте 1260 м Тепе-Сараб не имел стационарных домов и носил характер временного лагеря (*tent-camp*). Здесь были одомашнены лишь коза и овца, земледелие же не засвидетельствовано ни одной находкой. Возраст скота, согласно остеологическим материалам поселения, показал, что оно заселялось в конце зимы и ранней весной. «Можно предположить,— заключает К. Фланнери,— что стоянка на высоте 1260 м принадлежала сезонным скотоводам, получавшим зерно из оседлых поселений на высоте 750 м⁶². Тесное общение доказывается единством таких категорий материальной культуры, как керамика, кремь, глиняная скульптура⁶³. Короче говоря, ряд элементов культуры здесь едины при различии хозяйственного уклада и образа жизни. Дополнительные сведения дает здесь поселок Али-Кош (Хузистан, Юго-За-

⁵⁸ К. V. Flannery. Указ. соч., стр. 1251.

⁵⁹ «American Anthropologist», vol. 58, 1956, стр. 1079.

⁶⁰ В качестве примера взяты определенные районы Пакистана.

⁶¹ К. V. Flannery. Указ. соч., стр. 1255.

⁶² Там же.

⁶³ Там же; R. Braidwood. Seeking the World's First Farmers in Persian Kurdistan. «The Illustrated London News». October 22, 1960.

падный Иран⁶⁴), который возник как поселок скотоводов, существовал в «определенном симбиозе» с земледельческими поселениями смежных территорий и лишь впоследствии эволюционировал в подобное же поселение. Хузистанская же керамика известна во временных стоянках овцеводов в горах Западного Ирана⁶⁵.

На основании тех же материалов В. М. Массон считает возможным говорить о сосуществовании в выделенном им периоде архаичной экономики как земледельческо-скотоводческих, так и скотоводческо-земледельческих групп⁶⁶, с чем, безусловно, следует согласиться. Взаимодействие между этими группами является одним из важнейших явлений как указанного, так и последующих периодов.

На территории СССР начало производящего хозяйства во всех трех очагах — на юге Средней Азии, в Закавказье и Северо-Западном Причерноморье — представлено раннеземледельческими культурами, причем только для юга Средней Азии можно уверенно говорить о памятниках первого выделенного В. М. Массоном периода (джейтунская культура). Животноводство было, естественно, известно во всех трех очагах уже с момента их сложения. Хозяйство их справедливо рассматривается как земледельческо-скотоводческое при ведущей роли земледелия. Но конкретного сопоставления различных взаимодействующих групп, подобного приведенному выше для Месопотамии, здесь еще проделано не было. Исключение составляет лишь Закавказье, где эволюция общего соотношения двух основных отраслей производящей экономики убедительно выяснена Б. Б. Пиотровским⁶⁷.

Древнейший этап взаимодействия земледельческо-скотоводческих очагов и скотоводческо-земледельческих степных групп пока не освещен. Здесь следует учитывать специфику естественных условий степной полосы. Наличие здесь одомашненных животных в глубокой древности безусловно. Возможно и наличие скотоводческо-земледельческих групп внутри раннеземледельческих очагов; некоторые данные о них имеются, в частности, в Приазовье и Поднепровье (Каменная могила, Сурской о-в)⁶⁸. Но освоение открытой степи стало возможным лишь на значительно более высоком уровне как развития животноводства, так и общего технического развития. Оно началось в период первых этапов древнейшей культуры восточных вариантов и культуры Средний Стог II в Поднепровье. Начало же его ознаменовано новыми формами взаимодействия между земледелием и животноводством.

⁶⁴ F. Hole and K. V. Flannery. Excavations at Ali Kosh. «Iranica Antiqua». Leiden, vol. II (fasc. 2), 1962.

⁶⁵ K. V. Flannery. Указ. соч., стр. 1255.

⁶⁶ В. М. Массон. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. «VII международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР». М., 1966, стр. 155.

⁶⁷ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье; он же. Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. «Историко-филологический журнал», № 3—4. Ереван, 1961, стр. 108—121.

⁶⁸ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 170.

Резко усилилась специализация каждой отрасли, особенно скотоводства. Освоение бескрайних степных пастбищ и переход к подвижным формам открыли перед скотоводством перспективы чрезвычайно широкого территориально бурного и быстрого развития⁶⁹. Экстенсивное в основе своей, подвижное скотоводство было чрезвычайно эффективно в моменты своего подъема. Рост стад непрерывно требовал освоения все новых пастбищных территорий, часто абсолютно не пригодных для земледелия. Прибавочный продукт возрастал здесь значительно быстрее и легче, чем в земледелии рассматриваемой территории, которое при всех своих достижениях было технически, а следовательно, и территориально ограничено и не могло выйти на широкие пространства целинных земель. Равновесие между основными отраслями производящей экономики нарушилось. Территориально и по производительности своей скотоводство получило определенные преимущества перед земледелием. На смену параллельному, комплексному развитию обеих отраслей внутри единых сравнительно ограниченных зон и единых племенных групп пришло создание огромной зоны преимущественного развития скотоводства, подвижные формы которого в значительной мере определяли специфику и расселения, и развития, и культуры населения этой зоны.

Вновь отмечу, что эти явления принципиально близки формам экономики Закавказья в период развития полукошевого — отгонного скотоводства. «Новый вид скотоводства, — пишет Б. Б. Пиотровский, — оторвал его от земледелия, и мы видим, что в начале II тысячелетия до н. э. земледельческие поселения в низинах затухают, жизнь на них прекращается примерно на целое тысячелетие»⁷⁰. В этой связи следует подчеркнуть аналогичное положение в Северо-Западном Причерноморье, где блестящий расцвет раннеземледельческой трипольской культуры сменился все возрастающими изменениями экономики, постепенным сокращением числа поселений и уменьшением их размеров, становлением новых общественных и культурных явлений, обусловленных скотоводческой по преимуществу экономикой. Достаточно четким примером этого являются памятники усатовского типа. Отзвуки указанного процесса в той или иной форме чувствуются и в западном пограничье степной полосы — в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Однако нарушение равновесия между земледелием и скотоводством ни в коей мере не означало прекращения взаимодействия между ними. Но взаимодействие это приобрело новые формы и носило в рассматриваемом случае не внутренний, а внешний характер. Потребность в земледельческих продуктах у древнейших степных скотоводов, естественно, была, тем более что уже в самый период выделения своего они соприкасались с земледельческими обществами. Но крайне ограниченные в собственных земледельческих возможностях, они могли

⁶⁹ В. М. Даниленко, М. М. Шаглый. Про один поворотний момент в історії неолітичного населення Південної Європи. «Археологія», 1972, № 6, стр. 3—20.

⁷⁰ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, стр. 6.

получать эти продукты лишь от иных, собственно земледельческих групп. Естественно, процесс этот протекал в различных формах.

Первой формой был издревле существовавший обмен, который доказывается появлением древнеямных племен на границах земледельческих областей и рядом специфических находок в этих областях (трипольские и даже балканские вещи в древнеямных памятниках, древнеямные в трипольских и т. д.). При этом объектами обмена со стороны древнеямных племен могли быть не только продукты скотоводства, но и металлические изделия, поскольку эти племена соприкасались с рядом центров металлургии и металлообработки (Кавказ), овладевали некоторыми из них (Южное Приуралье) и далеко разносили продукты их деятельности (своего рода посреднический обмен). Уже в древнеямное время началось широкое распространение изделий из характерной кавказской мышьяковистой бронзы. Металлообработка и литье меди были известны и самим древнеямным племенам⁷¹.

Второй несомненно существовавшей формой был военный захват. Он доказывается прямыми следами далеких вклинений древнеямных племен в глубь инокультурных земледельческих территорий, прежде всего в Северо-Западное Причерноморье, в Придунавье и на Балканы⁷². При этом имеются в виду отдельные разновременные вторжения (хотя иногда и значительного масштаба), а не единое тотальное нашествие, постулируемое иногда в научной литературе⁷³.

Наконец, третьей формой было оседание части древнеямных племен на землю в пограничье раннеземледельческих центров и развитие ими под влиянием последних собственного земледелия, т. е. своего рода возвращение к внутреннему взаимодействию. Еще раз подчеркну, что весьма большое значение имело при этом распространение земледельческих навыков на огромные территории, явившиеся одним из этапов процесса, подготовившего значительное расширение земледельческой ойкумены и в будущем — подъем земледелия уже на новой технической основе. В этом процессе следует учитывать определенную роль и древнеямных племен. Но у них самих рассматриваемая форма — развитие собственного земледелия — получила лишь весьма ограниченное распространение. Основным на протяжении всей истории древнеямных племен оставалось подвижное скотоводство, экстенсивное в своей основе, и это обусловило экономическую слабость древнеямных племен и эфемерность их социальных образований.

⁷¹ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, стр. 72.

⁷² В. М. Даниленко, М. М. Шагалий. Про один поворотный момент..., стр. 19.

⁷³ Об этом см.: Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105, 1965.

ВОПРОСЫ СЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Постановка вопроса

Вопрос о происхождении «древнеямной культуры» рассматривался неоднократно и вызвал уже определенную дискуссию. В. А. Городцов рассматривал эту «культуру» как порождение первой из трех основных миграционных волн, прокатившихся в бронзовом веке через южные степи¹. А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий самое понятие «древнеямной культуры» не принимали, а соответствующие памятники включали в первый этап беспрерывного и сугубо местного социально-экономического развития родового общества степей Восточной Европы². О. А. Кривцова-Гракова восстановила это понятие в своих правах, но в самой «культуре» также видела прежде всего результат автохтонного развития населения Волго-Днепровского междуречья³. Эту же мысль развивал и неоднократно подчеркивал И. В. Синецын⁴, а Д. Я. Телегин конкретизировал ее и привел определенные доводы в пользу сложения «древнеямной культуры» на основе неолитических днепро-донецких традиций Левобережной Украины, взаимодействовавших с местными же степными элементами типа Среднего Стога II⁵.

С другой стороны, была возрождена мысль В. А. Городцова о миграционном характере появления основных древнеямных элементов. Еще в 1933 г. Т. Сулимирский писал о движении древнеямных племен из Приазовья на запад⁶. Позднее ряд других ученых, и прежде всего М. Гимбутас, представили это движение в значительно более широком

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. «Труды XII АС», т. I. М., 1905, стр. 170 сл.

² А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. М.—Л., 1935.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культур. «Труды ГИМ», вып. VIII, 1938; она же. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955.

⁴ И. В. Синецын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. КСИА, вып. 7. Киев, 1957; он же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960; он же. Древние памятники Саратовского Заволжья. «Археологический сборник». Саратов, 1966.

⁵ Д. Я. Телегин. Энеолитические поселения и могильник у хутора Александрия. КСИА, вып. 9. Киев, 1960, стр. 20.

⁶ Т. Sulimirski. Die schnurkeramischen Kulturen und das indoeuropäische Problem «La Pologne en VII Congress-Internat. des Sciences Historiques». Warschau, 1933.

историческом плане. В 1957 г. я указал на необходимость учета в процессе происхождения «древнеямной культуры» и более восточных — среднеазиатских — элементов⁷. Эта же мысль была подчеркнута К. Ф. Смирновым⁸, а В. Н. Даниленко определили конкретные восточные элементы в «древнеямной культуре» и выделил ряд этапов их движения и взаимодействия с местными культурами Волго-Днепровского междуречья⁹.

Однако сама активизация разработки этой проблемы закономерно привела большинство исследователей к выводу о невозможности однозначного ее решения, о необходимости учета локального своеобразия культуры конкретных групп древнеямных племен, а следовательно, и выяснения причин этого своеобразия для каждого такого случая. Это правильно подчеркнуто О. Г. Шапошниковой¹⁰. Она справедливо указывает, что «... при дифференцированном понимании ямной культуры... не может быть единого решения, объясняющего появление ее на Волге и Днепре, на Урале и в Поднепровье. В каждом из этих районов происходил свой характерный процесс сложения ямной культуры, а потому и вопрос ее происхождения для каждого района должен решаться особо»¹¹. Что касается древнеямной культуры Нижнего Поднепровья, то О. Г. Шапошникова вслед за Д. Я. Телегиным видит в ней результат взаимодействия двух основных местных компонентов: днепродонецкой неолитической культуры и местной степной культуры Среднего Стога II при преобладании последней и даже ассимиляции ею части «днепродонецкого населения». «По нашему мнению, — пишет О. Г. Шапошникова, — две вышеназванные культурные группы и приняли основное участие в сложении древнеямной культуры на Днепре»¹².

Сравнение основных данных обряда древнеямных погребений на Волге, Северском Донце и Днепре, произведенное в 1958 г., показало заметные различия между этими районами в основных этнографических признаках и заставило меня усомниться в единстве происхождения культуры этих областей¹³. Позднее я писал: «На всей своей огромной территории эта культурная область сформировалась в результате длительного взаимодействия различных культур и различных племенных групп. Большую роль в этом процессе сыграло определенное культурное единство, наметившееся на этой территории еще в «до-ямную» эпоху, начиная с мезолита. Это единство определило близкие пути развития культур, а возможно, и этническую близость создавших их пле-

⁷ Н. Я. Мерперт. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957, стр. 7.

⁸ К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 235.

⁹ В. М. Даниленко. Сложение древнеямной культуры в освещении современных археологических данных. Доклад на пленуме ИА АН УССР в 1959 г. Научный архив ИА АН УССР; он же. Неолит Украины. Киев, 1970, стр. 255 сл.

¹⁰ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Михайлівське поселення. Київ, 1962, стр. 192.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 194.

¹³ Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 58 сл.

менных групп. Но наряду с этим должно быть учтено и распространение... специфических культурных явлений, которые можно считать «собственно ямными» и которые не могли возникнуть одновременно на всей территории культурно-исторической области у различных племенных групп. Для возникновения этих явлений следует определить более узкую территорию и конкретную племенную группу¹⁴.

В основном я и ныне придерживаюсь той же постановки вопроса. В этом плане хотел бы добавить лишь следующее. Вопросы происхождения ни одной из больших культур не могут быть решены однозначно, ибо каждая из них является результатом сложного взаимодействия различных элементов; в ходе этого процесса роль одних элементов уменьшается, других возрастает, одни оказываются полностью поглощенными, другие возрождаются, третьи — ранее неизвестные — появляются впервые и активно включаются в процесс¹⁵. Процесс этот, если речь не идет о выпадающих из общей закономерности изолированных обществах, перманентен, он продолжается вместе с развитием человеческого общества, любое разграничение его глубоко условно. И только условной может быть и постановка вопроса о происхождении той или иной большой культуры, ибо каждая из них, строго говоря, не имеет ни начала, ни конца, а знаменует лишь отмеченный определенным своеобразием этап непрерывного и в то же время постоянно меняющегося процесса. Процесс бесконечно многообразен. Он подчинен основному закону диалектики: в нем борются противоположные тенденции, сочетаются центробежные и центростремительные явления, взаимодействуют пережиточные, трансформированные и новые элементы. Изучение такого процесса предполагает прежде всего учет максимального числа взаимодействующих явлений и определение доли каждого из них на конкретном этапе. Попытки же найти единый «корень», единого «предка» данной культуры могут привести лишь к созданию схемы, оторванной от подлинного исторического процесса, далекой от его сложности и многообразия.

Особенно это следует учитывать при изучении таких сложных, столь протяженных и во времени и в пространстве явлений, как древняя культура исторической области. Уже сами размеры территории ее исключают возможность сколько-нибудь полного культурного единства. Сколь бы заметно ни возросла плотность заселения этой территории в древнюю эпоху, что уже отмечалось выше, ряд районов ее был заселен значительно ранее. Сложившиеся здесь общества прошли длительный путь исторического развития. И ни сами они, ни выработанные ими традиции не исчезли и не могли исчезнуть бесследно с появлением новых экономических, социальных, а может быть, и этнических факторов, определивших создание древней культуры исторической области. Они продолжали существовать, влияние их после первоначальной «древней нивелировки» в ряде случаев возрождалось и усиливалось, неизбежно обуславливая возрастание локальных

¹⁴ Н. Я. Мерперт. Энеолит степной полосы..., стр. 170—171.

¹⁵ В этом плане я вполне солидаризируюсь с С. Н. Бибиковым (см.: «К 50-летию археологической науки на Украине». СА, 1967, № 3, стр. 71—72).

различий между конкретными районами. Эти различия усиливались и благодаря отнюдь не единообразному характеру связей конкретных вариантов. Само территориальное положение Нижне-Днепровского и Юго-Западного вариантов предопределило тесные и многообразные как по формам, так и по результатам связи их с балкано-дунайским культурным очагом, а Средне-Днепровского и Северо-Западного вариантов с культурами Центральной Европы. В глубинных степных вариантах связи с этими областями проявлялись, естественно, значительно менее активно или отсутствовали совсем, но там резко усиливаются связи с кавказским (Предкавказский, Донской варианты) и среднеазиатским (Волжско-Уральский вариант) культурными очагами.

Значительная хронологическая протяженность, особенно при учете динамики исторического процесса в условиях степной полосы, столь же неизбежно приводила к определенным изменениям как внутри конкретных вариантов, так и в соотношении между последними и в роли каждого из них в общей истории культурно-исторической области. Менялись основные центры ее, оказывавшие определяющее воздействие на значительные территории. Менялись направления этих воздействий. Неоднократно и также в различных направлениях и с различных исходных территорий происходили перемещения больших племенных групп. Наконец, эволюционный процесс, закономерный при столь длительном периоде существования, в различных вариантах шел отнюдь не единым путем и не при едином составе взаимодействующих компонентов. В этой связи особо подчеркну своеобразие развития Нижне-Днепровского варианта, обусловленное оседанием определенной части скотоводов, освоением земледелия и формированием цепи стационарных поселений, а также значительные различия между этим вариантом и Волго-Уральским или Предкавказским вариантами, где развитие шло по линии усиления подвижного характера скотоводства.

В этом аспекте история древнеямной культурно-исторической области предстает как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племенных групп Каспийско-Черноморских степей. Каждая из них отмечена определенным своеобразием. Вопрос о происхождении каждой группы и ее культуры должен решаться особо.

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторую же составляют те общие элементы, которые проявляются по всей культурно-исторической области и обуславливают само ее выделение. Превращение их в определяющий фактор знаменует начало этапа, а утеря ими этой роли — конец его. Именно эти общие элементы и позволяют выделять древнеямный этап в истории населения восточноевропейских степей. К числу их следует отнести прежде всего такие важнейшие этнографические признаки, как погребальный обряд, а также формы и орнаментацию керамики. Определенная нивелировка обряда, естественно, далеко не полная, но все же достаточно четкая отмечается с появлением древнеямных племен по всей территории культурно-исторической области. Распространение нового обряда при резком сокращении или исчезновении различных предшествующих форм свидетельствует об установлении

внутреннего ритуального единства среди значительной части населения области. Оно сочетается с распространением близких керамических форм и орнаментальных систем, причем и здесь близость особенно четко выражена на наиболее раннем этапе. В дальнейшем и обряд и керамика эволюционируют в соответствии со своеобразием развития конкретных территориальных вариантов, но определенные элементы общности сохраняются, а периоды нарастания различий сменяются периодами новой нивелировки. При этом следует отметить особую стабильность Волжско-Уральского варианта, где архаические, изначальные древнеямные традиции сохраняются без принципиальных изменений на протяжении многих веков. Это касается прежде всего погребального обряда. В этом отношении данный вариант является наиболее цельным, компактным и единообразным.

Показательно, что весьма ограниченные пока антропологические данные полностью согласуются с таким заключением. Уже первые — очень небольшие — серии черепов из древнеямных погребений Поволжья привели Г. Ф. Дебеца к выводу об однородности серий и безусловной принадлежности их к европейскому расовому стволу¹⁶. Последнее подтверждено и дальнейшими исследованиями материалов этой территории¹⁷. Для других же вариантов древнеямной культурно-исторической области специалисты подчеркивают некоторое разнообразие антропологических типов в пределах европеоидного типа и отличия их от волжских материалов. Так, с одной стороны, для некоторых черепов из древнеямных погребений Приазовья и Нижнего Поднепровья отмечено сходство с неолитическим населением порожистой части Днепра¹⁸. С другой стороны, подчеркиваются отличия общей серии неолитических черепов Надпорожья и Приазовья от древнеямных¹⁹. Все это позволило Б. В. Фирштейн указать, что «по-видимому, отдельные (древнеямные.— Н. М.) племена... сложились из разных расовых групп европеоидного ствола».

Пока можно лишь констатировать намечающиеся в антропологических исследованиях выводы о единстве населения Волжско-Уральского варианта и о сложном характере населения культурно-исторической области в целом, о сочетании распространения единых групп с включением в процесс местного населения различных областей.

¹⁶ Г. Ф. Дебец. Материалы по антропологии СССР. Нижнее Поволжье. «Антропологический журнал», 1936, № 1, стр. 65—80; *он же*. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 102—109.

¹⁷ М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955; В. В. Гинзбург. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья. МИА, № 60, 1959, стр. 525; Н. М. Глазкова, В. П. Чтецов. Палеоантропологические материалы Нижне-Волжского отряда Сталинградской экспедиции. МИА, № 78, 1960, стр. 285; Б. В. Фирштейн. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. «Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 102—105, 140.

¹⁸ М. М. Герасимов. Указ. соч.; В. Л. Вуич. Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона. МИА, № 62, 1962.

¹⁹ И. И. Гохман. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. Автореф. канд. дисс. Л., 1963.

Таким образом, при разработке проблем сложения и истории древнеямной культурно-исторической области следует в равной мере учитывать и конкретное своеобразие каждого варианта, и общие объединяющие моменты, а также периоды и условия как культурной интеграции, так и культурной дифференциации.

2. Основные факторы формирования культурно-исторической области

В самом общем плане могут быть выделены следующие факторы, обусловившие культурную интеграцию на огромной территории и формирование древнеямной культурно-исторической области.

Первый фактор территориальный. Степная полоса, до освоения своего весьма труднопреодолимая, разделявшая и изолировавшая отдельные человеческие группы, с появлением подвижного скотоводства превратилась в важнейший объединяющий фактор. Бескрайние открытые пространства создали возможности тесного общения многочисленных человеческих групп, чрезвычайно быстрого и далекого распространения культурных достижений, производственных навыков, традиций, обрядов, а следовательно, и формирования культурных общностей, по размерам своим значительно превосходившим любые общности других ландшафтно-климатических зон.

Сходные в целом (несмотря на своеобразие отдельных областей) условия степи способствовали восприятию этих достижений, а также конвергентному возникновению близких или легко сближающихся в процессе связей культурных явлений. Но это были лишь необходимые естественные условия. Реализация их связана с последующими факторами, определенными уже развитием самого общества.

Второй фактор — экономический. На нем я останавливался в предшествующей главе. Главным содержанием этого фактора является расширение производящей экономики на огромные новые территории и выработка новых ее форм. Здесь должно учитываться своеобразие развития конкретных вариантов, но основным определяющим моментом в хозяйственной системе всей культурно-исторической области был доминант скотоводства. Подвижные формы последнего явились одним из важнейших факторов, обусловивших реализацию естественных возможностей степной полосы, т. е. реализацию первого фактора. С ними связаны распространение единых экономических интересов и сходных форм экономики, которые при наличии активных контактов явились важным условием выработки и восприятия близких культурных форм. С ними же связано и прямое — уже подчеркнутое выше — распространение этих форм. Развитие подвижного скотоводства и освоение глубинных районов степной полосы обусловили быстрый рост человеческих коллективов, активные контакты между ними и распространение их на значительных пространствах. Характер и темп этого распространения заметно отличались от соответствующих явлений в земледельческих обществах с их постепенной интенсификацией хозяйства и постепенным

же, медленным, но прочным освоением новых пахотных участков, созданием новых заселенных районов и новых вариантов культуры, все более изменяющихся по мере удаления от исходной территории.

Экономический же фактор предопределил и направления передвижений скотоводческих групп. Здесь должны быть учтены два момента: позитивный и негативный. Позитивный составляют рост стад, необходимость в новых пастбищах, в том числе в зимних пастбищах южных районов, освоение их и борьба за них. Негативный составляют явная недостаточность (или полное отсутствие) собственных сельскохозяйственных продуктов, необходимость в них и связанное с этим стремление к контакту с сельскохозяйственными областями. Одной из форм последнего был, как уже отмечалось выше, военный захват. Воинственность подвижных скотоводческих групп, характерная для всех периодов их истории, обуславливается борьбой за пастбищные территории, борьбой за источники металлов, а более всего — слабостью собственной экономической базы, экстенсивностью (несмотря на первоначальный эффект) и нестабильностью ее, необходимостью пополнения ее жизненно необходимыми продуктами, прежде всего сельскохозяйственными.

Ныне известны свидетельства весьма далеких продвижений древнеямных племен в глубь густозаселенных инокультурных территорий — вплоть до Нижнего Подунавья и Северо-Восточной Болгарии²⁰. Такие далекие предприятия так же, как и борьба за пастбища, были не под силу отдельным разрозненным группам: они требовали согласованных действий ряда коллективов и, следовательно, создания крупных объединений. А такие объединения должны были сыграть значительную роль и в самом процессе формирования древнеямной культурно-исторической области. Это связано уже со следующим фактором, касающимся вопросов общественной структуры древнейших степных скотоводов.

Третий фактор — социальный. Фактические свидетельства структуры древнеямных коллективов крайне ограничены ввиду незначительного числа поселений и безынвентарности большинства погребений. Здесь приходится использовать косвенные свидетельства, а также заключения, построенные на данных общего характера. Но в ряде случаев такие общие заключения удается согласовать и с достаточно конкретными данными. Отмеченные выше прямые свидетельства далеких, скорее всего военных походов древнеямных племен не позволяют видеть в них небольшие разрозненные охотничье-рыболовецкие группы с господством матриархальных отношений, что постулировали в свое время А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий²¹. Не соответствуют такому заключению и фактические данные топографии и численности курганных групп с основными древнеямными погребениями. Указу в этой связи цепь крупных курганных групп, с небольшими интервалами (10—15 км) тя-

²⁰ Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. КСИА, вып. 105, 1966.

²¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество...

нущихся в Волжском левобережье от Ленинска до Быкова и далее до Энгельса, т. е. на протяжении более 200 км. Это уже фактически засвидетельствованное крупное скопление, отнюдь не вяжущееся с разрозненными маленькими группами. И такие скопления могут быть указаны во всех территориальных вариантах: группы близ Элисты в Калмыкии, низовья Дона, долина Молочной, район Перекопа, Никопольский район, Тираспольские курганы и др. Размеры групп также в ряде случаев весьма велики, а скопления их дают многие десятки древнеямных погребений (свыше 80 таких погребений открыты в курганах близ Элисты, свыше 200 — на сравнительно небольшой территории Нижнего Дона, свыше 200 — в Никопольском районе и т. д.). Положение об охотничье-рыболовческом характере разрозненных маленьких групп не требует особых опровержений: против него говорят все известные ныне и частично рассмотренные выше факты. А между тем именно утверждения о «низком уровне производительных сил», о фактическом отсутствии у древнеямных племен производящих видов хозяйства служили основанием для априорного вывода о господстве у них матриархальных отношений.

Ныне, как известно, не без оснований ставится под сомнение господство матриархальных отношений в раннеземледельческих обществах, в том числе в трипольской культуре. Что же касается обществ с преимущественным значением скотоводства и особенно подвижных его форм, то, за единичными исключениями, с самого начала своего развития они связаны с патриархальными отношениями. Рост скотоводства способствовал окончательному их установлению²², и именно кочевые скотоводческие общества являют классические образцы патриархата в его наиболее резких формах (арабы, монголы и др.). Можно не сомневаться в том, что сам процесс выделения древнейших специфически скотоводческих групп, переход их к подвижным формам скотоводства и начало освоения ими открытых степных пространств были связаны с развитием патриархальных отношений. В полной мере это касается и племен древнеямной культурно-исторической области.

В целом я считаю совершенно справедливым заключение Е. Ф. Лаговской и И. О. Шапошниковой, сделанное на основании материалов Михайловского поселения: «... На их основе можно с уверенностью говорить о племенах ямной культуры как об обществе, в хозяйстве которого скотоводство играло уже основную роль при несомненном значении и земледелия. Это общество было способно к сооружению мощных оборонительных сооружений, что могло быть достижимым лишь при условии концентрации усилий большого родового или племенного коллектива, находившегося под властью мощной патриархальной племенной верхушки. Вряд ли может вызвать возражения тот факт, что племена, знавшие развитое скотоводство и земледелие, вели широкий обмен и способны были отбивать нападения вражеских племен, имели достаточно высокую общественную организацию патриархального типа.

²² Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. стр. 7 сл.

Найденные на Михайловском поселении две каменные булавы в известной мере, возможно, могут рассматриваться как свидетельство выделения такой племенной верхушки»²³.

Однако эта характеристика дана на основании материалов сравнительно позднего памятника, да еще входящего в группу нижнеднепровских поселений, специфику и особое место которых среди древнейших памятников следует подчеркнуть особо. История же древнейшей культурно-исторической области охватывает более тысячелетия, за этот период, естественно, не остаются неизменными ни экономика, ни социальный строй составлявших ее групп. К тому же большинство последних не знало ни оборонительных сооружений, ни стационарных поселений вообще. В какой же мере приведенную характеристику можно считать справедливой для более ранних периодов и прежде всего для периода сложения культурно-исторической области?

Полагаю, что в основных своих моментах она остается в силе. В пользу этого могут быть приведены как соображения общего порядка, так и конкретные факты. К числу первых отнесу общую застойность социальных явлений в подвижных скотоводческих обществах, большую длительность их существования при минимальных и крайне медленных изменениях. К их же числу должны быть отнесены и приведенные выше соображения о необходимости крупных, согласованно действующих объединений при освоении обширных степных пространств, борьбе за пастбища и далеких вторжениях. А эти явления имели место уже в период сложения древнейшей культурно-исторической области и, более того, обуславливали этот процесс. Фактическими свидетельствами являются уже отмеченные выше топография и численность древнейших курганов с погребениями наиболее ранних групп, а также наличие столь же ранних курганов далеко в глубине инокультурных территорий (примерами могут служить тираспольская группа и древнейшая группа скорченных и окрашенных погребений румынского Подунавья). Тут уж можно говорить о конкретных данных. И к числу их следует прибавить один из основных объединяющих признаков древнейших племен — курганный обряд.

Большие земляные холмы, а часто и значительно более сложные сооружения, лишь остатки которых дошли до нас в виде курганов²⁴, возникли как погребальные памятники степных скотоводческих племен. В период своего возникновения они связаны с однообразием ровных пространств, частыми перемещениями, отсутствием стационарных поселков и обусловленным этим психологическим моментом — стремлением разбить однообразие, всемерно выделить и сделать видимыми отовсюду последние стоянки своих соплеменников. В этом отношении курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего

²³ О. Ф. Лагодовська, О. Г. Шапошникова, М. Л. Макаревич. Указ. соч., стр. 161.

²⁴ М. П. Грязнов. Курганы как архитектурный памятник. «Тезисы докладов на заседаниях сессии Отделения исторических наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований Института археологии и Института этнографии в 1960 г.». М., 1961, стр. 22—25.

поселка, даже своего дома²⁵, а если и выносились за их пределы, то оставались вблизи стационарного поселения на стационарном же некрополе и не требовали столь специфических памятников. Впоследствии курганы распространились и в других ландшафтных зонах и в других обществах. Но это было позднее и обусловлено различными причинами. Единой закономерности здесь нет. В степи же курганы являются определенной закономерностью, обусловленной и естественными и психологическими предпосылками. Здесь курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами: от древнеямных до половецких и татарских — во времени, от монгольских на востоке до паннонских на западе и южнубийских на юге — в пространстве.

И в свете имеющихся ныне данных древнеямные курганы могут считаться древнейшими, с них начинается тысячелетняя степная традиция. Потому сами они могут рассматриваться как свидетельство сложения специфически степного скотоводческого хозяйства, специфически степных крупных патриархальных коллективов, специфически степной психологии.

Но курган, кроме того, достаточно большое и трудоемкое земляное сооружение, включавшее первоначально в ряде случаев не только земляные, но и каменные и деревянные конструкции.

Следует учитывать, что до нас дошли лишь остатки их, подвергавшиеся длительным и разнообразным разрушительным воздействиям (выветривание, дожди, вешние воды, распашка и пр.). Восстановление первоначальных размеров их возможно далеко не всегда, и часто оно требует увеличения сохранившихся²⁶. И более всего, естественно, это касается древнейших курганов. Само создание таких конструкций, как и сооружение зачастую весьма глубоких и обширных ям, требовало усилий значительных коллективов и является еще одним свидетельством их существования с самого начала выделения древнеямных племен.

Я полностью присоединяюсь к убедительному определению курганов, данному А. А. Формозовым.

«В невзрачные бугры, — пишет А. А. Формозов, — сохранившиеся кое-где среди пахоты, в далеком прошлом был вложен колоссальный труд, не уступающий по объему труду строителей дольменов. Надо было поднять тысячи кубометров земли, а подчас доставить за десятки километров камни для кромлеха. Видимо, погребальным обрядам в идеологии ямных племен придавалось такое же большое значение, как и в Египте и в мегалитических культурах Европы и Кавказа.

Первые курганы поднялись над степью примерно в то же время, когда на Ниле воздвигали древнейшие пирамиды, в Бретани устанавливали первые ряды огромных вертикально вкопанных камней — менги-

²⁵ Иерихон в Палестине, Чатал-Гуюк в Южной Турции, Тель эс-Савван в Центральном Ираке, Сялал I в Центральном Иране, раннеземледельческие поселения Южной Туркмении, раннетрипольские поселения и многие другие.

²⁶ Я, естественно, имею в виду первоначальные поверхности, а не перекрывшие их позднейшие присыпки.

ров, а на Черноморском побережье Кавказа ломали плиты для самых ранних дольментов. Одновременное возникновение всех этих монументальных архитектурных сооружений не случайно. Это результат распространения одной и той же идеи — идеи надгробия, памятника умершему, по-разному воплощенной в разных районах. Такая идея — плод определенной и уже весьма высокой стадии общественного развития»²⁷.

Следует учитывать, что племенные объединения в скотоводческом обществе носят временный, эфемерный характер. Наряду с ними частые перемещения и быстрый рост прибавочного продукта обуславливают усиление отдельных единиц внутри этих коллективов, переход основных средств производства — скота — в руки отдельных патриархальных семей, что создает предпосылки для возрастающей имущественной дифференциации²⁸. В близкие периоды бронзового века это находит достаточно яркое археологическое выражение в резко выделяющихся своим богатством комплексах типа Кубанских курганов. Наиболее показателен здесь знаменитый Майкопский курган, синхронный рубежу выделенных выше первого и второго древнеямных этапов. Следует подчеркнуть, что судьбы майкопских и древнеямных племен в ряде районов тесно переплетались (Предкавказье, Подонье, Крым), в их экономике и культуре много общих черт, а их археологические памятники оставлены коллективами, весьма близкими по своей социальной характеристике. Здесь не место для подробной разработки этого тезиса, но достаточно отметить и поразительную близость погребального обряда у обеих культурных групп, и сходство их поселений (Мешоко — Михайловка), и близость экономической базы, и засвидетельствованные рядом конкретных форм майкопские влияния на древнеямные племена смежных территорий (металл, керамика), и, наконец, наличие смешанных вариантов в указанных районах. Между тем памятники как позднего (курганы у станицы Новосвободной), так и раннего (Майкопский курган) этапов майкопской культуры с полной определенностью и весьма ярко свидетельствуют о наличии у их создателей далеко зашедшей имущественной дифференциации. Подчеркну, что эти курганы являются первыми звеньями в той серии памятников, которые характеризуют именно скотоводческие общества с резко выделившейся племенной, а позднее и классовой верхушкой.

К аналогичному выводу приводят и материалы Закавказья. «У отдельных, богатых скотом племен,— пишет Б. Б. Пиотровский,— накапливаются богатства, становящиеся средством обмена, что приводит к укреплению связей с соседними Закавказью странами Древнего Востока. Наиболее богатое племя выдвигается во главу союза племен, приобретает особое положение. Имущественное неравенство начинает оформляться и внутри самого племени, так как крупные материальные ценности, полученные путем обмена, скопляются в руках вождей племен

²⁷ А. А. *Формозов*. Памятники первобытного искусства. М., 1966, стр. 88—89.

²⁸ В. П. *Шилов*. Происхождение кочевого скотоводства в Восточной Европе. «Тезисы доклада на заседании сектора Средней Азии и Кавказа». Л., 1965; О. Ф. *Лагодовская*, О. Г. *Шапошникова*, М. Л. *Макаревич*. Указ. соч., стр. 182.

и их родов, что четко отражается в роскоши и богатстве отдельных погребений»²⁹.

Древнеямные племена наиболее раннего периода стояли у истоков этого процесса, а территориально были значительно удалены от центров Древнего Востока. Естественно поэтому, что имущественная дифференциация не могла у них достигнуть подобной степени и получить подобное археологическое отражение. В целом древнеямные погребения не содержат свидетельств наличия резко выделяющихся своим богатством семей. Но при этом следует учитывать и особенности ритуала: общую безынвентарность большинства древнеямных погребений раннего периода. На этом этапе любой инвентарь выделяет погребение из числа остальных. К этому следует прибавить и такие данные, как размеры кургана и ямы, а некоторые — очень редкие — находки могут рассматриваться как инсигнии власти племенных вождей. Я имею в виду зооморфные каменные «скипетры», связанные с одной из ранних древнеямных групп. И недаром они являются как бы вехами, отмечающими широкое продвижение степных скотоводческих объединений, возглавлявшихся такими вождями, далеко на запад. Такие продвижения, обусловленные отмеченными экономическими и социальными факторами, должны были явиться одним из значительных условий самого формирования древнеямной культурно-исторической области.

Последние годы рядом исследователей степной полосы и смежных с ней территорий высказано предположение о весьма раннем развитии всадничества, о наличии его здесь уже в III тысячелетии до н. э., а может быть, и раньше (В. Н. Даниленко, Н. М. Шмаглий, Д. Я. Телегин, В. Г. Збенович). Полагаю, что к этому предположению следует отнестись с определенным вниманием, несмотря на то, что отсутствие безусловных данных не позволяет решить вопрос окончательно. Напомню в этой связи, что еще Е. Ю. Кричевский называл усатовские племена «конными овцеводами»³⁰. Что же касается прочно укоренившейся традиции, согласно которой всадничество появилось лишь в начале II тысячелетия до н. э., когда его впервые фиксируют древневосточные письменные источники, то она требует решительного пересмотра, подобно всем традициям, не учитывающим весьма раннее (в свете новых данных) появление и развитие производящего хозяйства.

Таковы, как я полагаю, самые основные, обобщенные факторы, обусловившие формирование древнеямной культурно-исторической области. Естественно, наряду с ними этот многогранный и сложный процесс был определен и рядом прочих условий. Упомяну еще два из них, представляющихся мне достаточно значительными.

Первым было определенное единство, объединявшее значительную часть степной полосы еще в мезолите. Это единство качественно отличалось от древнеямного, не носило столь многостороннего внутреннего характера и не отражало указанных выше экономических и соци-

²⁹ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, стр. 7.

³⁰ Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры. МИА, № 2, 1941, стр. 250.

альных факторов, позволяющих рассматривать древнеямную эпоху как принципиально новый этап в заселении и истории степной полосы. И все же исследования многочисленных мезолитических стоянок показали, что в мезолите Левобережная Украина, Приазовье, Крым, Кавказ, Волжско-Уральское междуречье и Прикаспий входили в зону распространения «геометрических микролитов», отличаясь этим от более западных областей Восточной Европы и от лесной зоны, где подобные формы микролитов либо не представлены совсем, либо крайне редки и являются результатом проникновений с юга³¹. Наиболее ранними районами распространения «геометрических микролитов» в свете известных сейчас данных можно считать Южный и Восточный Прикаспий и Кавказ. На Северном Кавказе наиболее показательные формы сегментов и трапеций появляются с самого начала мезолита (Сосуко, Губский Навес VII)³², а более ранние формы (вытянутые сегменты, треугольники, четырехугольные пластины) в Закавказье известны уже в финальных памятниках верхнего палеолита (Гварджилас — Қлдэ)³³. По меньшей мере с начала мезолита оригинальные, а затем и традиционные формы сегментов и трапеций появляются в пещерах Южного (Гар-и-Камарбанд)³⁴ и Восточного (Джебел, слой VII и ранее, Дам-Дам-Чешме 2)³⁵ Прикаспия. Эти факты заставляют с особым вниманием отнестись к очень ранним связям степных племен с югом и юго-востоком, к возможности как влияний и диффузий, так и прямых передвижений значительных человеческих групп в степь из районов Кавказа и Прикаспия. В основе отмеченного для мезолита относительного единства могли лежать единые исходные территории и единые пути движения этих групп, а также определенные связи, не столь активные в условиях неосвоенных еще степных пространств, но все же довольно регулярные, особенно в речных долинах. Трудно пока конкретно судить о внутреннем содержании и прежде всего об этническом содержании этого единства, охватившего огромную территорию, различные ландшафтные зоны и, безусловно, различные человеческие группы. Но само единство (при всей своей относительности) сомнений не вызывает, а следовательно, не вызывают сомнений и внутренние связи, определившие это единство и отличающие зону «геометрических микролитов» от смежных зон.

Что касается специально Волжско-Уральского междуречья, то здесь комплексы геометрических микролитов представлены прежде всего на упоминавшихся уже «дюнных стоянках» Поволжья, оставленных «древнеямным» охотничье-рыболовческим населением этой области.

³¹ А. А. Формозов. Древние историко-этнографические области европейской части СССР. СЭ, 1958, № 5; *он же*. Этнокультурные области на территории СССР в каменном веке. М., 1959.

³² А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965.

³³ С. Н. Замятнин. Верхний палеолит Имеретии. «Труды Музея антропологии и этнографии», новая серия, вып. 17, 1957.

³⁴ С. Сооп. Seven caves. London, 1957.

³⁵ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен. «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, вкладная таблица; Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, № 2.

Вхождение этих стоянок в зону геометрических микролитов совершенно закономерно: с Северным Причерноморьем и Кавказом Поволжье было связано, начиная с появления в нем древнейшего человека³⁶. Наличие определенных элементов культурной близости мезолитического и неолитического населения этой зоны сыграло, несомненно, важную роль в процессе культурной интеграции, приведшей к созданию древнейшей культурно-исторической области. Следует отметить, что зона геометрических микролитов распространялась и к востоку от Волги. Особенно важно, что и в Оренбургских степях, в пойме р. Киндели, К. Ф. Смирновым были открыты «дюнные стоянки» с микролитическими орудиями³⁷. Южнее зона охватывает северный, восточный и южный Прикаспий. В целом она является как бы промежуточной между южной зоной с ее древнейшими очагами производящего хозяйства и северной лесной зоной охотничье-рыболовческого неолита. Соприкосновение с первой, безусловно, оказывало заметное воздействие на промежуточную зону: здесь можно говорить о восприятии ряда южных элементов (в том числе и самих микролитов). На вторую она воздействовала сама, но различия в производственных традициях оставались здесь весьма значительными. Хорошо изученные ныне мезолит и неолит основных территорий Среднего Поволжья³⁸ резко отличаются от памятников соответствующих периодов Нижнего Поволжья. Комплекс же геометрических орудий с наибольшей полнотой представлен на крайнем юге Поволжья: в Северо-Западном Прикаспии, на Ахтубе, в низовьях Узеней, на окраинах Волгограда³⁹. В более северных районах Нижнего Поволжья стоянки, сохраняя тот же общий характер геометрического инвентаря, содержат комплекс не в столь полном виде: отдельные формы выпадают или представлены меньшим числом разновидностей. Последнее явление выступает еще более рельефно на территории Среднего Поволжья. Здесь, в районе Самарской Луки и севернее, вплоть до Камы и Белой, также известны стоянки с микролитическим инвентарем, число которых заметно увеличено за последние годы работами А. Х. Халикова и М. Г. Косменко. Сейчас можно говорить о наличии здесь и безусловно мезолитических местонахождений с микролитическими орудиями (III Тетюшская, Косяковская, VII Нижне-Марьяновская, VIII Атабаевская стоянки и др.) и неолитических, число которых достигает ныне 14

³⁶ С. Н. Бибиков. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита. СА, 1959, № 4, стр. 20; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 40—42.

³⁷ К. Ф. Смирнов. Отчет о полевых исследованиях в Оренбургской обл. в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 2927.

³⁸ А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; М. Г. Косменко. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье. СА, 1972, № 3, стр. 3—17.

³⁹ Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Труды Нижневолжского общества краеведения», вып. 36, ч. I. Саратов, 1929; И. В. Синицын. Кремневые орудия с дюнных стоянок Калмыцкой области. «Известия Нижневолжского института краеведения», т. IV. Саратов, 1932; он же. Археологические памятники Северного Прикаспия. «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3. Саратов, 1960.

(Захар-Калма, Воскресенская, I Комаровская, IV Юртовская, III и IV Татарско-Азибейские стоянки и др.). Однако состав орудий носит здесь своеобразный характер: микролиты как бы «вкраплены» в специфический комплекс, отличный от нижневолжского и несущий определенные черты иной — северной — культурной области. Племена южной группы и характерные для них «геометрические микролиты» появляются здесь еще в мезолите, но особенно активизировалось их распространение позднее — в конце неолита. Этим объясняются и отмеченные еще В. В. Гольмстен «наиболее поздние типы» микролитов, и наличие на стоянках керамики; и отмеченное выше сочетание микролитических традиций с иными, местными неолитическими традициями.

И явление это отражает общее соотношение зон. А. А. Формозов глубоко справедливо подчеркивает общее распространение зоны геометрических микролитов с юга на север, начавшееся еще в верхнем палеолите и охватившее постепенно территории, являвшиеся прямым продолжением иных, более ранних культурных областей⁴⁰. Весьма показательной аналогией району Самарской Луки является, например, Нижний Дон. Здесь стоянок с геометрическими микролитами много, но к мезолиту может быть отнесена лишь одна — Рогалик Якимовский, да и та наряду с микролитами имеет черты и северных неолитических стоянок. Другие же стоянки южнорусской группы появились здесь лишь в неолите. «По-видимому, — заключает А. А. Формозов, — Северная Донетчина была пограничным районом между северной и южной группами мезолитических стоянок»⁴¹.

Я остановился на зоне «геометрических микролитов» и распространении ее потому, что именно с этой зоной связано появление древнеямных племен, а распространение их шло в том же направлении. Выше уже было показано, что оно шло по убывающей с юга на север, и Самарской Луки достигли лишь отдельные немногочисленные древнеямные группы. Это позволяет говорить о единой закономерности, исключает возможность выделения древнеямных скотоводов из среды лесного охотничье-рыболовческого населения и еще более прочно связывает их с зоной «геометрических микролитов», представленной в Волжско-Уральском междуречье дюнными стоянками.

Однако ограничивается ли процесс происхождения древнеямных племен рассматриваемой территории и их культуры простой эволюцией населения дюнных стоянок и прежде всего развитием местной экономики? Полагаю, что нет, и в этой связи перейду ко второму моменту, обусловившему появление в Волго-Уральском междуречье древнеямных племен и прежде всего их экономической базы — скотоводства. Таким моментом я считаю основную ориентацию культурных связей в период формирования древнеямной культурно-исторической области.

Естественно, в общих пределах этой гигантской области связи были многообразными, специфичными для различных районов, в процессе развития они изменяли и интенсивность и направление. Я останавлиюсь

⁴⁰ А. А. Формозов. Этнокультурные области..., стр. 71.

⁴¹ Там же, стр. 74.

лишь на основных направлениях, игравших определяющую роль в ключевые моменты истории древнейших племен, и прежде всего на территории Волго-Уральского междуречья.

Выше была показана неразрывная связь формирования культурно-исторической области и специфики ее развития с развитием производящего хозяйства при преимущественном значении подвижных форм скотоводства. Какие же связи могли способствовать выработке и развитию этой формы хозяйства?

Среди палеозоологов нет согласия по вопросу о возможности местного одомашнивания основных видов скота, прежде всего овец, в Каспийско-Черноморских степях. Если исключить лошадей, свидетельства одомашнивания других животных известны здесь лишь в западных районах, они единичны и касаются лишь крупного рогатого скота⁴². Мне представляются наиболее обоснованными доводы В. И. Цалкина и других сторонников негативного решения этого вопроса. Скотоводство появляется в основных районах степной полосы не ранее второй половины IV тысячелетия до н. э., причем появляется уже сложившимся и настолько развитым, что именно потребностями его было обусловлено начало освоения степей. И уж при всех условиях следует иметь в виду, что подлинное развитие скотоводства в наших степях началось, безусловно, позднее, чем в древнейших центрах производящей экономики Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья, а также в первых производящих центрах на территории СССР (Джейтун-Анау I на юге Средней Азии, культура типа Кюль-Тепе I в Закавказье, Буго-Днестровская культура в Северо-Западном Причерноморье). С последними степная полоса была постоянно связана, и исключение влияния их при распространении в степях скотоводства и прежде всего овцеводства представляется абсолютно незакономерным⁴³. Полагаю, что в этом процессе значительную роль сыграла естественная диффузия из культурных очагов, уже знавших домашних овец задолго до распространения их в степной полосе.

При этом следует иметь в виду, однако, что древнейшие степные скотоводы не могут считаться прямым дериватом земледельческо-скотоводческого населения этих центров, выделившимся в связи с переходом к новым подвижным формам хозяйства. Такому предположению решительно противоречат резко различные традиции материальной культуры. Наиболее четко это выражено в керамике.

Исследования последних десятилетий позволяют говорить о наличии двух традиций в самом процессе происхождения керамики. В древнейших земледельческих обществах, где керамика появляется в условиях уже развивающейся производящей экономики и обусловленных ею стационарных поселений, с самого начала распространены плоскодонные формы. Это подтверждается всеми известными случаями, в которых

⁴² Имеются в виду кости предположительно одомашненного быка в культурном слое Каменной могилы в Приазовье, относимом к VI тысячелетию до н. э. (В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Киев, 1970).

⁴³ Даже при наличии в степях собственного биологического фона для такого распространения, что пока остается весьма сомнительным.

можно проследить первичное появление керамики в указанных условиях. Укажу здесь Джармо в Ираке, Тепе-Гуран и Сялк I в Иране, Бельдиби и Чатал-Гюк в Южной Турции, тасийскую культуру Верхнего Египта, культуру Неа-Никомедии в Северной Греции, джейтунскую культуру Южной Туркмении. Факты эти прослежены на самых различных территориях и могут рассматриваться как проявление определенной закономерности. И столь же закономерным можно считать первичное появление остродонных и круглодонных керамических форм в обществах, не знающих еще производящей, и прежде всего земледельческой, экономики и стационарных поселений. Именно в этих формах мы встречаем древнейшую керамику во всей доземледельческой Европе, во всей широкой полосе охотничье-рыболовческих культур, тянущейся по территории нашей страны от Прибалтики до Казахстана и Зауралья⁴⁴.

И в этих же остродонных и круглодонных формах, абсолютно чуждых центрам производящей земледельческо-скотоводческой экономики, древнейшая керамика появляется в степной полосе вместе с древнеямными племенами и распространяется ими на огромных пространствах. Выше уже подчеркивалось, что древнеямные племена связываются с указанной охотничье-рыболовческой зоной не только формами сосудов, но и орнаментальными традициями (отмечу аналогичность в этом плане бережновского сосуда на Волге с керамикой поселения у Андреевского озера на Урале, а древнейших нижнедонских сосудов — с керамикой Ракушечного Яра и днепро-донецких поселений).

Все это позволяет считать, что процесс выделения древнеямных племен начался в определенной части указанной зоны охотничье-рыболовческих культур или во всяком случае на территории, с этой зоной соприкасавшейся.

Процесс этот был обусловлен решающими воздействиями производящего хозяйства, которые из этой зоны исходить не могли. Он ознаменован формированием погребального обряда, глубоко специфичного, степного, отличного от всех предшествующих обрядов как охотничье-рыболовческих, так и земледельческо-скотоводческих обществ. И все же в обряде этом могут быть отмечены совмещенные реминисценции как первых, так и вторых⁴⁵ (с заметным преобладанием последних⁴⁶). Обряд подтверждает двусторонность воздействий, игравших определяющую роль в процессе формирования культуры древнейших степных скотоводческих племен.

Все это делает закономерным локализацию территории этого процесса на стыке двух зон. Но охотничье-рыболовческая зона соприкасалась с зоной древнейшего производящего хозяйства во всех трех «аванпостах» ее на территории нашей страны: трипольском (и далее на запад балкано-дунайским), кавказском и среднеазиатском. Впоследст-

⁴⁴ Д. Я. Телегин. Днепро-Донецька культура. Київ, 1968, рис. 53.

⁴⁵ Д. Я. Телегин. Могильники днепро-донецкой культуры и их историческое место. СА, 1966, № 1.

⁴⁶ Скорченные индивидуальные погребения характерны для широкого круга раннеземледельческих культур от Хассуны и Халафа в Месопотамии и Сялка в Иране до Гумельницы на Балканах.

вии все три играли весьма значительную роль в судьбах древнеямной культурно-исторической области. Но какова была их роль в первоначальном процессе выделения степных скотоводческих племен?

Северопричерноморский очаг — для рассматриваемого периода раннее и среднее Триполье — должен быть сразу же отсечен. Это обусловлено резкими различиями по всем возможным направлениям сличения трипольской культуры со степными культурами. В материальной культуре нет ничего общего, и лишь в результате исторических связей трипольские вещи начинают появляться в древнеямных комплексах, а степные — в трипольских, причем и те и другие четко выделяются в инкультурной среде. Столь же различны и погребальные обряды, особенно на раннем этапе, а появление курганного обряда у усатовских племен является прямым следствием решающих степных воздействий, сочетающихся с сохранением местных традиций (бескурганные могильники). Характер экономики у трипольцев и степных племен резко различен изначально. В дальнейшем в результате исторических связей на отдельных смежных территориях происходит известное сближение его (Михайловка). Более того, глубоко различен и сам скот как по составу, так и по своей биологической характеристике⁴⁷.

Поэтому, повторяю, трипольская культура не может рассматриваться как очаг, оказавший решающее воздействие на процесс выделения наиболее ранних групп древнеямных племен.

Воздействия же двух других центров, безусловно, должны быть приняты во внимание. Волжско-Уральское междуречье было связано открытыми степными пространствами как с Кавказом, так и со Средней Азией. Оба эти центра входили в зону распространения диких предков домашних животных и были в свою очередь связаны с древнейшими цивилизациями Передней Азии, где domestикация животных, прежде всего овцы и козы, засвидетельствована для VI, а скорее всего и для VII тысячелетия до н. э. В V—IV тысячелетиях до н. э. основные виды домашних животных были известны и на Кавказе и на юге Средней Азии. Обе эти области оказывали весьма заметное воздействие на Волжско-Уральское междуречье на протяжении ряда исторических эпох. Уже в истории древнеямных племен воздействия обеих областей прослеживаются достаточно четко и в ряде случаев представляют сложные сочетания. Обе области в равной мере могли сыграть значительную роль в становлении степного скотоводства вообще. И для определения конкретной роли каждого из этих центров необходимо учитывать всю сумму археологических данных.

Древнейшая неолитическая культура с производящим хозяйством в Закавказье представлена прежде всего раннеземледельческими долговременными поселениями (типа Кюль-Тепе у Нахичевани) с соответствующими формами отгонного скотоводства, заметно отличного от степного. Ни в инвентаре своем, ни в погребальном обряде ни эта, ни последовавшая за ней куро-аракская культура никаких связей с культурой древнеямных племен не имеют.

⁴⁷ В. И. Цалкин. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.

Сложнее вопрос о Северном Кавказе. Он, как уже отмечалось, входил в одну культурную общность со степью уже в мезолите, судьбы населения и культур обеих территорий тесно переплетались и в дальнейшие периоды. Северный Кавказ оказал, безусловно, весьма значительные влияния на конкретные варианты древнеямной культурно-исторической области, и не только смежные (Предкавказский, Донской, Крымский), но и более отдаленные (Приазовский, Нижне-Днепровский и пр.). Но эти влияния всегда достаточно хорошо заметны в древнеямной культурной среде. Они четко отличны от нее. Это дало повод В. Н. Даниленко говорить о второй — отличной от древнеямной линии развития степного энеолита, связанной с прямыми северокавказскими воздействиями⁴⁸. Здесь вновь следует подчеркнуть изначальные различия и в материальной культуре, и в обряде, и в характере самого скотоводства. Неолит Северного Кавказа изучен пока далеко не полно. Но среди известных материалов его мы не находим прообразов ни форм, ни орнаментов наиболее ранних древнеямных сосудов. Древнейшие курганы появились на Северном Кавказе с майкопской культурой, которая сама испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде, и уж ни в коем случае ни по материалу своему, ни хронологически не может рассматриваться в качестве компонента или основного источника воздействий в процессе выделения ранних групп древнеямных племен. Что касается характера скотоводства стационарных майкопских поселений (типа Мешоко) с характерным для него преобладанием свиней в стаде, то и он заметно отличается от древнеямного⁴⁹. Следует подчеркнуть, что по всем отмеченным линиям различия наиболее рельефны на ранних этапах, позднее же — в результате все тех же исторических (но никак не генетических) связей — намечается известное сближение и формируются смешанные варианты. Это касается и скотоводства: если в наиболее ранних слоях майкопских поселений кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18% (при 50% костей свиньи), то позднее — под явным воздействием самих степных племен — число их возрастает до 48%. Нет на Северном Кавказе и исходных форм для обряда и инвентаря наиболее ранних древнеямных погребений.

Все это в полной мере относится и к основному центру древнейшего производящего хозяйства в Средней Азии — Южно-Туркменскому. Здесь полностью сохраняются в силе все отмеченные для других центров линии различий (прочная оседлость, безусловный приоритет земледелия, абсолютно иная материальная культура), что усугубляется заметной территориальной удаленностью от основной территории древнеямной культурно-исторической области.

Но в этой связи особого внимания заслуживает более западная территория Средней Азии — Восточный и Южный Прикаспий. Территория эта непосредственно соприкасалась с древнейшими центрами про-

⁴⁸ В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 228.

⁴⁹ А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья; В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 238, 245.

изводящего хозяйства Переднего Востока и Средней Азии. На севере же открытые пространства соединяли ее с евразийской степной полосой. В силу особенностей естественных условий перспектив сколько-нибудь значительного собственного сельскохозяйственного развития здесь не было. Для скотоводства же имелись и необходимый биологический фон (расселение здесь диких козлов и баранов безусловно)⁵⁰ и прочие природные условия. И совершенно закономерны как раннее развитие в этом районе производящей экономики, так и особый путь этого развития: основная роль здесь принадлежала скотоводству, а основной потенциальной кормовой базой являлись северные степные территории.

Особо следует отметить наличие в раннеэнеолитических слоях пещер Южного Прикаспия костей овцы. Ныне не вызывает сомнений, что именно мелкий рогатый скот подвергся наиболее раннему одомашнению⁵¹. Но сравнительно немногочисленные находки, документирующие древнейший этап этого процесса, представляют почти исключительно кости козы, найденные на ряде поселений Передней Азии (натуфийские поселения Палестины, Иерихон, Зави-Чеми-Шанидар, Джармо и др.). Доместикация овцы документирована значительно хуже. Совсем недавно В. М. Массон отмечал, что «...палеозоологические материалы, связанные с одомашненной овцой, которая, видимо, была доместигирована почти одновременно с козой, восходят лишь к сравнительно позднему периоду»⁵². Однако некоторые материалы все же есть. Ф. Цейнер предполагает наличие доместигированной овцы уже в Иерихоне и, что важнее для нас, наряду с ним в пещерах Южного Прикаспия. Эти пещеры он считает древнейшими из известных пока местонахождений со следами безусловной доместикации овцы⁵³. При этом он ссылается на Куна, который в свою очередь отмечает, что подобные следы появляются уже в мезолитическом слое пещеры Белт, в докерамическом неолите овцы занимают третье место среди всех представителей фауны, а в керамическом им принадлежит уже прочный доминант⁵⁴. При всей относительности хронологических заключений Куна сомневаться в его стратиграфии оснований нет и можно считать установленным появление здесь доместигированной овцы по меньшей мере с VII тысячелетия до н. э. Вместе с тем в хозяйстве пещерных поселков еще долгое время заметную роль играла охота⁵⁵. Севернее же, на восточном побережье

⁵⁰ F. E. Zeuner. A. History of Domesticated Animals. London, 1963, стр. 153.

⁵¹ Там же.

⁵² В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 116.

⁵³ F. E. Zeuner. Указ. соч., стр. 153; чрезвычайно ранняя доместикация овцы получила ныне весьма существенное подтверждение благодаря остеологическим материалам, найденным в основании многослойного поселения Али Кош в Юго-Западном Иране и относящимся к VIII—VII тысячелетиям до н. э. (F. Hole, K. Flannery, J. A. Neel. Prehistory and Human Ecology of the Deh Luran Plain. An Early Village Sequence from Khuzistan, Iran, Ann Arbor, 1969, стр. 30 сл.). В целом территория появления древнейших доместигированных овец закономерно соответствует зоне распространения их диких предков, охватывающей широкую полосу от Южного Прикаспия через Иранское нагорье до Ассирийских степей (K. V. Flannery. The Ecology of Early Food Production...).

⁵⁴ C. S. Coon. Cave Explorations in Iran, 1949, стр. 133.

⁵⁵ F. E. Zeuner. Указ. соч., стр. 153 сл.

Каспийского моря влияния южных центров производящего хозяйства чувствуются меньше, охота и рыболовство сохраняют там свои позиции примерно до IV тысячелетия до н. э., в других же проявлениях культуры очень многое сближает эту область с Южным Прикаспием.

Значительный интерес в этом аспекте представляет получившая уже широкую известность пещера Джебел, открытая на юго-западе Туркмении, в районе Красноводского полуострова. Исследовавший ее А. П. Окладников при интерпретации и датировке слоев Джебела неоднократно обращается к материалам Южного Прикаспия и прежде всего Белта, подчеркивая, что это «...ближайший к Джебелу пещерный памятник, где представлена во многом близкая культура неолита и мезолита, принадлежавшая тем же прикаспийским племенам»⁵⁶. Население Джебела и других поселений Восточного Прикаспия было тесно связано и с более северными областями, с широкой полосой уходящих на северо-запад охотничье-рыболовческих культур. Следы взаимных влияний носят здесь конкретный характер и отражаются определенными археологическими материалами (керамика, кремь)⁵⁷. В самом Джебеле охота и рыболовство оставались доминирующими видами хозяйства вплоть до IV тысячелетия до н. э., скотоводство развилось здесь позже, чем в Южном Прикаспии, и под несомненным его влиянием⁵⁸.

Но весьма характерно, что появление скотоводства в Восточном Прикаспии, как и в Южном, было выражено прежде всего распространением мелкого рогатого скота. Характеризуя хозяйственные перемены, отраженные материалами верхних трех слоев пещеры, А. П. Окладников пишет: «Теперь впервые с полной определенностью в слоях пещеры обнаруживаются следы скотоводства в виде костей мелкого рогатого скота — овцы или козы. Косвенным, но достаточно отчетливым свидетельством того, что жители пещеры во время образования трех верхних слоев ее заполнения разводили мелкий рогатый скот, служит и сам по себе характер этого заполнения — рыхлая зола, образовавшаяся из сгоревшего овечьего или козьего помета»⁵⁹.

Весьма характерна древнейшая керамика Джебела (5—4-й слои). Она резко отличается от сосудов раннеземледельческих поселений. «Изготовленные от руки примитивной лепной техникой, отличающиеся примесью мелко растолченных раковин в одних случаях и дробленого камня — в других, сосуды эти обладают и резко выраженной архаической формой. Они были или круглодонными, или имели острое сосковидное днище...»⁶⁰, т. е. входили в круг тех форм, которые представлены и древнейшей керамикой степной полосы. В этой связи представляется весьма интересным и перспективным следующее замечание А. П. Окладникова: «Прикаспийские племена этого времени, несомнен-

⁵⁶ А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 210.

⁵⁷ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 213—215; В. Н. Даниленко. Неолит Украины, стр. 181 сл.

⁵⁸ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 211.

⁵⁹ Там же, стр. 201.

⁶⁰ Там же, стр. 200.

но, находились в связи и с населением Поволжья. Во всяком случае микролитические находки на разветвленных дюнных стоянках Поволжья имеют много общего с находками в Туркмении, достаточно близкой к Поволжью, чтобы различные группы древнего населения могли вступать даже и в прямой контакт друг с другом. Не менее интересно и то обстоятельство, что поздняя мезолитическая остродонная керамика Джебела имеет много общего с древней керамикой неолита Крыма и Украины. Не исключено далее, что наследием именно этой керамики, а не керамики лесного неолита могут оказаться в конечном счете такие же круглодонные и остродонные сосуды, с одной стороны, ямной культуры Причерноморья, а с другой — афанасьевской культуры Минусинского края и Алтая»⁶¹.

Весьма важно отметить, что пещера Джебел не составляет единичного исключения. При исследовании Г. Е. Марковым грота Дам-Дам-Чешме 2 в тех же районах Восточного Прикаспия также были зафиксированы и фрагменты круглодонных сосудов и кости domesticированной овцы⁶² (добавлю к этому и упоминавшиеся уже микролиты).

Исследование неолитических памятников Восточного Прикаспия лишь начинается. Происходящие отсюда материалы пока весьма ограничены. Но полагаю, что здесь археологически намечается стык двух зон: северной — с присваивающим еще хозяйством, и южной — с производящим хозяйством, отмеченным в данном районе преобладанием скотоводства.

Все вышеизложенное заставляет при разработке вопроса о распространении производящего хозяйства, и прежде всего скотоводства, в степной полосе обратить особое внимание на зону контакта ее с форпостами переднеазиатских центров производящего хозяйства в Южном и Восточном Прикаспии. Зона такого контакта, характеризуемая прямыми следами взаимодействия северных и южных групп, лишь начинает выявляться. Но первые памятники ее — типа Джебела и Дам-Дам-Чешме 2 уже дают весьма важный и показательный материал. Еще раз подчеркну, что факты позволяют говорить здесь не только о стыке двух хозяйственных зон, но и о таких важных конкретных моментах, как:

- 1) безусловные свидетельства воздействий южных центров на северную периферию, а через нее на прилегающие степные территории;
- 2) особенно значительная роль скотоводства в формирующемся производящем хозяйстве с преобладанием мелкого рогатого скота в стаде;
- 3) сходство кремневого инвентаря;
- 4) сходство керамики.

К этому следует добавить, что традиция индивидуальных скорченных погребений, не характерная для степной полосы до появления древнеямных памятников, широко распространена на Ближнем Востоке — в том числе в Южном Прикаспии и в раннеземледельческих центрах Средней Азии начиная с VI тысячелетия до н. э.⁶³

⁶¹ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 215.

⁶² Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии, рис. 3, 3.

⁶³ Сялк I в Иране, несколько позднее Анау I, Намазга II и многие другие в Южной Туркмении.

Ни на одной другой территории стыка степной зоны с древнейшими центрами производящего хозяйства нет столь четких и комплексных признаков изначального и решающего взаимодействия.

Конечно, отсюда отнюдь не следует вывод о южнокаспийском или среднеазиатском происхождении древнеямных племен и о миграции их из этих областей на запад. Культура древнеямных племен не появилась и не могла появиться в готовом виде «откуда-то с юго-востока»⁶⁴. В начале настоящей главы я пытался показать общую незакономерность постановки вопроса о едином происхождении древнеямных племен, едином их «корне» или единой «прародине». Но воздействие древнейших центров производящей экономики на процесс формирования ряда групп древнеямных племен и их культуры безусловно. И приведенные выше конкретные данные позволяют полагать, что для Волго-Уральского междуречья основной ориентацией связей, обусловивших это воздействие, была юго-восточная ориентация. Пути же воздействий были различными. Были здесь и прямые миграции, обусловленные развитием скотоводства в смежных с древнейшими центрами районах, концентрацией населения и началом освоения степей. Но основную роль играло распространение в степи и степном пограничье новых форм хозяйства, восприятие которых было подготовлено экономическим развитием местных племенных групп и длительным контактом их с южными территориями. Лишь такое распространение могло обусловить резкое расширение и концентрацию самих степных групп, создание больших племенных массивов, активизацию различных форм связей между ними, включая значительные и спонтанные перемещения и следовавшие за ними явления культурной нивелировки.

Связи непосредственно интересующего нас района с Восточным Прикаспием и северной периферией Средней Азии пока намечаются лишь ориентировочно, по отдельным общим признакам. Разделяющие эти территории районы Северного Прикаспия изучены еще далеко не достаточно, хотя открытие древнеямных погребений в Южном Приуралье заметно отодвинуло границу рассматриваемого варианта на восток, приблизив ее к степной периферии Средней Азии. Следует, однако, еще раз подчеркнуть закономерность таких связей и наличие подтверждающих их свидетельств как для данной, так и для последующих эпох. Так, северные контакты кельтеминарской культуры убедительно показаны в ряде исследований⁶⁵. Отдельные фрагменты сосудов с очень близким кельтеминарскому орнаменту известны и в далеких от Приаралья районах степной полосы — они найдены на Нижней Волге (котлован Волгоградской ГЭС) и в районе Цимлянского водохранилища. В дальнейшем связи Волжско-Уральского междуречья с северными пределами Средней Азии достаточно четко документируются такими упоминавши-

⁶⁴ Подобный вывод мне без всяких оснований пытаются приписать Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскараров («Первобытная культура в низовьях Зеравшана». Ташкент, 1966, стр. 169).

⁶⁵ С. П. Толстов. Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 158; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 30—31.

мися выше памятниками, как Заман-баба, и материалами тазабагыбской культуры⁶⁶.

В силу приведенных данных мне представляется, что основной ориентацией связей, сыгравших решающую роль в распространении подвижных форм скотоводства в степной полосе, была восточная ориентация — та естественная ориентация, с которой мы неизменно встречаемся и в более поздние периоды при распространении больших степных скотоводческих массивов — от срубных племен до средневековых кочевников. Воздействия этих связей ранее всего охватили восточный же участок степной полосы от Прикаспия и Приуралья до Волги и западнее ее — вплоть до нижнего течения Дона. На этой территории при определенном воздействии — через Восточный Прикаспий — специфических районов ближневосточного культурного очага начался процесс распространения в степи производящего хозяйства с преимущественным значением подвижного скотоводства. С самого начала процесс этот охватил огромную территорию, что явилось выражением качественного скачка, как в характере скотоводства, так и в характере всей экономики рассматриваемой территории. Количественное нарастание проникновений в степь привело к освоению значительных ее участков, к новым формам скотоводства и резкому росту поголовья скота, а следовательно, и к резкому росту потребности в пастбищах, к быстрому и далекому распространению больших скотоводческих групп, к не всегда прочной и долговечной, но спонтанной и территориально широкой культурной нивелировке, которая и знаменовала формирование древнейшей культурно-исторической области. В этот процесс были втянуты первоначально различные племенные группы: и население долин степных рек, оставившее дюнные стоянки с микролитическим инвентарем, и определенная часть древнейших скотоводов Прикаспия, и племена лесостепного пограничья, сохранившие реминисценции охотничье-рыболовческих традиций. Произошло заметное культурное сближение этих групп, сочетание и видоизменение их традиций, приведшие к установлению определенного культурного единообразия и, более того, ритуального единства, к проявлению в различных районах указанной территории столь близких культурных явлений, как наиболее ранние древнейшие памятники у Досанга и Исекея, у Бережновки, у Быкова, у хутора Попова, у Ростова-на-Дону, в Калмыцких степях. Объяснить это единообразие лишь появлением конвергентного развития невозможно: такое развитие, безусловно, сочеталось здесь со спонтанным распространением все более сближающихся, находящихся в тесном общении скотоводческих групп. Содержание и механика этого процесса полностью соответствуют известному положению К. Маркса о давлении избыточного населения на производительные силы и о вызванных ими перемещениях больших человеческих коллективов. Мы встречаемся здесь с наиболее древним (для рассматриваемой территории) примером такого давления и его значительных и многосторонних исторических последствий.

⁶⁶ М. А. Итина. О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. СЭ, 1967, № 2; С. П. Толстов и М. А. Итина. Кокча III. М., 1961.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История древнейшей культурно-исторической области, охватившая гигантскую территорию и более чем тысячелетний период, многообразна, сложна, а во многом и противоречива. Сравнительно быстрое распространение единообразных культурных явлений сочетается в ней с застойностью, реминисценциями старых традиций, медленной их эволюцией; периоды культурной интеграции сменяются периодами культурной дифференциации, основные центры нивелирующих воздействий перемещаются из одного варианта в другой в зависимости от исторической ситуации каждого из них в различные исторические периоды. В моменты своей наивысшей активности распространение скотоводческих племен происходило многими волнами различного масштаба, с различными исходными территориями, а иногда и различного направления. Эти волны сочетались с местным развитием и сложными диффузионными явлениями. В ряде случаев относительное «древнейшее единообразие» резко нарушалось воздействиями и даже крупными вторжениями инокультурных групп (северокавказских племен, племен катакомбных культур, «культур шнуровой керамики» и др.). В других случаях распространение культуры самих степных скотоводческих групп наталкивалось на серьезное противодействие со стороны аборигенов вновь осваиваемых территорий.

Все это определяет своеобразие истории отдельных вариантов культурно-исторической области и целесообразность монографического исследования каждого из них.

Материалы наиболее восточного варианта — Волжско-Уральского — рассмотрены выше. Исследование их, как я полагаю, позволяет говорить об особой роли этого варианта в формировании и общей истории древнейшей культурной общности Каспийско-Черноморских степей. Это диктуется следующими фактами.

Именно в восточной части степной полосы фиксируется первая археологически засвидетельствованная волна распространения ранних древнейших племен. Свидетельством ее является не только подлинная близость материальной культуры, но, что важнее, распространение нового, абсолютно единообразного погребального обряда, т. е. установление ритуального единства. Основной территорией формирования и распространения этой первоначальной волны явились Волжско-Уральское междуречье и прилегающие к нему с запада и юго-запада степи Подонья и

Предкавказья. В Волжско-Уральском варианте культура ранних древнеямных племен представлена в наиболее чистом своем виде, не усложненном воздействиями инокультурных групп или сочетаниями с традициями аборигенов: эти племена сами явились аборигенами в данной области, их распространение — первым регулярным заселением степных пространств, а их культура — первой специфически степной культурой. Это заметно отличает данный вариант от более западных и дает основание считать его основным источником распространения ранних древнеямных племен и основных элементов их культуры — прежде всего специфического погребального обряда. В этой связи следует повторить, что в силу особенностей своих природных условий и контактов через Прикаспий с передне- и среднеазиатскими центрами доместикиации именно Волжско-Уральский вариант мог стать одним из древнейших очагов подвижного степного скотоводства. Последнее же явилось экономической основой формирования древнеямной культурно-исторической области.

Первый — ранний — период истории этой области носит в целом центростремительный характер, что выражается в значительной культурной нивелировке, установлении ритуального единства, распространении первоначально единых традиций древнейших степных скотоводческих племен на огромной территории. В этом процессе Волжско-Уральскому варианту принадлежит основная, определяющая роль.

Однако, расселившись в бескрайних Каспийско-Черноморских степях и втянув в процесс своего распространения и развития различные группы населения, древнеямные племена сами, естественно, подверглись значительным влияниям со стороны этих групп. Население сформировавшейся культурно-исторической области стало весьма сложным и усложнялось еще более с ходом ассимиляционных процессов и расширением ее границ. Изменялась и культура этого населения: все сильнее выявлялась специфика развития конкретных районов, возрождались древние традиции, все более значительным фактором в общем процессе становились новые направления активных связей и культурных воздействий. Все это противоречило объединительным тенденциям первого периода и обусловило специфику второго периода: нарастание центробежных тенденций и закономерную дифференциацию внутри культурно-исторической области.

Так формирование мощных энеолитических культур Северного Кавказа оказало заметное воздействие на судьбы Предкавказского, Донского и Северо-Донецкого вариантов, причем два последних еще ранее были усложнены взаимодействием с прочно укоренившейся здесь инородной культурой днепродонецких племенных групп. Еще более сложным и своеобразным был процесс развития древнеямных племен в Нижнем Поднепровье, все большую роль в котором играли как местные традиции, сохраненные потомками создателей культуры Среднего Стога II, днепродонецкой культуры, надпорожского неолита, так и активные воздействия поздне трипольских, балкано-дунайских, а в известной мере и кавказских традиций. Все это привело к заметной культурной трансформации вплоть до изменений первоначального древнеямного об-

рядового комплекса. Подобные же явления фиксируются и на Среднем Днепре, где древнеямные племена оказались в условиях активного взаимодействия с поздне трипольскими группами и продвинувшимися с запада и юго-запада племенами центральноевропейских культур, прежде всего культур шнуровой керамики. Здесь трансформация первоначальных традиций была не менее заметной.

В целом заметная дифференциация, характерная для второго периода истории древнеямной культурно-исторической области, предопределила ослабление общих внутренних связей, формирование ряда различных племенных объединений и культурных общностей, а следовательно, и различные исторические, культурные и этнические судьбы конкретных групп населения.

И в этих сложных условиях ранние традиции и в ритуале, и в материальной культуре оказались наиболее стойкими в Волжско-Уральском варианте: здесь древнеямные племена были, как уже отмечалось, основным населением, а главная ориентация связей оставалась прежней, отмеченной уже для первого периода. Это определенным образом подтверждает принадлежность Волжско-Уральского варианта к коренной, исходной территории древнеямных племен.

Конечно, ряд влияний более западных вариантов, и прежде всего мощного и своеобразного центра древнеямных племен, сложившегося в этот период в Нижнем Поднепровье, чувствовался и здесь. Достаточно назвать распространение в Поволжье шнуровой орнаментации сосудов, являющейся наследием приднепровской культуры Среднего Стога II и абсолютно не характерной для древнейших скотоводческих групп более восточных степных районов. Медные изделия, известные для этого периода в Волжско-Уральском междуречье, позволяют говорить и о кавказских влияниях. И все же основные показатели, характерные для ранней общедревнеямной волны, подверглись здесь наименьшим изменениям, значительнее менее чувствительным, чем в более западных вариантах. И прежде всего это касается основного показателя — погребального обряда, оставшегося здесь неизменным и единообразным в отличие от Донского, Приазовского, Нижне-Днепровского и других вариантов, где первоначальное единообразие обряда во втором периоде было уже заметно нарушено¹.

Еще раз подчеркну, что нарастание специфики отдельных районов и своего рода центробежные явления значительно сильнее проявляются в западной части древнеямной культурно-исторической области. В восточной же ее части, и прежде всего в Волжско-Уральском варианте, сохраняется как бы резервация изначальных традиций древнеямных племен, сыгравшая значительную роль в истории степей Восточной Европы на более поздних этапах.

В известной мере это положение сохранилось и в финальный, третий период истории древнеямной культурно-исторической области, когда ситуация в степях Северного Причерноморья была резко усложнена

¹ Н. Я. Мерперт. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. дисс. М., 1968, стр. 25, 27, 34.

появлением больших племенных групп с характерными погребениями в катакомбах. И в этот период можно говорить об определенном консерватизме Волжско-Уральского варианта, в котором — в отличие от всех прочих вариантов — сохраняется в основном прочность как погребальной традиции, так и традиций материальной культуры древнеямных племен. Но в целом изменения, связанные со сторонними влияниями, проявляются теперь сильнее, чем во второй период. Даже эта восточная «резервация» древнеямных племен и их культурных традиций подверглась определенным воздействиям катакомбных групп. Результатом подобных воздействий было появление отдельных катакомбных погребений в Волжском левобережье и формирование там специфической полтавкинской группы.

В этой связи следует подчеркнуть, что соотношение древнеямных и катакомбных групп в различных районах Каспийско-Черноморских степей сложилось по-разному. Естественно, огромное и многообразное население древнеямной культурно-исторической области не было и не могло быть ни уничтожено, ни полностью ассимилировано катакомбными племенами. Последние, безусловно, сыграли огромную роль в истории восточноевропейских степей, знаменуя новый период ее. Но вместе с тем это был и финальный период истории древнеямных племен. В целом он ознаменован дальнейшим усилением центробежных тенденций, которые становятся доминирующими и решающими. Наряду с факторами, отмеченными уже для второго периода, эти тенденции были обусловлены несколькими веками сосуществования древнеямных племен с различными катакомбными группами, взаимной ассимиляцией при значительных влияниях со стороны последних. При этом происходила и консолидация отдельных групп на новой культурной основе, формировались смешанные варианты, что естественно при длительном тесном общении. Наличие таких вариантов было правильно отмечено С. С. Березанской и О. Г. Шапошниковой². Подобные варианты существовали наряду с «чисто древнеямными» и «чисто катакомбными». Связи, общие элементы, смешанные формы явились здесь результатом исторического сближения и взаимодействия, но отнюдь не генетического родства. Подобное взаимодействие в других районах происходило с рядом различных культурных групп. Уже для второго периода отмечалась взаимная ассимиляция среднеднепровской древнеямной группы с продвинувшимися сюда племенами одной из культур шнуровой керамики. Процесс этот привел к полной переработке древнеямного культурного комплекса и поглощению его. Потомки древнеямных племен вошли здесь в состав качественно новой среднеднепровской культуры. И хотя они и сохранили некоторые этнографические свои признаки, сама эта культура не может уже быть включена в древнеямную культурно-историческую область и основные определяющие связи ее ведут на запад и юго-запад.

Все эти процессы привели к окончательному исчезновению объеди-

² С. С. Березанская и О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой «Племена катакомбной культуры». СА, 1957, № 2, стр. 271, 272.

няющих черт и качественного своеобразия, которые позволили говорить о древнейшей культурно-исторической области. Потомки ее населения были включены в новые, отмеченные иным качественным своеобразием формирования непрерывного процесса этнического и культурного развития. В некоторых из этих формирований они были полностью ассимилированы и подверглись полной культурной, а возможно, и этнической трансформации. В других же сами играли основную роль, что привело к заметным эволюционным изменениям и вместе с тем — к новой волне широкого распространения их древних традиций.

Прежде всего здесь следует иметь в виду новый этап культурной интеграции в Каспийско-Черноморских степях, охвативший еще большие пространства и связанный с формированием срубной культурно-исторической области. И вновь чрезвычайно рельефно выявляется особая роль в этом процессе населения Волжско-Уральского междуречья.

О генетическом родстве основной группы «срубного» населения с древнейшим, с особой четкостью проявляющемся в Поволжье, писали многие исследователи, в ряде случаев с приведением развернутой системы доказательств³. Останавливаться на этом вопросе специально здесь излишне. Ограничусь лишь отдельными замечаниями.

Со времени первых исследований П. Д. Рау полтавкинская группа волжского левобережья рассматривается как переходное явление между культурами древнейших и срубных племен. В этом согласно подавляющее большинство исследователей. В целом это положение представляется справедливым и ныне. Но специальные исследования полтавкинских памятников, прежде всего исследование Н. К. Качаловой, показали, что эти памятники должны рассматриваться лишь как одна из таких переходных групп, отнюдь не всеобщая, а может быть, и не основная. Своеобразие полтавкинской группы в значительной мере определялось воспринятыми или переработанными катакомбными элементами. И именно эти элементы были преодолены в процессе формирования культуры наиболее ранних срубных племен. При этом произошло как бы возвращение к исконным для Заволжья древнейшим традициям (полное исчезновение подбойных погребений, катакомбных керамических форм и орнаментальных схем), а также появились новые формы, не имеющие корней в полтавкинских комплексах, но обнаруживающие определенную близость с наиболее ранней андроновской керамикой Южного Приуралья. Это позволяет полагать, что помимо полтав-

³ П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. «Известия краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском государственном университете», т. II, 1927, стр. 31; P. Rau. Hockergräber der Wolgasteppe. Pökgowsk, 1928, стр. 16 сл.; О. А. Кривонова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955; И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947; он же. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.). МИА, № 60, 1959; он же. Древние памятники Саратовского Заволжья. «Археологический сборник». Саратов, 1966; Н. Я. Мерперт. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Поволжье. Казань, 1957; он же. Из древнейшей истории Среднего Заволжья. МИА, № 61, 1958; Н. К. Качалова. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Л., 1965.

кинской группы в формировании ранних срубных групп принимали участие древнеямные племена более восточных районов заволжских и приуральских степей, не подвергшиеся катакомбным воздействиям и продолжавшие развивать свои древние традиции параллельно развитию полтавкинских племен. Памятники этих поздних, непосредственно предшествующих срубным групп до последнего времени известны не были, но недавние раскопки в Оренбургских степях положили начало их исследованию, что позволяет считать высказанное выше предположение достаточно перспективным. Полагаю, что только при такой направленности исследования получат объяснение и столь четко проявляющееся именно на раннем этапе сходство срубных форм с андроновскими, и неоднократно подчеркивавшееся родство их (сочетающееся с антропологической близостью) с тазабагыябскими формами Приаралья⁴ и, наконец, резкая активизация приуральского очага металлургии и металлообработки и распространение его изделий на значительном участке восточноевропейских степей. Последнее было одним из факторов, обусловивших усиление раннесрубных групп, их передвижения, активные связи и основную ориентацию собственных связей — прежде всего Волжско-Уральскую. Этот фактор сочетался с прочими факторами, обуславливавшими усиление определенных групп степных скотоводческих племен. Они уже рассмотрены в связи с древнеямными племенами. На новом историческом этапе, при еще более развившемся скотоводстве и расширившихся возможностях земледелия, они стали еще более действенными. Распространение же срубной культурно-исторической области на запад в значительной мере облегчалось включением в нее родственных срубным племенам потомков древнеямного населения Подонья, Приазовья, Поднепровья, Северо-Западного Причерноморья. Сочетаясь с продвижениями самих ранних групп срубных племен, этот фактор обусловил широкое и органическое восприятие их культуры и новый период культурной нивелировки на огромных пространствах Каспийско-Черноморских степей.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская экспедиция в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6; С. П. Толстов, М. А. Итина. Кокча III. М., 1961; М. А. Итина. О месте тазабагыябской культуры среди культур степной бронзы. СЭ, 1967, № 2.

ПРИЛОЖЕНИЕ

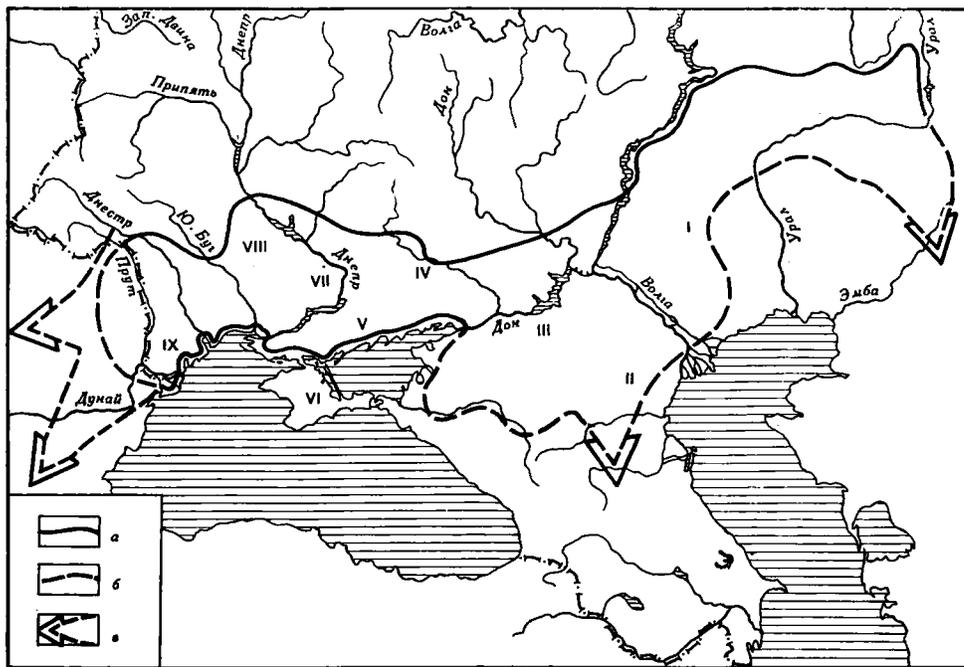

Рис. 1. Древняя культурно-историческая область и ее варианты

а — документированные границы области; *б* — предполагаемые границы области; *в* — направления вторжений в инокультурные области; варианты: I — Волжско-Уральский; II — Предкавказский; III — Донской; IV — Северо-Донецкий; V — Приазовский; VI — Крымский; VII — Нижнеднепровский; VIII — Северо-Западный, IX — Юго-Западный

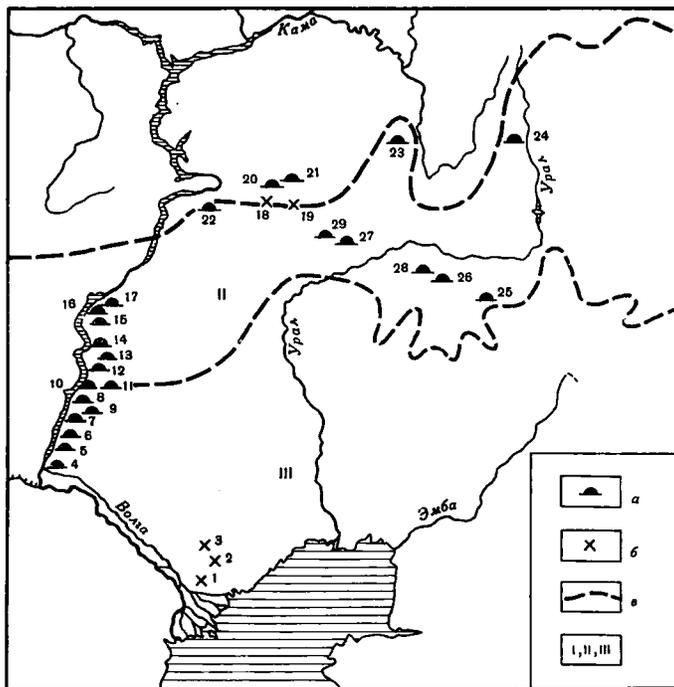

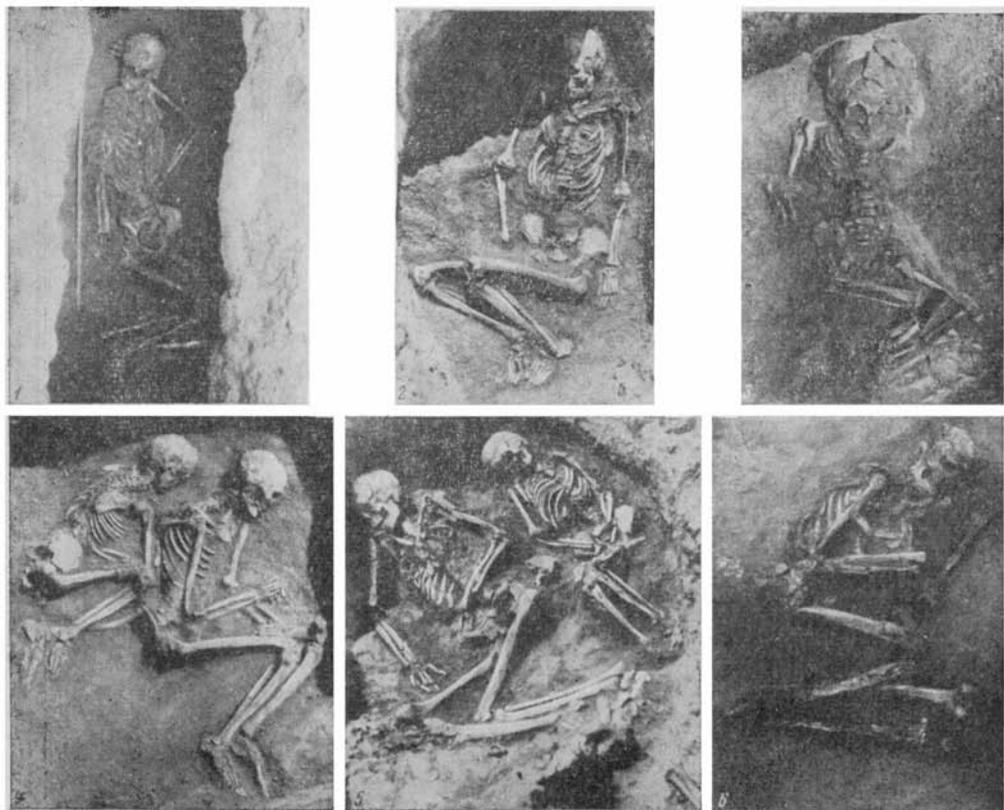
Рис. 2. Древнеямные погребальные памятники Волжско-Уральского варианта

а — курганы; б — местонахождение; в — границы ландшафтных зон: I — лесостепные области; II — степные области; III — полупустынные области; 1 — Досанг; 2 — Исекей; 3 — Новый Караузек; 4 — Верхне-Погромное; 5 — Калиновка; 6 — хут. Степана Разина; 7 — Быково; 8 — Политотдельское; 9 — Ямки; 10 — Бережновка; 11 — Лесной кордон; 12 — Иловатка; 13 — Ровное; 14 — Скатовка; 15 — Бородаевка; 16 — Старая Полтавка; 17 — Энгельс; 18 — Захар-Калма; 19 — Полимовка; 20 — Березняки; 21 — Микулино; 22 — Канаевка; 23 — Елимбетово; 24 — второй Мало-Кызульский могильник; 25 — Ак-Джар; 26 — Увакский могильник; 27 — Герасимовка; 28 — Близнецы (Кумакский могильник); 29 — хут. Барышников

Рис. 3. Древнеямные погребения Нижнего Поволжья. Первая и вторая хронологические группы

1 — Бережновка II, 9/16; 2 — Ровненский могильник, 3/11; 3 — Бережновка I, 5/22; 4 — Ровненский могильник, 7/5; 5 — Скатовка, 18/7; 6 — Быково I, 2/3; 7 — Быково, I, 4/21; 8 — Бережновка II, 9/9; 9 — Быково, I, 12/7; 1 — 3, 9 — первая хронологическая группа; 4 — 8 — вторая хронологическая группа

*Рис. 4. Древнейшие погребения Нижнего Поволжья. Третья хронологическая группа
1 — Бережновка I, 3/9; 2 — Бережновка II, 9/17; 3 — Бережновка II, 80/6; 4 — Бе-
режновка II, 9/5; 5 — Бережновка II, 9/12; 6 — Быково II, 3/7*

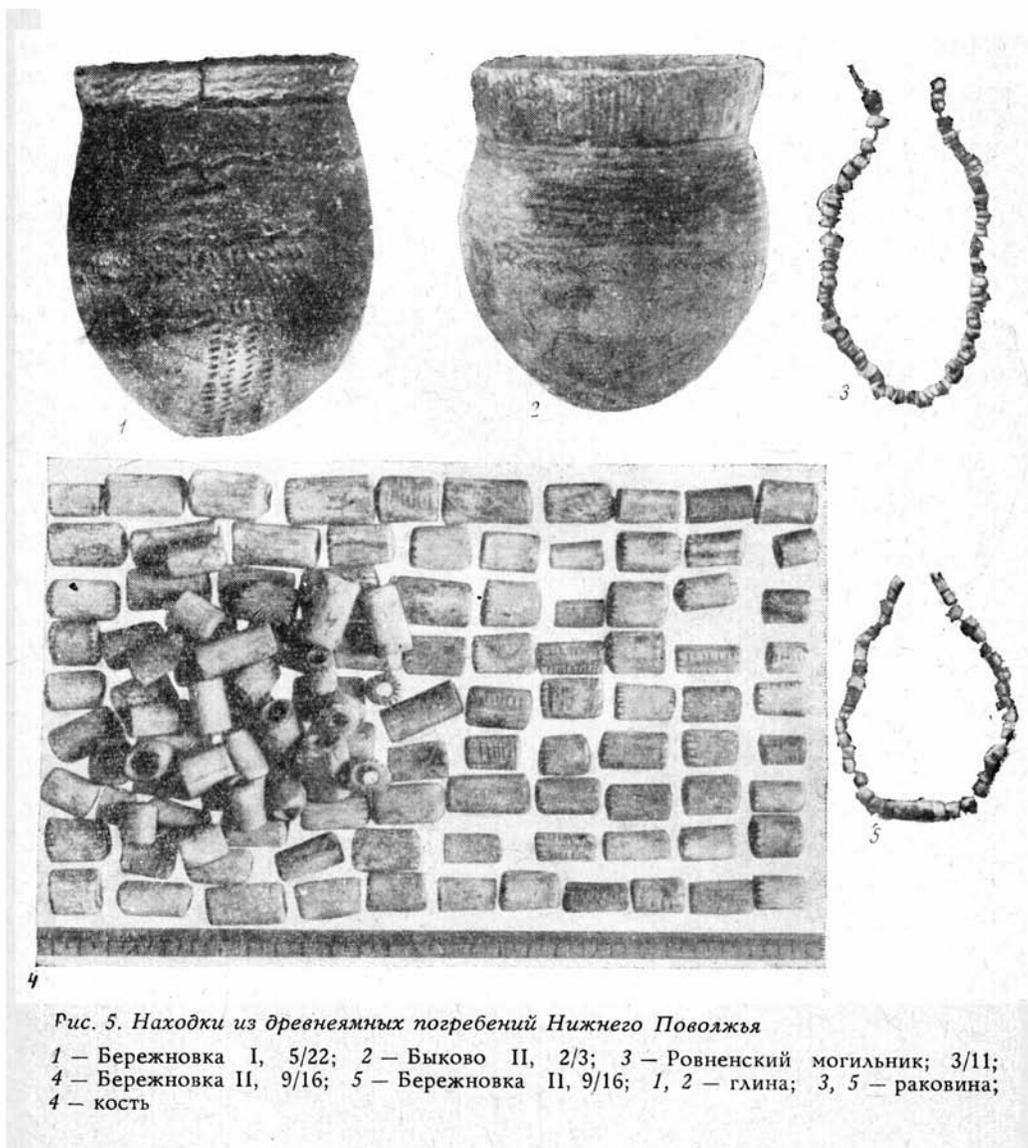

Рис. 5. Находки из древнейших погребений Нижнего Поволжья

1 — Бережновка I, 5/22; 2 — Быково II, 2/3; 3 — Ровненский могильник; 3/11;
 4 — Бережновка II, 9/16; 5 — Бережновка II, 9/16; 1, 2 — глина; 3, 5 — раковина;
 4 — кость

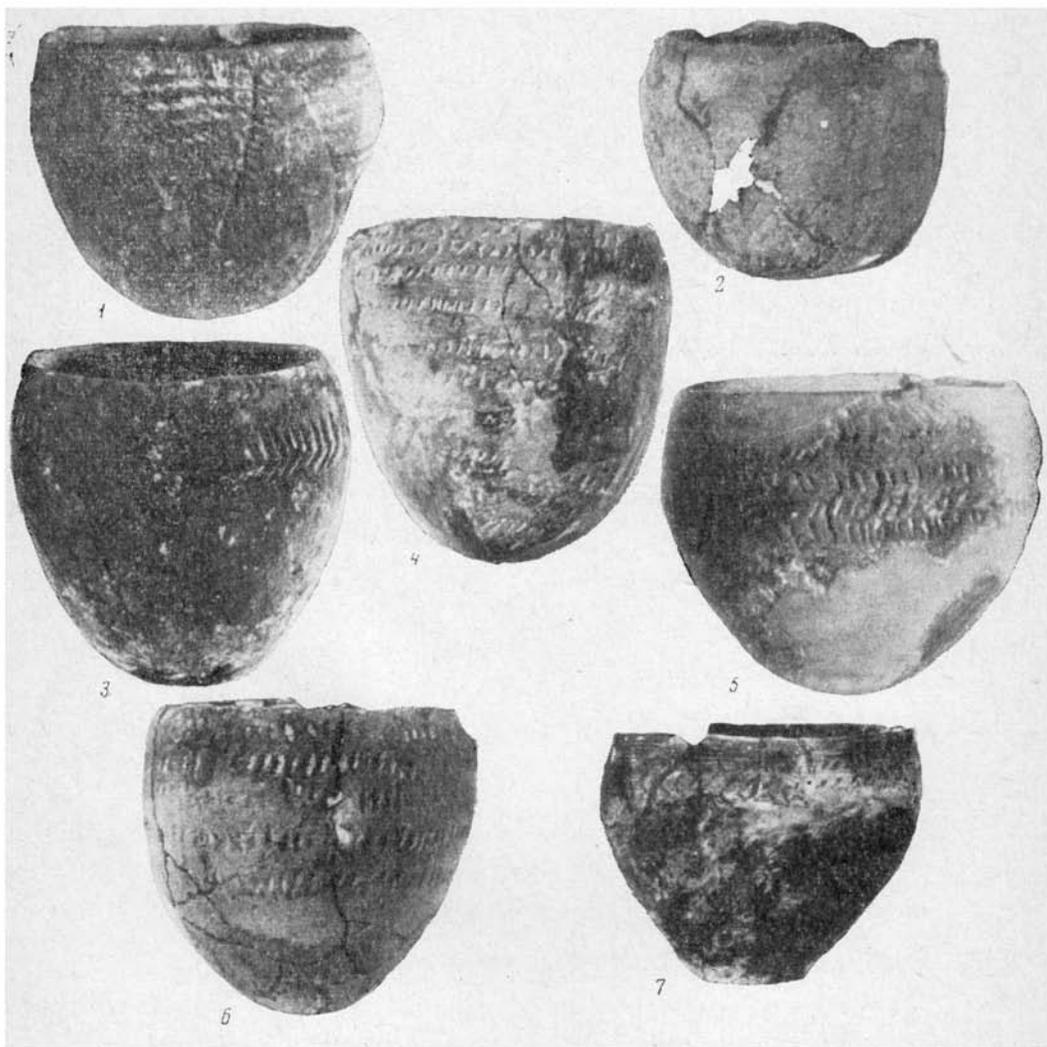

Рис. 6. Сосуды из древнейших погребений Нижнего Поволжья

1 — Бережновка I, 10/4; 2 — Ровенский могильник, 3/2; 3 — Скатовка, 12/2;
 4 — Ровенский могильник, 4/24; 5 — Политотдельское, 2/4; 6—7 — Ровенский
 могильник 8/5

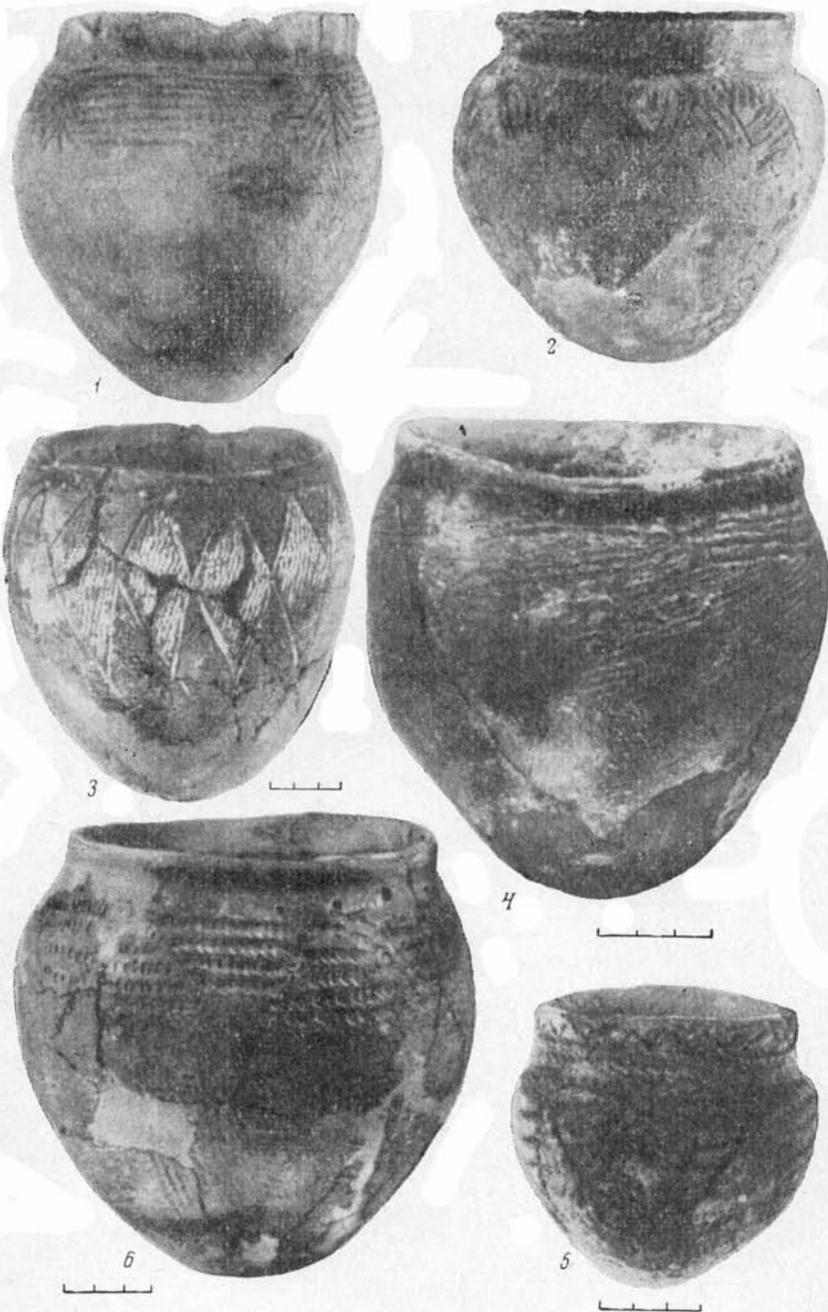

Рис. 7. Сосуды из древнейших погребений Нижнего Поволжья

1—2 — Скатовка, 5/3; 3 — Быково I, 17/7; 4 — Верхне-Погромное, 19/9; 5 — Быково II, 2/1; 6 — Верхне-Погромное, 9/11

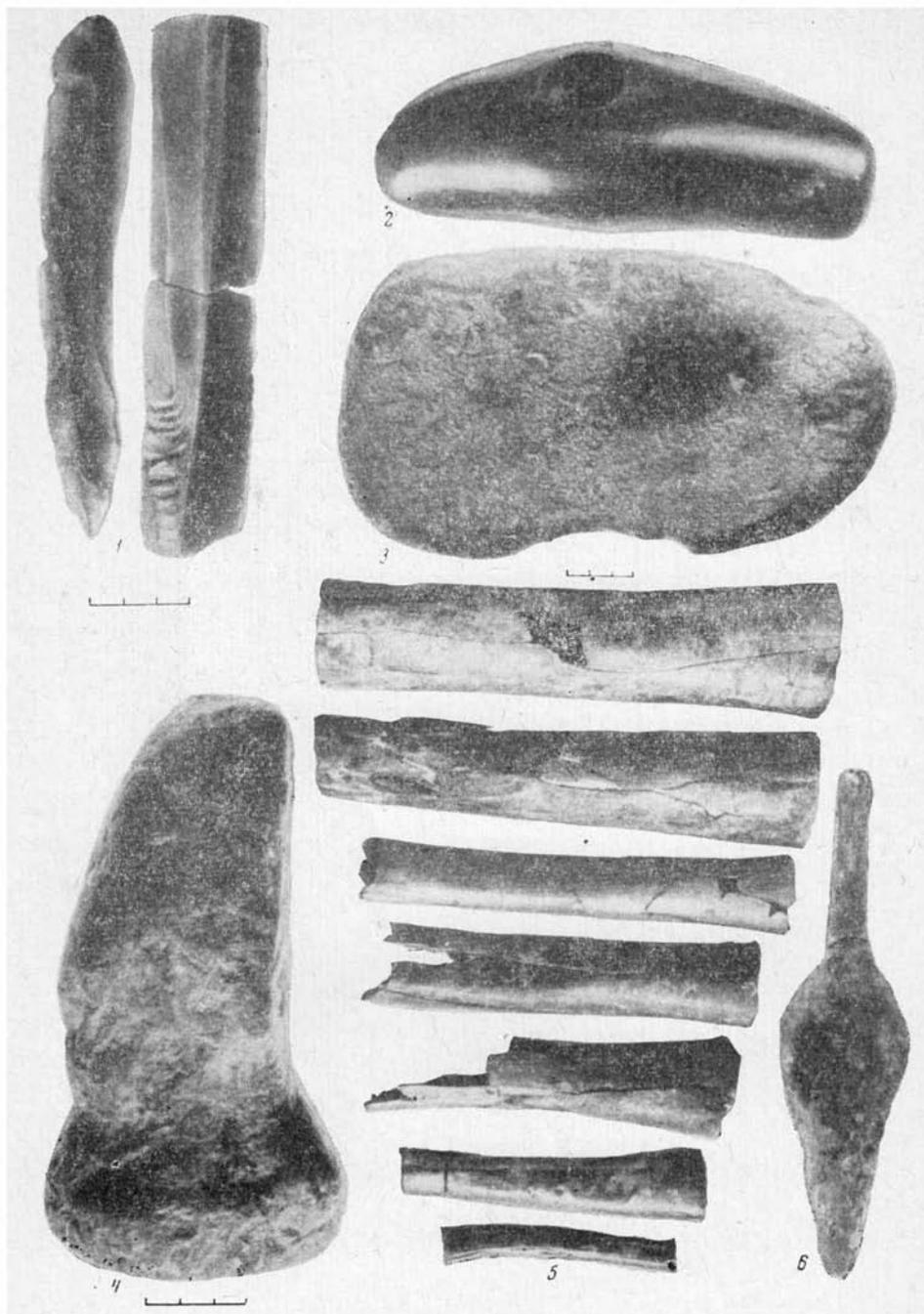

Рис. 8. Находки из древнеямыных погребений Нижнего Поволжья

1 — Бережновка II, 9/9; 2 — 4 — Быково II, 26/9; 5 — 6 — Скатовка, 5/3; 1 — кремь; 2 — 4 — камень; 5 — кость; 6 — медь

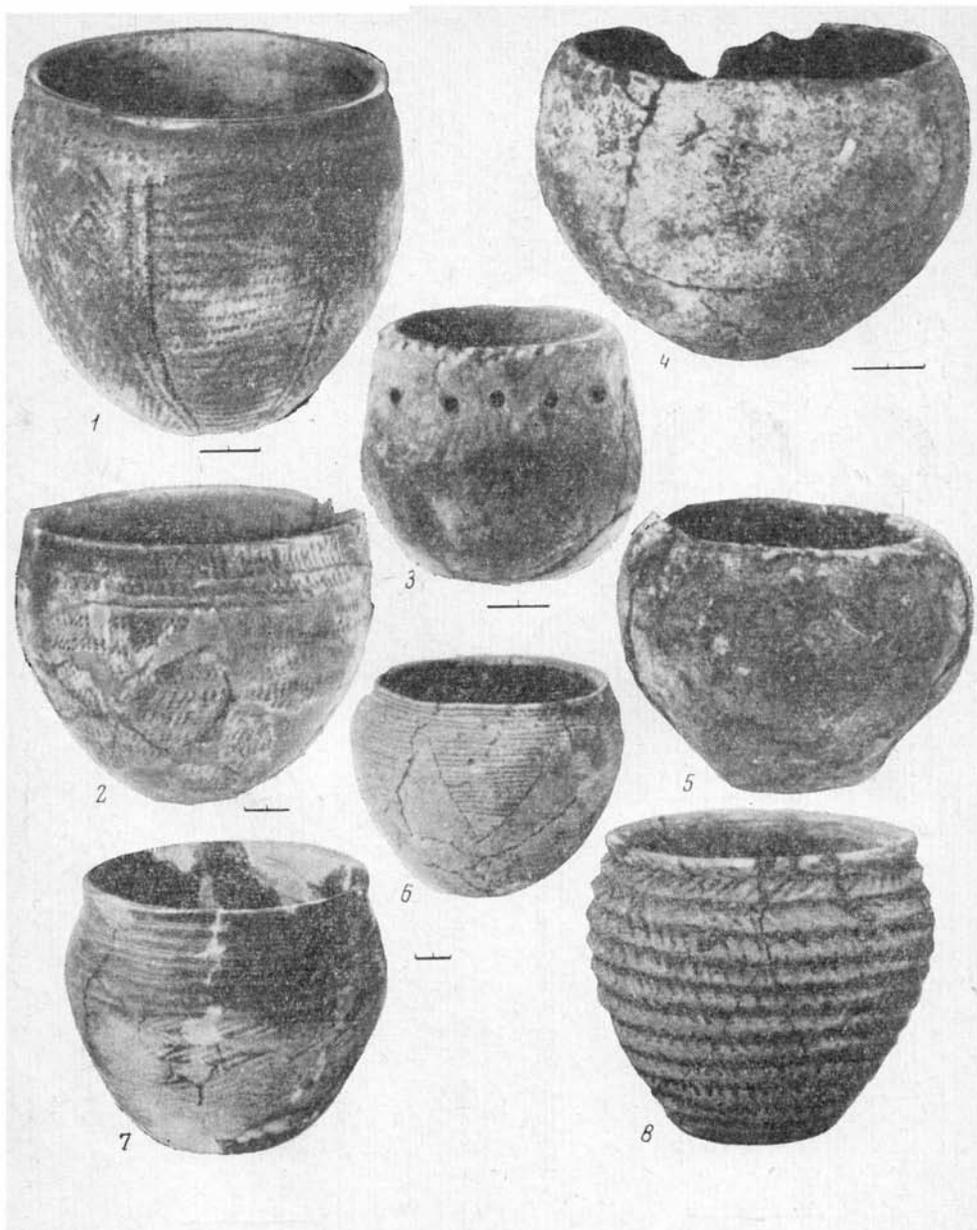

Рис. 9. Сосуды из поздней группы древнеямных погребений Нижнего Поволжья
 1 — Быково II, 1/19; 2 — Быково II, 1/16; 3 — Быково II, 2/насыпь; 4 — Политотдельское, 2/5; 5 — Бережновка II, 80/5; 6—7 — Политотдельское, 19/17; 8 — Бережновка II, 80/6

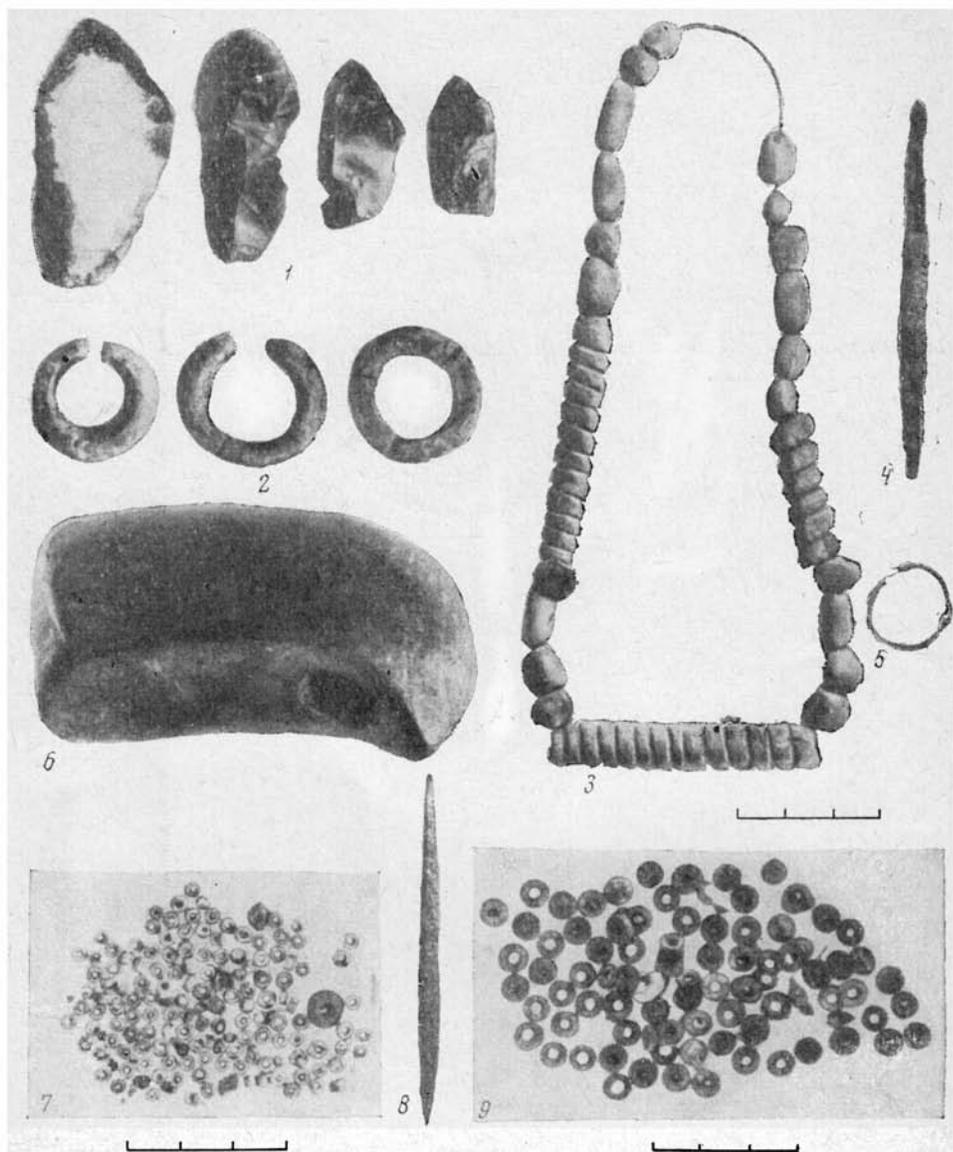

Рис. 10. Находки из поздней группы древнеямных погребений Нижнего Поволжья
 1 — Бережновка II, 9/5; 2 — Бережновка II, 9/5 и 18; 3—5 — хут. Степана Разина, 1/17; 6—7 — хут. Степана Разина, 1/19; 8—9 — хут. Степана Разина, 1/20; 1 — кремьень; 2 — известняк; 3 — кость; 4, 5, 8 — медь; 6 — камень, 7, 9, — паста

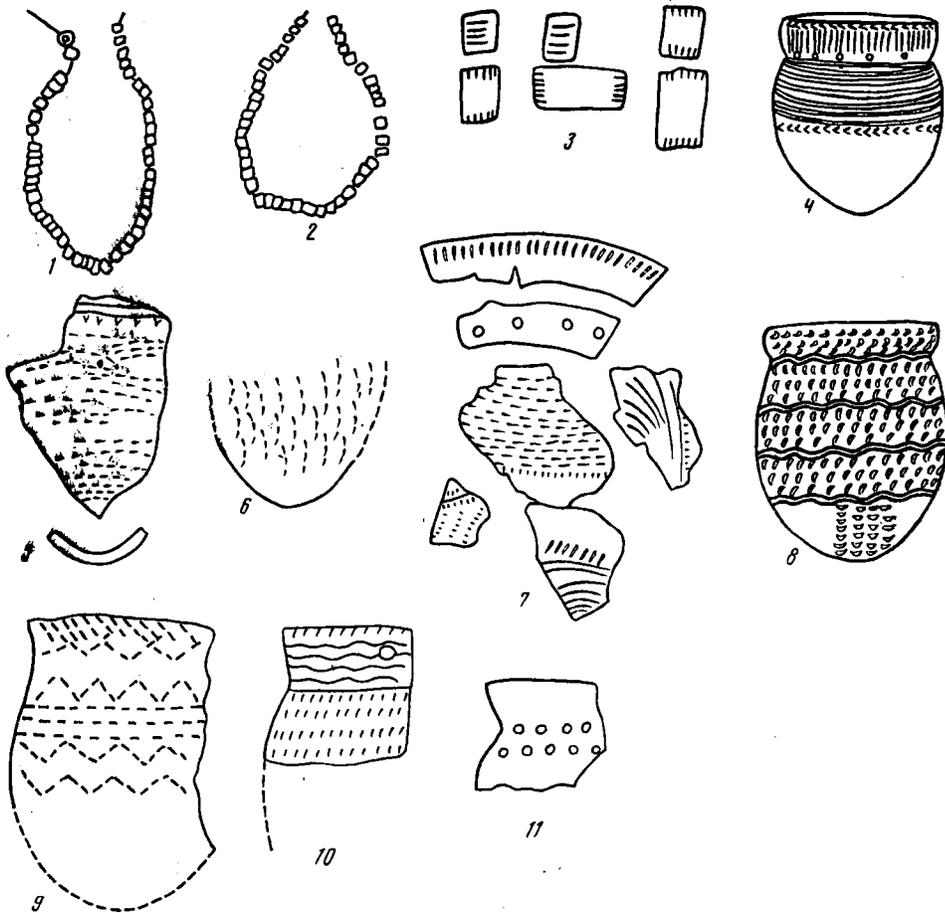

Рис. 12. Инвентарь погребений первой хронологической группы Нижне-Волжского района

1 — Ровненский могильник, 3/11; 2—3 — Бережновка II, 9/16; 4 — Быково II, 2/3; 5, 6 — Исекей; 7 — Быково I, 22/7; 8 — Бережновка I, 5/22; 9—11 — Досанг

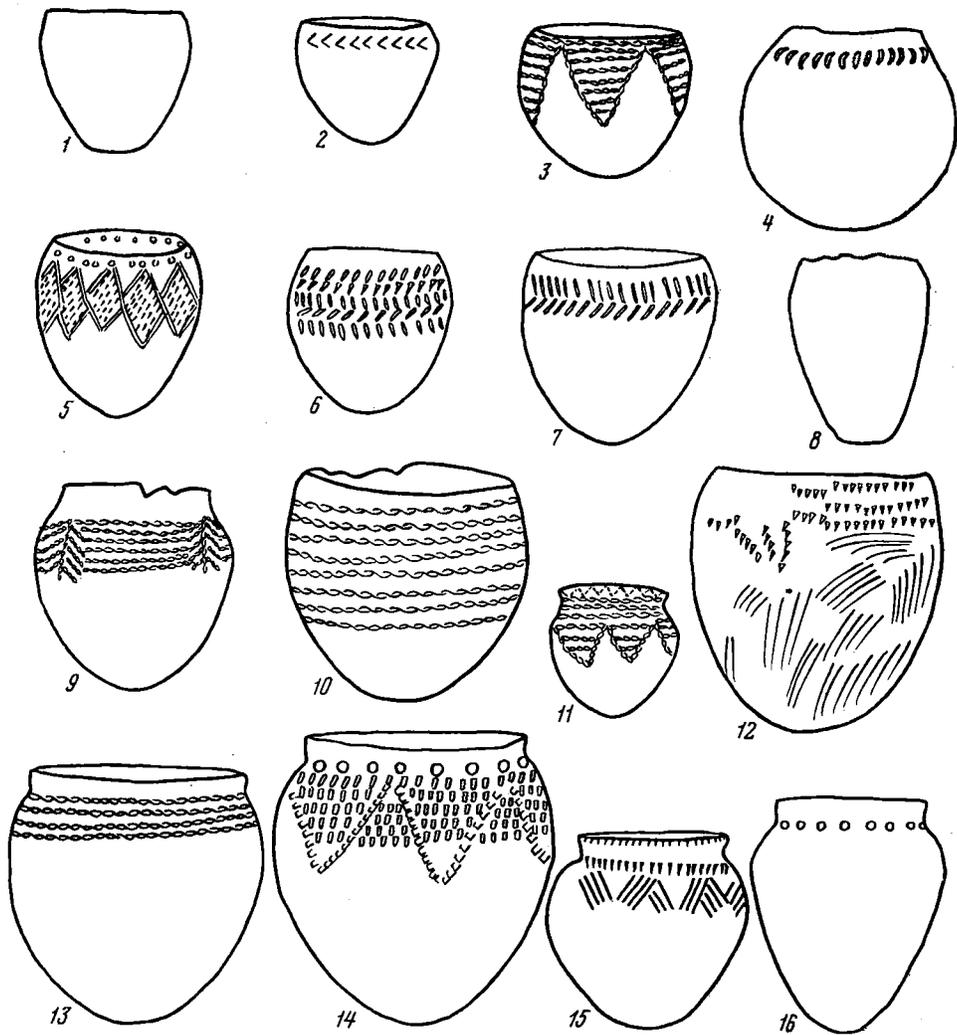

Рис. 13. Инвентарь погребений второй хронологической группы Нижне-Волжского района

1, 8 — Иловатка, 2/2; 2 — Бережновка I, 32/4; 3 — Бережновка I, 10/4; 4 — Быково I, 2/3; 5 — Быково I, 14/7; 6 — Политотдельское, 2/4; 7 — Скатовка, 12/2; 9, 15, 16 — Скатовка, 5/3; 10 — Бородаевка, 4/5; 11 — Быково II, 2/1; 12 — Калиновский могильник, 8/43; 13 — Верхне-Погромное, 19/9; 14 — Верхне-Погромное, 19/11

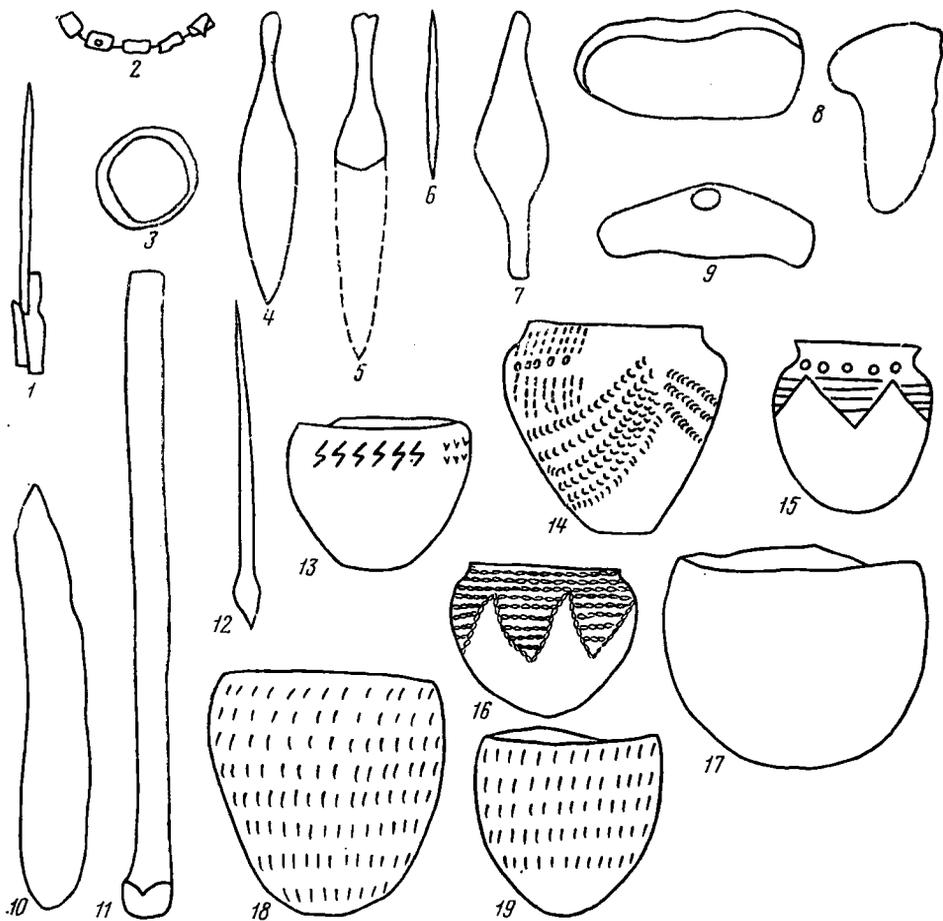

Рис. 14. Инвентарь погребений второй хронологической группы Нижне-Волжского района

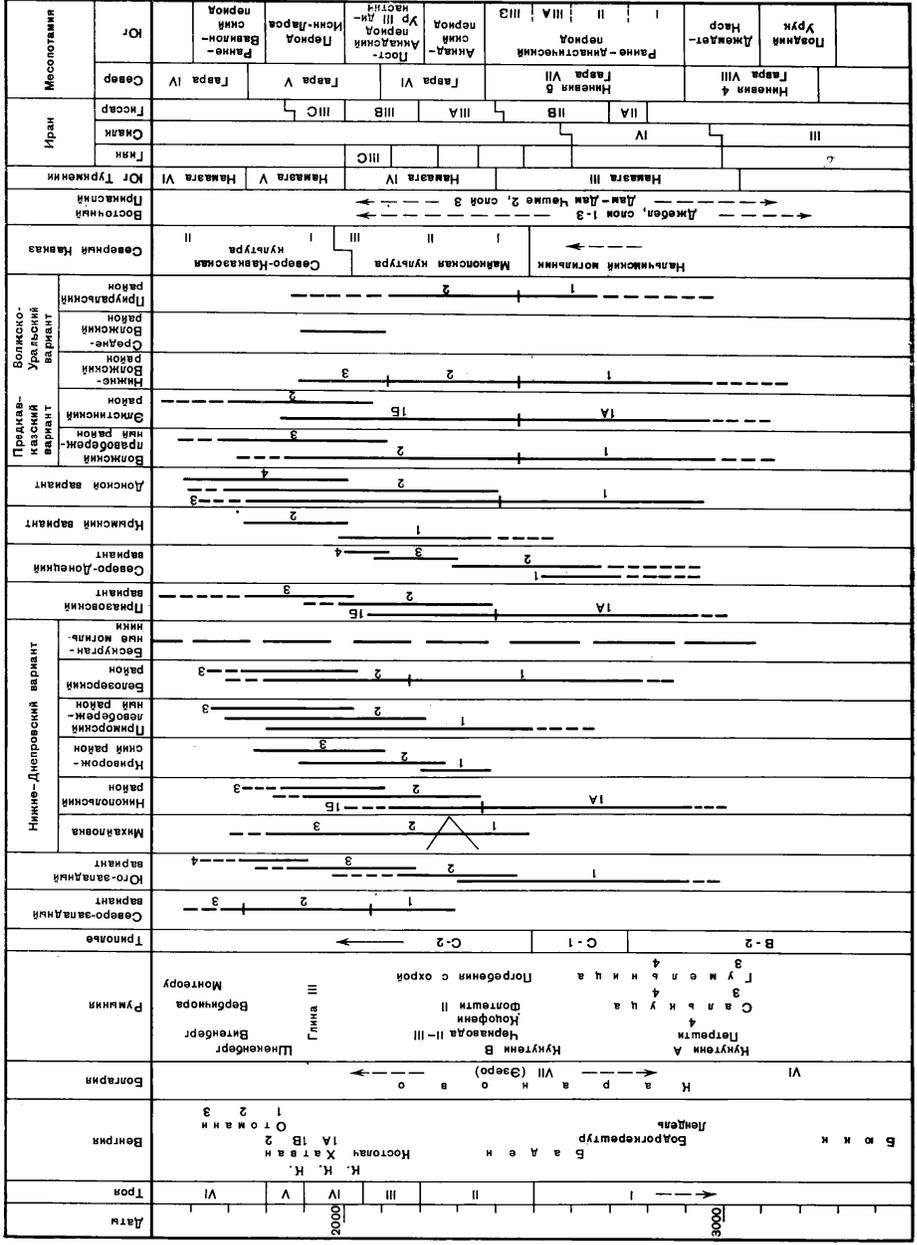
1 — Иловатка, 1/9; 2 — Иловатка, 2/2; 3 — Бережновка II, 9/9; 4 — Энгельс, 2/1; 5—6 — хут. Ст. Разина, 4/10; 7 — Скатовка 5/3; 8, 9 — Быково II, 26/9; 10 — Бережновка II, 9/9; 11 — Бережновка II, 9/10; 12 — Политотдельское, 19/30; 13, 19 — Ровненский могильник, 8/5; 14 — Иловатка, 3/1; 15 — Бережновка I, 32/2; 16 — Политотдельское, 19/7; 17 — Быково I, 3/2; 18 — Ровненский могильник, 4/24

Рис. 15. Инвентарь погребений третьей хронологической группы Нижне-Волжского района

1, 9, 12 — Бородаевка, 4/9; 2, 3 — хут. Ст. Разина, 1/17; 4 — хут. Ст. Разина, 1/20; 5—8 — Политотдельское, 4/13; 10 — хут. Ст. Разина, 1/19; 11 — хут. Ст. Разина, 1/18; 13—16 — Бережновка II, 9/5; 14 — Бережновка II, 9/17; 15 — Бережновка II, 9/18; 17 — Бережновка II, 80/6; 18 — Бережновка II, 80/14; 19 — Лесной кордон, 1/17; 20 — Бородаевка, 4/9; 21 — Калининский могиляник, 10/2; 22 — Быково III, 2/насыпь; 23 — Политотдельское, 2/5; 24 — Бережновка II, 80/5; 25 — Бережновка II, 12/1

Рис. 16. Хронологические соотношения вариантов древнейшей культуры-исторической области и синхронизация их с культурами Восточной Европы и Ближнего Востока

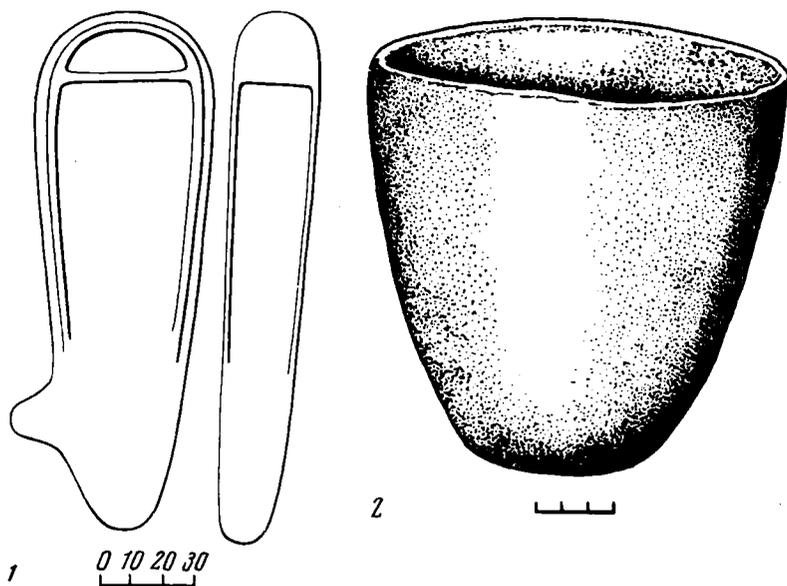

Рис. 18. Находки в древнеямных погребениях Поволжья и Приуралья

1 — диоритовый «скипетр» из Куйбышевского музея; 2 — сосуд из основного погребения кургана 13 группы «Эби-Таш» у с. Елембетова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КСИИМК — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения ГАИМК
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии РАНИОН
ЮТАКЭ — Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава I. Территория и характер памятников</i>	16
1. Волжско-Уральское междуречье и его исследование	18
2. Древнеямные памятники Волжско-Уральского междуречья	24
<i>Глава II. Курганы Нижне-Волжского района</i>	30
1. Стратифицированные курганы	31
2. Обрядовые группы и их соотношение	45
3. Хронологические группы	54
4. Общие вопросы датировки древнеямных памятников	74
<i>Глава III. Курганы Средне-Волжского района</i>	84
<i>Глава IV. Курганы Приуральского района</i>	89
<i>Глава V. Начало производящей экономики в Волжско-Уральских степях</i>	98
1. Освоение степных пространств	98
2. Основные отрасли производящего хозяйства	101
3. О формах скотоводства древнеямных племен	110
4. Общий характер экономики	118
<i>Глава VI. Вопросы сложения древнеямной культурно-исторической области</i>	123
1. Постановка вопроса	123
2. Основные факторы формирования культурно-исторической области	128
<i>Заключение</i>	147
<i>Приложения</i>	153
<i>Список сокращений</i>	166

Николай Яковлевич Мерперт
ДРЕВНЕЙШИЕ СКОТОВОДЫ
ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

*Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. В. Моисеенко
Художественный редактор В. Н. Тикуннов
Художник Е. М. Суматохин
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 30/VIII 1973 г.
Подписано к печати 26/XII-1973 г.
Формат 70×90^{1/16}. Бумага № 1
Усл. печ. л. 12,28. Уч.-изд. л. 13,2
Тираж 1000 экз. Т-16295 Тип. зак. 2875
Цена 83 коп.

Издательство «Наука», 103717 ГСП
Москва, К-62, Пядососенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10